

ЕСЛИ

ГОРОД БУДУЩЕГО

ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН

ОЛЕГ
ДИВОВ

ПРОГНОЗ

Города будущего:
в каком мире жить?

ESLI.RU

9 771660 645102
13002

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

ДЕЖУРНЫЙ ПО ВЕЧНОСТИ

Артем Желтов

В поисках будущего городов

3

прошлое

Джерри Олшен

Почему на самом деле
погиб «Титаник»

7

Даля Трускиновская

Прощальный полет

39

Евгения Колесова

Современный облик мечты

72

Города будущего:

в каком мире жить?

76

настоящее

КУРСОР

80

Евгений Лукин

Прошка с большой буквы

83

Эндрю Бартон

Пусть мне приснится
свобода

131

Адрес редакции: 190121, Санкт-Петербург,

Лермонтовский пр. 1/44, лит. «Б»

E-mail: esli.ff@esli.ru

www.esli.ru

82
СТРАНИЦА

**ЕВГЕНИЙ
ЛУКИН**

Прошка
с большой
буквы

фантастика

209
СТРАНИЦА

**ОЛЕГ
ДИВОВ**

Мы —
трактористы

футурология

234
СТРАНИЦА

Наталья Андреева

**...ЭТО ГОРОД
ВИНОВАТ**

ВИДЕОДРОМ

Александр Чекулаев

Тени Метрополиса: города
будущего в мировом кино

154

КРУПНЫЙ ПЛАН

164

РЕЦЕНЗИИ

166

МАНГА

Мир без воспоминаний

170

ГОРОД БУДУЩЕГО КОНТЕКСТ

174

Нидерланды-2040

178

ИНТЕРВЬЮ

Алексей Козьмин:

Шаг из позавчера во вчера

182

будущее

Женевьева Уильямс

Спасение

Кип Банджери

189

Олег Дивов

Мы — трактористы

209

Наталья Андреева

...Это город виноват

234

Макар Славов

Города для космоса,
космос для городов

240

Артем Желтов

Города за горизонтом
2025 года

250

В ПОИСКАХ БУДУЩЕГО ГОРОДОВ

Артем ЖЕЛТОВ

/экспертное мнение
/города

Современные представления о развитии городов и городском образе жизни, обычно кладущиеся в основу стратегий городского развития и концепций девелоперских проектов, основаны на допущении, что базовым направлением развития современного города является путь, по которому идут сверхкрупные городские агломерации. Другими словами, целью развития принимается городская среда, обладающая характеристиками среды сверхкрупного города: «форматная недвижимость», сверхкрупные многофункциональные торгово-развлекательные объекты, экономика сложных услуг и заточенное под нее функциональное зонирование городского

прошлое

настоящее

будущее

пространства, массовый фитнес, стремление к элитным стандартам потребления и т.д. На руку этому играет и общее быстрое догоняющее развитие небольших городов, а в России — расползание денег, моды и форматов недвижимости из столиц — Москвы и Санкт-Петербурга. Утверждается, что современное развитие сверхкрупных городских агломераций приведет к тому, что в будущем они и будут главными носителями постиндустриальной экономики знаний и творчества, основными поставщиками форматов и образов жизни. Представляется, что данное утверждение, как и лежащие в его основе допущения, ошибочны.

Начнем с того, что при перечислении несомненных достижений развития городской среды в мегаполисах мы забываем о проблемах, с которыми сталкиваются эти города. Взять, к примеру, такую комплексную проблему, как сверхкапитализация территории. Ее содержание в том, что стоимость земли и недвижимости в центральной, наиболее активной и привлекательной, части города становится чрезмерно высокой. Это делает невозможной практически любую деятельность, кроме наиболее высоко капитализируемых (причем далеко не самых содержательных — ресторанный бизнес, салоны красоты, представительские офисы). В результате происходит коллапс деятельности и ее отток из центральной части города, происходит его опустынивание. Первый раз проблема была зафиксирована в Брюсселе, а сейчас ее можно наблюдать в Москве. Пока что нет оснований считать, что подобное не случится через десяток лет в других крупных городах страны. Обратной стороной «брюсселизации» является «детройтизация»: город также покидают люди и активность, но по причине схлопывания основного вида деятельности. Пока что история знает примеры подобного коллапса индустриальных городов (Детройт и др.), но разворачивающийся глобальный экономический кризис заставляет нас ставить вопрос о гипотетически возможной «детройтизации», например, мировых банковских центров.

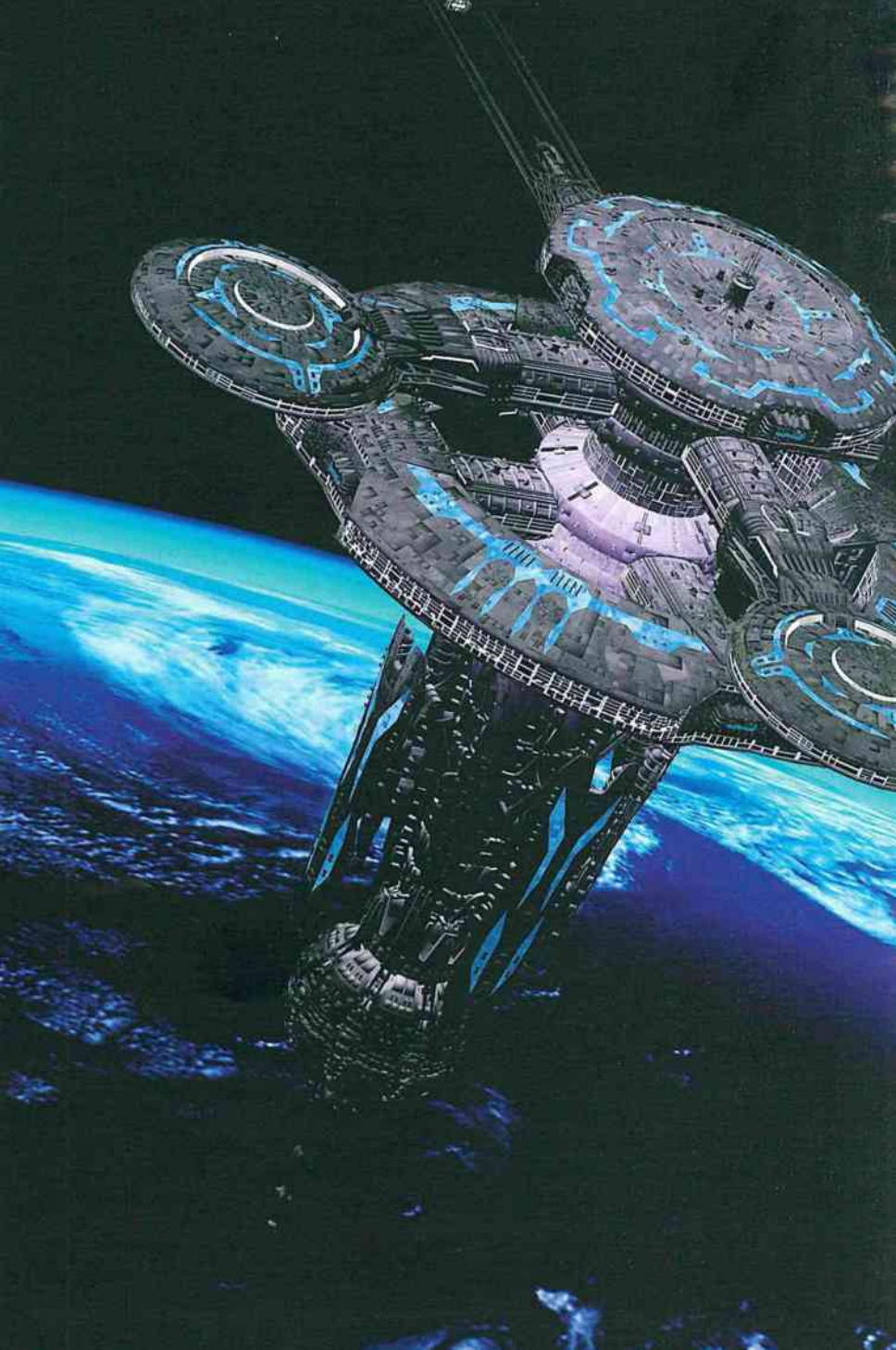
Есть у мегаполисов и другие проблемы, например кажущийся неизбежным транспортный коллапс или расползающаяся вокруг

города субурбия, мечта и приют многих горожан и услада инвесторов. Проблема в том, что субурбия (не город и не деревня) живет не дольше одного поколения. Первыми отсюда бегут дети, делающие сознательный выбор в пользу активной жизни настоящего города.

Попытки создать на базе мегаполиса город будущего путем, например, выноса производств и превращения города в «центр экономики услуг» либо «зеленый город» без выбросов CO₂ несостоятельны с системной точки зрения. Город, состоящий только из бизнес-центров, такая же вымороченная и недолговечная конструкция, как и промышленные моногорода. В городе будущего обязательно должны быть и сельское хозяйство, и промышленность. Другое дело, что по форме они могут отличаться от наших современных представлений о них. То же самое касается и экологических проблем. С распространением замкнутых циклов в производстве, новой технологической платформы атомной энергетики и развитием технологий создания ландшафтов и экосистем современные представления в этой сфере могут довольно быстро устареть.

Весьма вероятно, что проблемы развития современных сверхкрупных городских агломераций не имеют решения в существующем виде. Экономическая основа современных городов-лидеров — финансы, консалтинг, мультимедийный бизнес — внутренне неустойчива. Современный финансовый кризис это показал довольно четко, при этом есть все основания считать, что он далеко не последний. Мы вынуждены констатировать, таким образом, что современные мегаполисы — это не зародыши городов будущего, а совсем наоборот.

В течение достаточно короткого исторического периода сверхкрупные города, такие как Нью-Йорк, Токио и Москва, могут потерять свой статус мировых лидеров. На руинах деловых районов и в дыму «революции офисного планктона» появятся новые центры экономики знаний — когнитивные города, обладающие иным обликом, нежели чем привычные панорамы мегаполисов. Города-лидеры новой эпохи точно будут располагаться в других местах, и бал в них будут править новые городские образы жизни.

Джерри Олшен

Почему на самом деле погиб «Титаник»

Иллюминаторы в пассажирском салоне космического шаттла были слишком малы, чтобы Тони мог в полной мере оценить величественную красоту орбитальной колонии. Издалека эта цилиндрическая конструкция походила на пивную банку, один из торцов которой, словно лепестки ошипанного цветка, украшали три секции направленных на Солнце зеркал. Потом Тони различил начинавшиеся от основания каждого зеркала цепочки прямоугольных окон, сквозь которые отраженный солнечный свет попадал внутрь станции. Когда же шаттл подлетел совсем близко, удалось разглядеть и поддерживавшие зеркала тросы, и управляющие тяги, и массивные теплоотводящие радиаторы, и смонтированные на обшивке хранилища, и воздушные цистерны и защитные кожухи контрольного оборудования. Спустя еще какое-то время мимо иллюминатора медленно проплыло стыковочное кольцо, в центре которого виднелся люк переходного шлюза.

Чем ближе подлетал шаттл, тем больше деталей мог рассмотреть Тони, однако охватить взглядом всю станцию ему никак не удавалось, и дело было не только в размерах иллюминатора. Орбитальная колония была по-настоящему огромна: ее диаметр составлял около двух километров, а длина — свыше пяти. Внутри этого гигантского цилиндра, обращавшегося вокруг Земли по четырехсоткилометровой орбите, было достаточно места,

чтобы сто тысяч человек могли жить на его внутренней поверхности в достаточно комфортных условиях. А по сравнению с тем, что творилось сейчас на планете, это место и вовсе можно было считать райскими кущами.

С орбиты Земля, впрочем, выглядела как обычно. Ее океаны по-прежнему были голубыми, а облака — белыми. Пожалуй, только специалист-метеоролог мог бы заметить, что облачный покров над континентами был слишком плотным. Кроме того, любой инфракрасный прибор сразу бы показал, что вода в океанах почти на десять градусов теплее нормы. Тони и без приборов знал, что творится на поверхности его родной планеты. Чтобы вырваться оттуда, ему пришлось потратить немало сил, и он от души надеялся, никогда больше не вернуться в разверзшийся внизу ад.

— Она очень красивая, правда?.. — спросила Тони привлекательная блондинка, сидевшая в соседнем кресле. На вид ей было тридцать с небольшим. У нее была безупречная светлая кожа, безукоризненно белые зубы и голубые глаза, а ее одежда стоила, наверное, больше, чем Тони мог заработать за год. Держалась она сдержанно, почти высокомерно: за весь полет не сказала и десятка слов, но сейчас, за считанные минуты до высадки, она, по-видимому, решила что ничем не рискует, если заговорит со смуглым, слегка взъерошенным итальянцем, оказавшимся рядом.

— Кто красивая? Земля или колония? — откликнулся Тони.

— Пожалуй, и та и другая, — проговорила она задумчиво. — Только они красивы по-разному. У Земли красота яростная, неистовая, буйная, а у этого орбитального убежища... Оно выглядит чересчур изящным. И чересчур хрупким, если на то пошло.

Убежище?.. Слово, которое использовала попутчица, застало Тони врасплох. Местные жители предпочитали называть станцию колонией или даже орбитальным поселком. Правда, термин «убежище» был точнее и куда лучше соответствовал истинному положению вещей, но большинство обитателей станции его избегали. Назвать колонию «убежищем» означало при-

знать, что Земля обречена на гибель, причем обречена именно благодаря непродуманным и поспешным действиям тех самых людей, которые жили здесь в довольстве и безопасности.

— Мы делаем все возможное, чтобы станция была как можно более безопасным местом, — сказал он несколько напыщенным тоном.

— И все равно она остается не слишком надежной, — качнула светлыми волосами блондинка. — Я бы не стала класть все яйца в такую корзину... Впрочем, Земля тоже оказалась куда более хрупкой, чем нам всегда казалось.

Тони не нашелся, что ответить. Не то чтобы ему было нечего сказать, просто он не осмелился выразить свои мысли вслух.

Тем временем стыковочное устройство станции окончательно исчезло из виду, мгновение спустя шаттл ощутимо вздрогнул. Захваты станции зафиксировались на направляющих выходного пассажирского люка и притянули корабль к стыковочному кольцу.

Ремни безопасности так плотно прижимали Тони к спинке кресла, что тот даже не покачнулся. С самого начала полета, точнее — с того момента, когда закончилось стартовое ускорение, в салоне наступила невесомость, однако благодаря привязным ремням и подавляющим тошноту таблеткам, никаких неудобств он не испытывал. Его спутница, казалось, и вовсе не замечала невесомости, но когда она повернула голову, чтобы посмотреть в иллюминатор, скреплявшая ее волосы заколка соскользнула, и волосы немедленно «всплыли» над головой, образовав что-то вроде светлого нимба. Нетерпеливым движением женщина убрала их назад и, придерживая одной рукой, другой попыталась нащупать заколку, застрявшую где-то между ее спиной и сиденьем. При этом она эротично изогнулась в пояснице, а ее грудь, свободная от действия силы тяготения, соблазнительно закачалась перед самым носом Тони.

— Давайте, вы отстегнетесь, а я вас придержу, — предложил Тони.

Он понял, насколько неуместно это прозвучало, только когда блондинка окинула его холодным взглядом. Впрочем, выражение ее лица почти сразу смягчилось. Тем не менее блондинка притворилась, будто восприняла его предложение буквально.

— Если вы начнете меня лапать, нас обоих просто выкинут из шаттла, — заявила она.

— Мы все равно уже прилетели, — парировал Тони.

Она рассмеялась негромким, мелодичным смехом, и Тони тоже улыбнулся.

— Все равно я не собираюсь рисковать, — сказала она.

— Вы просто не знаете, что теряете, — ответил он, улыбаясь еще шире.

Заколка медленно всплыла точно между ними. Тони ловко поймал ее в воздухе и, протянув соседке, несколько мгновений любовался тем, как она, грациозным движением закинув руки за голову, скрепляет волосы на затылке. Потом над их головами ожил интерком и дребезжащий металлический голос объявил:

— Внимание, внимание! Просьба всем пассажирам оставаться на своих местах и дожждаться сотрудников службы адаптации, которые помогут вам пройти в шлюз.

Но пассажиры, которых на борту было больше тридцати человек, уже расстегивали привязные ремни и вставали, чтобы достать багаж, хранившийся в специальных нишах над сиденьями. К сожалению, далеко не все знали, что в условиях невесомости ни в коем случае не следует совершать резких движений. Нелепо размахивая руками и ногами, неосторожные пассажиры взлетали к самому потолку, кто-то упустил свой багаж, и очень скоро все пространство салона наполнилось дрейфующими в разных направлениях чемоданами и баулами.

— Берегись! — крикнул Тони, обеими руками отталкивая в сторону большой черный чемодан, который едва не угодил в голову его спутнице. На мгновение его лицо оказалось

в считанных дюймах от лица женщины, и он поспешно отпрянул. —
Прошу прощения... А-а, еще один!..

Блондинка пригнулась, и Тони, вытянув руки над ее головой, крепко вцепился в пролетавший мимо саквояж. Несколько минут он удерживал его подобно щиту, отражая новые угрозы, пока пассажиры пытались усмирить багаж. Тем временем в салон вошли сотрудники службы адаптации, которые без лишних церемоний принялись вытаскивать проплывавшие в воздухе вещи в шлюз. Когда они добрались до кресел, где сидели Тони и его спутница, старший бригады заметил, качая головой:

— Ну вот, хотя бы двоим хватило ума не отстегиваться раньше времени! Вы, вероятно, штатные сотрудники?

— Меня зовут Сандра Хартли, — представилась женщина. — Специалист по системам жизнеобеспечения.

Тони, раскрыв рот, уставился на нее.

— Прошу прощения, мэ, — проговорил он негромко. — Я думал, что вы из этих... ну, из свинок... Еще раз простите.

— Ничего страшного. Собственно говоря, я и хотела, чтобы меня принимали за одну из... как вы их назвали? Свинок?... — Она очаровательно улыбнулась. — В том, чтобы выглядеть как они, есть свои преимущества. Ну а вы?..

— Энтони Дескалья, для друзей просто Тони. Инженер систем ориентации и орбитального маневрирования.

— Баллистик?

— Гироскопист, но если придется, могу управлять и ракетными двигателями.

— Что ж, коллеги, добро пожаловать на станцию! — сказал бригадир адаптационщиков. Прозвучало это достаточно искренне, и Тони — впервые с тех пор как подал заявление на эту вакансию — позволил себе надеяться, что его пребывание на станции будет гораздо приятнее, чем очередная рутинная работа на Большого Босса.

* * *

Как правило, службе адаптации приходилось иметь дело исключительно с состоятельными пассажирами, которые не могли обойтись без помощников. Сотрудники службы транспортировали их багаж, сопровождали до места жительства и оказывали множество других услуг. Тони и Сандра могли рассчитывать только на себя, но их это не смущало, благо добраться до служебного жилья оказалось несложно. Стоило им миновать переходной шлюз, как на их коммуникаторы свалились текстовые сообщения с новыми адресами и маршрутом до ближайшего транспортного терминала.

Транспортный терминал оказался крошечным аэропортом, откуда стартовали небольшие двух- или четырехместные электрические самолеты-глайдеры, рассчитанные на движение во внутреннем пространстве станции. Вся жилая и служебная инфраструктура колонии располагалась на внутренних поверхностях пятикилометрового цилиндра, поэтому добраться от переходных шлюзов, расположенных на его торце, до любой нужной точки было проще всего именно по воздуху.

Первым делом Тони и Сандра сравнили свои адреса. Ему предстояло жить в служебной квартире за номером 4-620-263, которая располагалась на четвертом подземном уровне на расстоянии 6200 метров от «нулевого меридиана» внутренней поверхности и в 2630 метрах от транспортного терминала. Квартира Сандры номер 2-238-359 находилась на второй от поверхности палубе — в 2380 метрах от «нуля» и почти на километр дальше, чем квартира Тони.

— Далековато, — вздохнул он, даже не пытаясь скрыть свое разочарование. — А я-то надеялся, что мы будем соседями!

Сандра рассмеялась.

— Я вижу, ты человек открытый и прямолинейный! — (Незаметно для себя они перешли на «ты», но это их несколько не смутило.) — Неужели все гироскописты такие?

— Не все. Наверное, только я,— признался Тони и снова вздохнул.

За разговором они вплыли на наблюдательную площадку терминала, огороженную для безопасности крупноячеистой сеткой. Отсюда открывался превосходный вид на внутреннее пространство станции. Три ряда окон, или, лучше сказать, три длинных многосекционных окна, уходили вдаль, теряясь в туманной дымке дальнего торца, где глаз различал что-то похожее на горные вершины. Отраженный зеркалами солнечный свет, проникая сквозь прозрачные оконные панели, пронизывал внутреннее пространство станции и падал на широкую полосу настоящей земли, расположенную под каждым из окон. На земле, в окружении зеленеющих рощ и лугов, стояли крошечные коробочки частных домов, а между невысокими холмами прихотливо петляли ручьи и даже небольшие реки, впадавшие в аккуратные озера. Должно быть, подумал Тони, на дне каждого озера стоит мощный насос, который откачивает воду обратно в ручей, поскольку никаких облаков, способных обеспечить достаточно обильные осадки, он не заметил. Правда, в центре станции, почти на оси ее вращения, маячило несколько симпатичных кудрявых облачков, но они несли, скорее, чисто декоративную функцию. Возможно даже, время от времени из них шел такой же декоративный дождь.

— Давай возьмем глайдер,— предложил Тони.— Я довезу тебя до твоей квартиры и вернусь к себе на автобусе.

— На автобусе? — удивленно переспросила Сандра.— Каждый из жителей колонии «стоит», в среднем, под миллиард. Не думаю, чтобы такие люди ездили в автобусах!..

— Но ведь должен же здесь существовать какой-то общественный транспорт?! — пожал плечами Тони.— На чем передвигаются эти твои миллиардеры? На рикшах? В паланкинах?

Он громко фыркнул, и Сандра, которая парила в воздухе рядом с ним (транспортный терминал находился на оси враще-

ния станции, и гравитация здесь была нулевой), бросила на него любопытный взгляд.

— Чему ты смеешься?

— Я просто представил себе здешних богачей, которых обслуживающий персонал возит на закорках.

— Ты назвал этих людей «свинюками». Знаешь, им это очень подходит. Кроме того, — добавила она, заговорщически понизив голос: — мы же все-таки тоже обслуживающий персонал!

Ухмыльнувшись, Тони присел на корточки, словно для того, чтобы Сандре было удобнее усесться к нему на закорки.

— Когда соберетесь посетить наши трущобы, мисс миллиардера, дайте мне знать, — сказал он. — Я с радостью проведу вас по наиболее значимым местам нашего городишки.

— Встань в очередь, — отрезала она, но сразу спохватилась. — Извини, я не то хотела сказать! То есть именно то — в буквальном смысле. Бери вещи и вставай в очередь на посадку, иначе мы останемся без глайдера. Тогда нам и в самом деле придется добираться до дома верхом друг на друге.

Тони благоразумно предпочел не развивать скользкую тему. Вместо этого он подхватил свой чемодан и даже попытался галантно понести вещи Сандры, но теперь у него были заняты обе руки, а маневрировать в невесомости можно было, только держась за специальные поручни. В результате он плавно взмыл в воздух (попытка уцепиться за поручень ногами к успеху не привела), но Сандра вовремя пришла к нему на помощь и успела спасти и свою сумку, и самого Тони, подтолкнув последнего к хвосту очереди.

Очередь, к счастью, была небольшой. Шаттл с Земли доставил на станцию всего тридцать человек. Не прошло и нескольких минут, как Тони и Сандра уже сидели в двухместном глайдере. Пока автоматика перемещала летательный аппарат на стартовые направляющие, кабину несколько раз тряхнуло, потом последовал короткий разгон, во время которого обоим несильно прижало

к спинкам сидений. Первые несколько сот метров они летели вдоль оси вращения станции, потом слегка отклонились в сторону и начали двигаться по расширяющейся спирали, постепенно приближаясь к «земле», то есть к боковинам гигантского цилиндра. При этом глайдер понемногу наращивал скорость, стремясь уравнять ее со скоростью вращения станции, и невесомость в кабине окончательно исчезла. Тони чувствовал, как его тело наливается тяжестью, но это не мешало ему разглядывать проносящуюся внизу поверхность. Прямо под собой Тони отчетливо видел роскошные дома, плавательные бассейны, теннисные корты, живописные рощицы и аккуратно подстриженные лужайки.

— Вот не ожидал, что внутри орбитальной колонии может существовать легкомоторная авиация, — заметил он.

— Глайдеры выполняют очень важную функцию, — пояснила Сандра с самым серьезным видом. — Двигаясь в разных направлениях, они перемешивают воздух, который в противном случае может терять однородность. К примеру, у самой земли воздушный слой может очень быстро стать малопригодным для дыхания, тогда как вдоль центральной оси...

Тони рассмеялся.

— Прости, но я ни за что не поверю, что эти самолетики существуют только для того, чтобы перемешивать воздух внутри станции. Это, разумеется, весьма полезная функция, но явно не главная. Мне кажется, создатели колонии предусмотрели возможность воздушных полетов исключительно для развлечения больших шишек... ну и шишек помельче, — добавил он, ткнув себя пальцем в грудь.

— То есть ты бы предпочел, чтобы вместо самолетов инженеры установили повсюду огромные вентиляторы?

— Разумеется, нет, просто... Просто у каждого явления или события есть официальная причина, а есть — настоящая.

Глайдеру потребовалось всего несколько минут, чтобы добраться до посадочной площадки. Приземление прошло так

мягко, что Тони даже не заметил, что самолетик коснулся земли, и опомнился, только когда он окончательно затормозил. Еще через две минуты оба уже оказались в здании аэровокзала, обслуживавшего сектор, где предстояло жить Сандре. С гравитацией здесь было все в порядке: сила тяжести на станции была установлена примерно в две трети земной. Этого едва хватало, чтобы предотвратить атрофию мышц, зато любой человек, ступив на землю колонии, чувствовал себя на десяток лет моложе.

— Можно тебе позвонить? — спросил Тони.

— Дай мне пару дней, чтобы освоиться на новом месте, — ответила Сандра. — А потом звони. Я буду рада.

Несколько секунд оба неловко переминались с ноги на ногу, явно не зная, как попрощаться. В конце концов Тони просто протянул руку для пожатия и сказал:

— До встречи, Сандра.

Она в свою очередь протянула ему ладонь, и Тони, повинуясь внезапному импульсу, наклонился и поцеловал ей пальцы.

— Нет, ты и впрямь на редкость прямолинейен! — с улыбкой заметила Сандра. Потом она повернулась и пошла прочь, катя за собой свою сумку. Тони провожал ее взглядом, пока она не скрылась за углом приземистого здания, крыша которого почему-то была покрыта соломой. Теперь он был еще больше уверен, что жизнь на станции ему понравится.

Интересно, как-то выглядит его собственная квартира?

* * *

Как вскоре выяснилось, обслуживающий персонал не путешествовал ни на рикшах, ни в паланкинах. Верхом друг на друге тоже никто не ездил. Наемным работникам полагалось пользоваться метро, линии которого начинались от переходного шлюза и тянулись вдоль всей станции. Тони узнал это, когда давал разрешение на списание со своего счета платы за проезд. Средств

на счете оставалось катастрофически мало, а виной всему был полет на глайдере. Он обошелся Тони в девяносто эквивалентов — почти половину того, что он зарабатывал в месяц.

Ему, впрочем, приходилось слышать о таких вещах. Если не быть достаточно осмотрительным, жилье, предоставляемое компанией, товары в магазинах компании и обеды в столовой компании поглощали большую часть начисленной зарплаты работника, так что последний в конце концов незаметно оказывался должником, словно вовсе не работал. Тони, однако, был готов к чему-то подобному, поэтому с самого начала собирался экономить на любых пустяках. Не ожидал он только, что его начнут обирать, как только он покинет салон шаттла. По идее, коммуникатор должен был предупредить Тони о существовании более дешевых вариантов проезда, однако, когда он проверил установки аппарата, выяснилось, что опция предупреждения отключена: «Для вашего удобства», как гласило сообщение в диалоговом окне. Ну конечно — «для удобства»!.. Ведь людям, для которых строилась станция, не было нужды считать каждый грош, поэтому и в предупреждениях они не нуждались.

— Предупрежден — значит, не разорен, — негромко пробормотал Тони, ожидая поезд метро, следующий в его жилой сектор.

Минус четвертый уровень, где предстояло жить Тони, представлял собой лабиринт голых металлических коридоров, в которых бродило гулкое жестяное эхо. В коридоры выходило множество одинаковых дверей, возникало предположение, что квартиры располагались вплотную друг к другу, словно ячейки пчелиных сот. Никаких окон в них, естественно, не было, поскольку любоваться под землей было все равно нечем. Сами же квартиры выглядели — да и были — чересчур тесными, а в коридорах сильно и остро пало затхлостью и застарелым потом.

Тони довольно быстро нашел свою квартиру по зашифрованным в ее номере координатам и потратил несколько минут, изучая планировку и бытовые удобства. Изучать, впрочем,

было особенно нечего, поскольку обстановка оказалась вполне стандартной; единственное отличие — вся мебель и сантехника на станции были металлическими.

Разложив вещи по полкам шкафчика, Тони отправил своему непосредственному начальнику сообщение, в котором извещал о своем прибытии и о готовности приступить к работе.

Ответ пришел через несколько минут. Начальник приглашал его приехать в офис, чтобы познакомиться с особенностями предстоящей работы. Правда, официально к своим обязанностям он должен был приступить только завтра, но Тони решил воспользоваться этим предложением, чтобы начать полноценно трудиться как можно скорее.

С помощью все того же коммуникатора Тони быстро выяснил, что офис находится примерно в полукилометре от его квартиры, и, чтобы снова не тратить деньги на метро, решил подняться на поверхность и пройти это расстояние пешком. Лифт, однако, тоже стоил четвертак, поэтому он направился к лестницам. Преодолев три пролета, Тони толкнул дверь, ведущую на поверхность, и невольно зажмурился от яркого солнца. Похоже, на освещении нижних палуб власти предпочитали экономить.

Сориентировался Тони довольно легко. Справа виднелись горы, которые, как он точно знал, находились на дальнем торце станции. Прямо перед ним было Окно А, над ним — Окно В, а позади — Окно С. Длинные и широкие полосы земли по обеим сторонам Окна В переливались на солнце изумрудной зеленью. Видеть над собой дома, поля и деревья ему было непривычно, и Тони непроизвольно втягивал голову в плечи и морщился, словно боясь, что что-то может свалиться на него сверху. Должно быть, решил он в конце концов, так проявлялся какой-то атавистический страх, оставшийся у человека еще с тех пор, когда его далекие предки обитали на деревьях. Праобезьяны точно знали, что земля над головой — плохо, и это ощущение сохранилось у их далеких потомков до сего дня. Тони, впрочем,

надеялся, что со временем он перестанет обращать внимание на подобные несообразности.

Еще раз оглядевшись по сторонам (вверх он по-прежнему старался не смотреть), Тони заметил длинную и узкую аллею, идущую в нужном ему направлении. Аллея прихотливо петляла из стороны в сторону — возможно, чтобы создать у местных жителей ощущение естественности и уюта. И она, несомненно, казалась местным миллиардерам приветливой и уютной. Каждая травинка по ее сторонам была аккуратно подстрижена, а бордюрный камень выглядел так, словно его каждый день мыли теплой водой со щеткой и каким-нибудь специальным средством. Ни на самой аллее, ни на отходивших от нее подъездных дорожках, которые довольно круто уходили вверх (всегда только вверх!), не было, конечно, никакого мусора: ни бумажек, ни даже пыли или камней. Дорожки, длиной в несколько сот метров каждая, вели к роскошным особнякам, гордо стоящим на высоких холмах. Не сразу Тони сообразил, что высота холмов — просто иллюзия, вызванная кривизной внутренней поверхности станции, и что каждый, кто двигался бы к особнякам, никакого подъема не почувствовал.

Потом ему пришло в голову, что ослабленная сила тяжести — это очень неплохо. Она в буквальном смысле слова придавала упругости его походке, а ведь Тони был всего сорок один год и он пребывал в неплохой физической форме. Тони невольно подумал о том, как же хорошо должны чувствовать себя здесь семидесяти- или восьмидесятилетние старики, к которым вновь вернулась способность ходить быстро и не задыхаясь!

Пахло на станции тоже очень приятно — свежескошенной травой. Тони знал этот запах, хотя на Земле он был большой редкостью. Весной в его родных краях изредка выпадали нормальные, не кислотные дожди, и тогда земля покрывалась нежной молодой травкой, однако продолжалось это всего несколько недель. Летняя жара быстро убивала всю зелень, и над почерневшими лугами носились лишь тучи пыли, противно скрипевшей

на зубах. На станции все было иначе. Трава на тянувшихся вдоль аллеи лужайках была густой и сочной, а издали доносилось жужжание косилок и садовых пылесосов.

По пути Тони встретилось несколько человек, прогуливавших собак разных размеров и пород. Один парень тащил за собой сразу четырех покрытых жесткой курчавой шерстью псов — небольших, но очень подвижных. С громким лаем они гонялись друг за дружкой, и длинные поводки то и дело запутывались.

Зачем этому человеку столько собак, спросил себя Тони. Он знал, что для обеспечения нормальной жизнедеятельности сложноорганизованных белковых существ, будь то человек, собака или канарейка, требовались десятки килограмм растительной биомассы и десятки литров воды на килограмм живого веса. Нет, в том, что кому-то захотелось иметь собаку, не было, конечно, ничего дурного, благо жители колонии были достаточно богаты, чтобы позволить себе подобную прихоть. Даже на Земле люди порой держали собак и кошек, хотя им и приходилось прилагать немалые усилия, чтобы помешать соседям их съесть. Но завести четырех собак... Зачем?! Дело было даже не в деньгах, хотя содержание этих тварей несомненно обходилось владельцу в астрономическую сумму. Четыре собаки потребляли столько драгоценных ресурсов, что их хватило бы для двух человек, а значит, из-за этих шавок еще двое несчастных лишились возможности покинуть Землю, где набирала обороты глобальная экологическая катастрофа.

После этого Тони сурово хмурился каждый раз, когда встречал прохожего с собакой на поводке. Не сразу до него дошло, что все эти люди не были настоящими владельцами животных. Скорее всего, это просто слуги, которые относились к прихотям своих нанимателей точно так же, как сам Тони, но что поделать: для них каждая прогулка с собакой была равнозначна талончику на обед. Богатые бездельники платили наемным работникам за то, что те ухаживали за их псами, косили лужайки, убирали особняки, обучали детей и делали многое другое. Да и сам Тони мало чем

от них отличался, поскольку его работа состояла в том, чтобы удерживать станцию на орбите и следить, чтобы ее гелиоприемники были развернуты к солнцу, а окна в обшивке оставались герметичными и не пропускали воздух. Нет, тот, кто выгуливает чужих собак, ни в чем не виноват. Виноваты их хозяева.

Тони почти взял себя в руки, когда его обогнал ярко-желтый «хаммер». В первую минуту он даже не поверил своим глазам, но это был именно «хаммер» — большой, до блеска отполированный внедорожник с кожаным салоном повышенной комфортности. У автомобиля были хромированные колесные диски, хромированный бампер, хромированная решетка радиатора и хромированная «рыба» на заднем борту. Внедорожник был настолько широк, что Тони пришлось сойти на обочину, чтобы его пропустить. И не только ему — другие пешеходы тоже вынуждены были отскакивать в сторону, уступая дорогу «хаммеру».

Потом Тони почувствовал запах и испытал самый настоящий ужас. Вездеход был не электрическим — на нем стоял обычный бензиновый двигатель, который с каждым пройденным километром сжигал столько кислорода, сколько хватило бы для дыхания двум десяткам людей. Каким же человеком надо быть, вновь и вновь спрашивал себя Тони, чтобы до такой степени не думать об остальных? Впрочем, он хорошо представлял, каким... Наверняка водитель «хаммера» был толстым, плешивым человечешкой, который приобрел большую машину исключительно для того, чтобы хоть таким образом компенсировать скромные размеры детородного органа... Тони даже искал подходящий камень, чтобы запустить вслед удаляющемуся ничтожеству, но поблизости были только трава и абсолютно целый, не раскрошенный бетон.

Тони все еще кипел, когда добрался наконец до Центра орбитального контроля, где ему предстояло работать. Увы, то, что он там увидел, отнюдь не способствовало восстановлению душевного равновесия. Мысленно он представлял себе огромное помещение — что-то вроде диспетчерской земного космо-

порта, — заставленное сложной вычислительной аппаратурой, контрольными пультами и огромными экранами, на которых отображается текущее положение колонии в пространстве. На деле же Центр представлял собой скромных размеров залчик, разгороженный на крошечные клетушки, в каждой сидел перед монитором инженер-оператор. В зале было тихо: операторы если и переговаривались, то очень негромко, так что их голоса были почти не слышны за гудением вентиляторов. Первоначальное впечатление, впрочем, оказалось обманчивым: на самом деле в зале шла напряженная, сложная работа, от которой зависело само существование станции.

Новый начальник оказался высоким, застенчивым парнем по имени Чен. Первым делом он показал Тони, где что находится, и подробно рассказал, чем занимаются сотрудники Центра. Слушая его, Тони позабыл о своем гневе — настолько ответственной показалась ему предстоящая работа. Откорректировать траекторию движения космического корабля было достаточно просто: для этого следовало изменить плоскость вращения гироскопических стабилизаторов или — в экстренном случае — запустить маневровые реактивные двигатели, способные придать кораблю необходимый импульс и направить в нужную сторону. Подобная операция занимала всего несколько секунд — или минут, если речь шла о большом грузовом корабле. Со станцией дело обстояло намного сложнее. Во-первых, масса колонии в сотни тысяч раз превосходила массу самого большого грузового корабля. Во-вторых, колония вращалась вокруг своей оси со скоростью одного оборота в минуту. В силу этих обстоятельств станция обладала колоссальным инерционным моментом: для того чтобы изменить ее положение в пространстве всего на несколько градусов, требовались месяцы, так как гироскопическая прецессия станции способна была свести на нет прямой импульс практически любой силы. Кроме того, управление пространственной ориентацией столь массивного, да еще и вращающегося объекта,

подразумевало точный учет приливных эффектов, движения воздушных потоков и даже перемещения людей, что делало всю задачу еще более сложной.

— Перемещения людей и «хаммеров», — не удержался Тони. — Я тут встретил одного ублюдка на большой желтой машине. Думаю, столь тяжелая тачка вполне способна сместить баланс массы настолько, что его можно зарегистрировать даже с помощью не слишком чувствительных приборов.

— А-а, ты уже познакомился с нашим губернатором? — дипломатично заметил Чен. — Действительно, нам приходится учитывать и его поездки. К счастью, в колонии только один губернатор, что существенно упрощает нашу задачу.

Тони почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Невероятно! — воскликнул он. — И вы... вы действительно разрешили ему развезжать по станции на этой штуке?!

Чен смерил Тони испытующим взглядом.

— Такие вещи решаем не мы, — проговорил он наконец. — Во всяком случае — пока...

* * *

На первое свидание Тони пригласил Сандру в ресторан для обслуживающего персонала. Ресторан находился на поверхности, но цены там были хоть и возмутительно высокими, но не разорительными. Тони и Сандра не виделись со дня прилета, поэтому их разговор, вполне естественно, начался с обмена впечатлениями. Не утерпев, Тони рассказал девушке и о собаках, и о губернаторе в желтом «хаммере».

— Это все ерунда, — ответила Сандра и взмахнула рукой, словно отгоняла муху, хотя мух на станции не было. Тони, во всяком случае, пока не видел ни одной. — То есть это, конечно, совершенно возмутительно, но по большому счету этот твой «хаммер» — просто пустяк.

— Во-первых, это не мой «хаммер», — возразил Тони. — А во-вторых... Что, по-твоему, не пустяк?

— Яхты, — тут же ответила Сандра. — Вот по-настоящему вопиющий пример пренебрежения общественными интересами. Тебе известно, что на станции находится пятьдесят яхт?

— Пятьдесят яхт? — ахнул Тони. — То есть... на которых плавают? По морю?

— Ну да, — подтвердила Сандра. — Разумеется, здешние яхты никуда не плавают, да и на Земле, насколько мне известно, частные яхты в последнее время почти не выходили в море пока их не реквизируют для перевозки беженцев из опасных районов. Но ведь главное не то, плаваешь ты на своей яхте или нет, — главное, что она у тебя есть. Вопрос престижа, понятно?.. Чтобы возвыситься в собственных глазах, нужно непременно иметь яхту, да еще оборудованную всем необходимым, словно на ней действительно можно куда-то плыть.

— Ты, наверно, шутишь! — не поверил Тони.

— Нисколько. При составлении энергетического баланса мне приходится учитывать и яхты, и их наемные экипажи.

— О, господи! — выдохнул он. — И откуда только берутся такие... такие люди?

— С Земли, разумеется, — ответила Сандра, пожимая плечами. — Собственно говоря, в этом и заключается главное и единственное предназначение нашей космической жестянки. Те же самые люди, которые довели Землю до того, что на ней стало почти невозможно жить, построили недосыгаемое убежище, куда они могли бы сбежать от последствий собственных преступлений и ошибок. Стоит ли удивляться, что и здесь они продолжают заниматься тем, что умеют лучше всего?

— И чем же они занимаются? — спросил Тони, хотя возможный ответ заранее его пугал.

— Потребляют, естественно, — мрачно ответила Сандра. — Нет, если сказать им об этом, они будут клясться, что, напротив,

они создают — создают новые возможности, новые рабочие места и новые экономические стимулы, но на самом деле единственное, на что они способны, это безудержное потребление. Ты не поверишь, но некоторые из них потребляют в тысячи, в миллионы раз больше, чем средний человек... Конечно, богатое меньшинство всегда обирало и объедало большинство, но здесь, на орбите, это особенно бросается в глаза. А главное, что с каждым днем баланс нарушается все больше, и я уверена, что добром это не кончится. Вот увидишь, когда-нибудь наша колония станет похожа на кишашую червями и личинками сосиску, которую забыли положить в холодильник!

Тони машинально посмотрел на свое блюдо из сои и какой-то зелени.

— Ты забыла добавить — «приятного аппетита», — заметил он. Сандра покачала головой.

— Лучше бы тебе избавиться от брезгливости, Тони, потому что очень скоро здесь будет еще хуже, чем на Земле. Только потому положение, быть может, изменится к лучшему, но это будет не сразу. И неизвестно, доживем ли мы до этого времени.

— Если так, — вздохнул Тони, — значит, надо наслаждаться тем немногим, что у нас пока еще осталось.

Сандра отправила в рот кусочек соевого бифштекса с лапшой.

— Наслаждаться, конечно, можно, но лишь при условии, что мы будем заниматься не только этим. Люди, которые довели Землю до перегрева, тоже рассуждали примерно так, как ты сейчас: мол, живем один раз, после нас хоть потоп. А когда потоп в самом деле начался, эти деятели сбежали на орбиту. Что касается остальных, то... Да, мы должны наслаждаться, чем можем и пока можем, но это будет как минимум не продуктивно. А как максимум... Нет, мы обязаны хотя бы попытаться исправить положение!

— Я с тобой согласен, — кивнул Тони. Он не был уверен, что ему нравится, как проходит свидание, на которое он возлагал большие надежды, однако горячность и искренность Сандры

невольно увлекли его. — В целом — согласен. Только... что мы можем сделать?

Сандра окинула его внимательным взглядом — совсем как Чен, когда показывал Тони новое рабочее место.

— Многое, — проговорила она наконец, но когда Тони стал допытываться, что же именно они могут предпринять, Сандра вновь и вновь отвечала только одно:

— Лучший способ начать лечение, это устранить причину, которая вызвала болезнь.

Эти слова мало что говорили Тони, но Сандра не спешила посвящать его в детали, а настаивать он не стал. Покончив с едой, оба вышли из ресторана, чтобы прогуляться при лунном свете, который посылали внутрь станции зеркала, по случаю наступления темного времени суток развернутые в сторону ночного светила. Кроме Тони и Сандры на дорожках было довольно много парочек, которые шагали, обнявшись, или лежали рядом на траве лужаек. В серебристых лунных лучах люди казались бестелесными, словно эльфы или феи, да и весь окружающий пейзаж подернулся налетом волшебства и тайны. Расхрабрившись, Тони сначала взял Сандру за руку, а еще немного погодя — поцеловал. К его огромному облегчению, она ответила на поцелуй с достаточным воодушевлением, так что еще какое-то время спустя они нашли подходящую травянистую лужайку, которая еще никем не была занята, и опустились на землю. Они обнимались жадно, точно подростки, и Тони даже позволил себе помечтать о том, как они завершат сегодняшний вечер в его или в ее квартире, хотя и понимал, что торопиться не следует. С какой стороны ни посмотри, для первого свидания объятий на травке было больше чем достаточно. Впервые за много, много лет Тони чувствовал, что будущее не определено, что случиться может все, что угодно, а главное, что он располагает запасом времени и может позволить себе не торопить события.

А ведь предвкушение — это тоже удовольствие.

Возможно, Сандра тоже испытывала что-то подобное, а может, она просто принадлежала к женщинам, которые не одобряют секс на первом свидании. Как бы там ни было, они еще долго сидели рядышком на мягкой траве и, тесно прижавшись друг к другу, доверительно и неспешно беседовали о собственном детстве, о жизни на Земле и о своих надеждах на будущее. Когда же стало совсем поздно, Тони проводил Сандру до ее квартиры и еще раз поцеловал на прощание.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Я прекрасно провел вечер.

— Я рада, что тебе понравилось, — ответила она. — Если хочешь, можем повторить. — С этими словами она игриво ущипнула его за ягодицу, недвусмысленно давая понять, насколько далеко могут зайти их отношения в самое ближайшее время.

Всю обратную дорогу Тони беззаботно насвистывал и замолчал только в лабиринте своего четвертого подземного уровня — уж больно жутким показалось ему гулявшее по железным коридорам эхо.

* * *

Весь следующий день Тони бездумно пялился в монитор, грезя о губах Сандры, и спохватился, только когда до него дошло, что он где-то напортачил. На первых порах ему поручили сравнительно несложное задание, которое заключалось в анализе реестра астероидов, вращавшихся в непосредственной близости от Земли. При этом особое внимание следовало обращать на те небесные объекты, которые могли столкнуться со станцией в случае незначительного изменения их орбит. Все эти астероиды были давно известны, но сейчас, сравнивая базы данных с журналом текущих наблюдений, Тони обнаружил, что итоговые цифры не сходятся. В реестре значилось 23486 астероидов, имевших более метра в поперечнике, а он насчитал только 23484 небесных тела. Два астероида просто-напросто отсутствовали в собранных

наблюдателями данных. С практической точки зрения это означало, что программное обеспечение станции потеряло контроль за двумя скальными обломками, которые могли представлять для колонии реальную угрозу. Правда, вероятность столкновения именно с этими двумя астероидами была ничтожна, однако пренебрегать ею не следовало. Кроме того, служебные обязанности Тони как раз и заключались в том, чтобы точно знать, где находится каждое из зарегистрированных небесных тел в каждый конкретный момент времени, а поскольку на то, чтобы изменить траекторию движения станции, могли уйти месяцы, любую потенциальную проблему следовало выявить как можно раньше.

Тони как раз пытался разобраться, какие именно астероиды выпали из текущей сводки наблюдений, когда в противоположном конце зала прозвучал негромкий сигнал. Не обращая на него внимания, Тони продолжал заниматься расчетами и поднял голову, только когда к нему в закуток заглянул Чен.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Хорошо, — машинально отозвался Тони и тут же поправился: — То есть не совсем... У меня куда-то запропастились два астероида, но я уверен, что сумею локализовать их в самое ближайшее время. — И он попытался улыбнуться улыбкой профессионала, который надежно держит ситуацию под контролем.

Чен улыбнулся в ответ.

— Молодцом, Тони. Из всех новичков ты справился лучше всех. Поздравляю.

— С чем справился? — удивился Тони.

— С обнаружением контрольных аномалий. Много лет назад астероиды В-612 и В-17823 были использованы как источник строительного материала для колонии. И хотя их больше не существует в природе, соответствующие записи в реестре были оставлены специально для проверки профессиональных качеств новых работников. Тех, кто не заметил расхождений в реестре и журнале текущих наблюдений или заметил их не сразу, нам пришлось вернуть на Зем-

лю...— Чен посмотрел на экран монитора Тони. Там в окошке поиска как раз появились регистрационные номера пропавших астероидов.

— С первым заданием ты справился. Можно переходить на следующий уровень.

— Вы так говорите, будто это... будто это какая-то компьютерная игра! — заметил Тони.

— В каком-то смысле так и есть, — согласился Чен. — Только ставки в этой игре очень высоки. — Наклонившись к клавиатуре, он отменил процесс поиска, а потом загрузил новую программу. — Второе задание будет чуть-чуть посложнее. Перед тобой — программа управления зеркалами. Как ты понимаешь, разворот каждого из них довольно сильно влияет на устойчивость станции в пространстве. Ты должен научиться управлять зеркалами так же уверенно и точно, как управляешь собственным телом.

И Чен показал Тони, как работает программа симулятор, которая позволяла изменять рабочие параметры системы зеркал, управлять сменой дня и ночи в зависимости от времени года, а также имитировать различные географические широты. На первый взгляд ничего особенно сложного в этом не было, однако довольно скоро Тони убедился, что запланированные им изменения могут иметь совершенно неожиданные последствия. Например, если он не успевал точно и быстро среагировать на сигналы контуров обратной связи, вся система мгновенно вырывалась из-под контроля — с катастрофическими последствиями для всей станции. К счастью, те несколько катастроф, которые Тони устроил, пока осваивался с алгоритмом управления, бушевали только на экране его монитора, однако они волей-неволей заставили его задуматься о том, насколько благоразумно было знакомить новичков с принципами работы системы, способной с легкостью уничтожить колонию. С другой стороны, обучать нового работника и одновременно присматривать за ним было куда дальновиднее, чем сажать в кресло оператора человека, плохо представляющего себе все последствия возможной ошибки.

* * *

Примерно неделю спустя по дороге на работу Тони увидел знакомый «хаммер», припаркованный на краю поля для гольфа. Поблизости никого не было, и Тони не удержался, чтобы не нацарапать на ярко-желтой полированной дверце внедорожника послание его владельцу. То и дело озираясь и обильно потев, Тони трудился над надписью не меньше пяти минут, зато буквы получились именно такими, как ему хотелось: крупными, разборчивыми, глубоко врезавшимися в краску:

«ХАММЕРЫ» ДЛЯ ХАМОВ!

* * *

Второе свидание с Сандрой началось довольно неожиданно. Не успели они усесться за столик, как она вдруг заявила:

— Я знаю не меньше полдюжины способов убить всех, кто находится на борту станции.

— Всего-то полдюжины? — усмехнулся Тони, несколько, впрочем, ошарашенный ее прямоотой. — Мне известно по меньшей мере десять простых и вместе с тем — абсолютно безотказных способов уничтожить колонию целиком, со всеми ее обитателями.

— Я вовсе не шучу... — Сандра слегка нахмурилась. — Мне всегда казалось, что система жизнеобеспечения колонии должна быть абсолютно надежной, с двойным и тройным дублированием, однако сейчас я ясно вижу, что сама сложность этой системы является ее главным уязвимым местом. Достаточно малейшего сбоя, и проблемы начнут множиться и расти как снежный ком, что в конце концов неминуемо приведет к катастрофе.

— Я знаком с теорией хаоса, — солидно кивнул Тони. — Высокая степень зависимости от начальных условий ведет к нестабильности и непредсказуемому поведению системы. Иными словами, когда балансируешь на острие иглы, достаточно малейшего толчка, чтобы полететь вниз...

— Верно. И как ты правильно заметил, в нашем случае сила толчка действительно не имеет значения. Экосистема Земли обладала значительной инерцией, поэтому, прежде чем ситуация вышла из-под контроля, потребовалось продолжительное и сильное воздействие, способное разрушить природные механизмы саморегуляции. Здесь, на станции, текущую ситуацию необходимо постоянно отслеживать и корректировать с помощью сложной системы обратной связи, в противном случае катастрофа может разразиться сама собой, без какого-либо внешнего воздействия.

— Для этого-то мы и существуем! — заметил Тони. — Мы — хранители, которые заботятся о том, чтобы с колонией ничего не случилось.

Сандра взяла со столика карточку меню.

— Но зачем? — проговорила она. — Зачем мы заботимся о горстке людей, которые вряд ли заслуживают спасения?

На этот вопрос существовал «правильный» ответ, и Тони его знал. Больше того, когда-то ему, как и многим другим, хотелось, чтобы этот ответ действительно был единственно верным, поскольку только так можно было оправдать существование колонии, вращавшейся по орбите над головами миллиардов обреченных на смерть людей, чьим трудом и усилиями она была спроектирована и построена. Согласно официальной версии, было совершенно не важно, кто находится в этом комфортабельном убежище. Важно было другое: то, что эти люди выживут, даже когда население земли исчезнет, а раз так, вполне естественно, что билет на орбиту достался лучшим — тем, кто добился наибольшего успеха в суровом и жестоком мире, неуклонно проваливающемся в ад.

Увы, после двух недель, проведенных на станции, он не мог заставить себя произнести что-либо подобное вслух. Официальная версия лгала, теперь он знал это твердо.

— Мы делаем это просто потому, что мы сами здесь, — ответил он. — Ты, я, Чен, те, кто выгуливает чужих собак и мно-

гие, многие другие. Мы тоже выживем, и это единственное, что по-настоящему важно.

Сандра внимательно посмотрела на него.

— Хороший ответ, Тони. В самом деле, обслуживающего персонала на станции едва ли не половина населения, то есть около пятидесяти тысяч человек. Ты только не учел, что мы могли бы спасти еще столько же достойных людей и отличных специалистов. Для этого нам нужно только повыкидывать в безвоздушное пространство пятьдесят тысяч богатых бездельников.

— ...Или перестать следить за системами жизнеобеспечения. Тогда местная экосистема разладится, и они вымрут сами, — добавил Тони. — Только нам это не совсем подходит, ведь мы дышим тем же самым воздухом, что и они.

— Даже если мы уничтожим их ценой наших собственных жизней, это принесет человечеству пользу, потому что там, внизу, — Сандра показала пальцем себе под ноги, — найдется немало людей, достойных стать колонистами. К тому же справедливость требует, чтобы свинюки были наказаны за свои преступления.

Тони некоторое время разглядывал свое меню, где были перечислены блюда из сои, крахмала и водорослей, потом поднял взгляд на Сандру. Ее глаза расширились, ноздри чуть заметно трепетали при каждом вздохе, а щеки слегка порозовели от волнения.

— Я вот думаю, может, мне все-таки стоит позвонить в Службу безопасности?.. — проговорил Тони. Он произнес эти слова небрежным, почти шутливым тоном, но в глазах его светился невысказанный вопрос.

— Разумеется, не стоит! — тут же ответила Сандра. — Я просто шутила. Никогда не страдала комплексом жертвы, знаешь ли... — Она заглянула в меню. — О, смотри: соя с соевым гарниром! Должно быть это ужасно вкусно. Надо попробовать.

Больше они об этом не заговаривали, к тому же Тони сознательно уводил разговор как можно дальше от опасной темы. Они смеялись, пили вино и в конце концов основательно захмелели.

Вечер закончился в квартире Тони, где они предались бурному, головокружительно приятному сексу. За всем этим Тони совершенно забыл, с чего началось их свидание. Он уже засыпал, когда Сандра негромко шепнула ему на ухо:

— А знаешь, Служба безопасности — это ведь тоже обслуживающий персонал.

* * *

После этого Тони стал внимательно прислушиваться к тому, о чем разговаривали его коллеги по работе, случайные попутчики в метро, покупатели в магазине. Конечно, никто из них не выражал свои мысли в столь шокирующе откровенной манере, как это делала Сандра. Но когда речь заходила о привилегированных обитателях колонии, слова «свинюки», «свинорылые» или просто «свиньи» звучали чаще, чем любые другие, — за исключением слова «справедливость», которое буквально не сходило с уст наемных работников. А случайно подслушанная в разговоре двух коллег фраза буквально завязла у Тони в мозгу: «Как вы думаете, почему совершенно исправный „Титаник“ ни с того ни с сего столкнулся с айсбергом?».

В самом деле, почему?..

Как-то во второй половине дня, когда Чен отправился осматривать забарахливший гироскопический стабилизатор, Тони в очередной раз просматривал журнал текущих наблюдений за астероидами. Сравнив расчет траекторий и положения в пространстве всех объектов, за которые отвечала Служба орбитального контроля, с базовым реестром, Тони с удивлением убедился, что на этот раз списки полностью совпали. Похоже, все астероиды были на месте, и это заставило его крепко задуматься.

Возможно ли, что два объекта, которые в один из первых рабочих дней Чен использовал для проверки его профессиональной квалификации, были удалены из реестра? Их номеров Тони не помнил, но у него имелась подсказка: начальник упомянул,

что эти астероиды были взорваны, а их обломки — использованы в качестве строительного материала. Поиск в архиве по этим параметрам тотчас принес результат: речь шла об астероидах В-612 и В-17823. Тони снова проверил действующий реестр — и снова безрезультатно: астероидов с такими номерами в нем не было. Что ж, если их действительно взорвали много лет назад, отсутствие записей представлялось абсолютно логичным, но ведь две недели назад они были! Что, если Чен с самого начала подсунил ему подправленный реестр? Или фальшивым был реестр, который Тони вызвал на экран компьютера сейчас?

Он попробовал рассуждать логически. Объекты В-612 и В-17823 были взорваны, потому что их траектории проходили достаточно близко к Земле, благодаря чему обломки можно было вывести на околоземную орбиту с минимумом затрат. Но кто сказал, что оба астероида были использованы при строительстве целиком? Не может ли быть так, что их остатки продолжают носиться в космосе? Если укрыть их щитом из поглощающего радарные лучи материала, они больше не появятся в текущих отчетах систем наблюдения. Насколько знал Тони, даже двенадцатиметрового куска гранита вполне хватило бы, чтобы уничтожить станцию.

Еще немного поразмыслив, Тони вызвал из архива сведения об орбитах обоих астероидов до взрыва. Любой инженер орбитального маневрирования, имея в своем распоряжении эти данные, мог с легкостью рассчитать и их нынешнее местонахождение, и примерное время критического сближения со станцией, и крайний срок, когда несущийся в космосе смертоносный каменный снаряд еще можно отклонить в сторону.

* * *

— Я пересчитал дважды, — сказал Тони. — У нас осталось месяца два, максимум — два с половиной. Если за это время мы

ничего не предпримем, станция превратится в пылающий шар, во второе солнце. Жаль только — ненадолго.

Он примчался к Сандре сразу после работы. Всю дорогу Тони бежал бегом, и теперь тяжело дышал, то и дело вытирая катившийся по лицу пот.

Сандра втащила его внутрь и закрыла за ним дверь.

— До того как это произойдет, — сказала она с таинственным видом, — может случиться еще многое. На следующей неделе... На следующей неделе в водяные резервуары попадет ботулотоксин.

— Ботулотоксин?! — удивился Тони. Услышать подобное он был не готов.

— Именно, — подтвердила Сандра. — И в первую очередь он появится в магистральном водопроводе верхнего уровня, так что... так что запаси побольше незараженной воды, чтобы тебе было, что пить, пока все не закончится. Я не исключаю перекрестное загрязнение, так что кипячение не поможет — вода останется опасной.

Тони тяжело опустился на диван. Всего два дня назад на этом диване они занимались любовью.

— Но... ты не можешь!.. Это убийство!

— Я ничего не делала. Как и ты, я всего лишь узнала о возможности заражения вскоре после того, как прилетела на станцию. Но как и ты, — я не собираюсь ничего предпринимать.

Тони покачал головой.

— Эти два астероида... — проговорил он. — Они приближаются к станции с двух разных направлений. Скорее всего, они тщательно замаскированы, поэтому обнаружить их можно, только оказавшись совсем рядом. Не исключено, что их орбиты были преднамеренно изменены, так что оба астероида, скорее всего, находятся совсем не там, где они должны находиться согласно расчетам. Предотвратить столкновение может только человек, который знает об их существовании, знает, где проходят орбиты. Он может дать астероидам команду на самоуничтожение... если, конечно, такая опция вообще предусмотрена.

Сандра нервно рассмеялась.

— Господи!.. Похоже, кто-то твердо решил действовать на верняка, тебе не кажется? Хотела бы я знать, сколько еще серебряных пуль направлены в брюхо этому вампиру?

— Я думаю, их количество примерно равно численности обслуживающего персонала. Ну, может, чуть меньше, поскольку не каждый из работников обладает соответствующими познаниями и имеет доступ к системам жизнеобеспечения. Уборщиков и горничных я бы исключил, хотя... Не удивлюсь, если кто-то уже всыпал порцию сахарного песка в бензобак известного тебе «хаммера».

Сандра покачала головой.

— Не все так просто. Мне почему-то кажется, что речь идет о скоординированных усилиях. Нет, я просто уверена, что все события, о которых мы сейчас говорим, были спланированы еще до того, как станция вышла на орбиту — за исключением, быть может, сахара в бензобаке... Мы с тобой просто немного опоздали — вечеринка началась без нас.

Тони задумчиво посмотрел на окно-экран, запрограммированное так, чтобы транслировать вид, открывавшийся вдоль продольной оси станции с вершин находившихся на ее торце гор.

— Это не шуточки, — проговорил он наконец. — Речь идет о... революции. Погибнет множество людей.

— ...Людей, большинство из которых является непосредственными виновниками стоящих перед человечеством проблем, — сказала она с нажимом. — Не знаю, как ты, но с тех пор как я прилетела на станцию, я не встретила ни одного свинюка, с которым мне бы захотелось поддерживать хоть какие-то отношения. Зато я повидала немало субъектов, в которых, будь у меня такая возможность, я бы с удовольствием вонзила нож!

В устах молодой, утонченной, образованной и хорошо воспитанной женщины эти слова прозвучали особенно жутко. Во всяком случае, они производили куда более сильное впечатление, чем если бы их произнес чумазый инженер-итальянец.

Откинувшись на спинку дивана, Тони мысленно перебирал возможные варианты. В том, что грядет революция, можно было не сомневаться, но... в случае неудачи станция все равно обречена. Даже если ее не уничтожат астероиды, в креплениях герметичных окон наверняка заложен не один заряд взрывчатки, а ведь можно еще распылить яд в систему вентиляции, можно... Вне зависимости от того, победит революция или нет, будет настоящим чудом, если из ста тысяч человек, населяющих колонию, выживет хотя бы несколько десятков.

Что же делать? Бежать обратно на Землю? Но это бессмысленно, поскольку там, внизу, шансов уцелеть будет еще меньше. Да, возможно, на Земле конец наступит еще не скоро, но в том, что все живое на планете погибнет, сомневаться не приходилось.

Набрав в грудь побольше воздуха, Тони поднялся с дивана.

— Ну что же, — сказал он, — по-моему, сейчас самое подходящее время для революции, ведь более удобного момента мы можем и не дожидаться. А если кто-то еще колеблется, пусть думает о каком-нибудь свинюке, которого ему больше всего хотелось бы разорвать на куски... — Тони криво усмехнулся. — Лично я намерен думать об убудке в желтом «хаммере». Если ботулизм не прикончит его раньше, он мой и только мой. Прошу иметь это в виду!

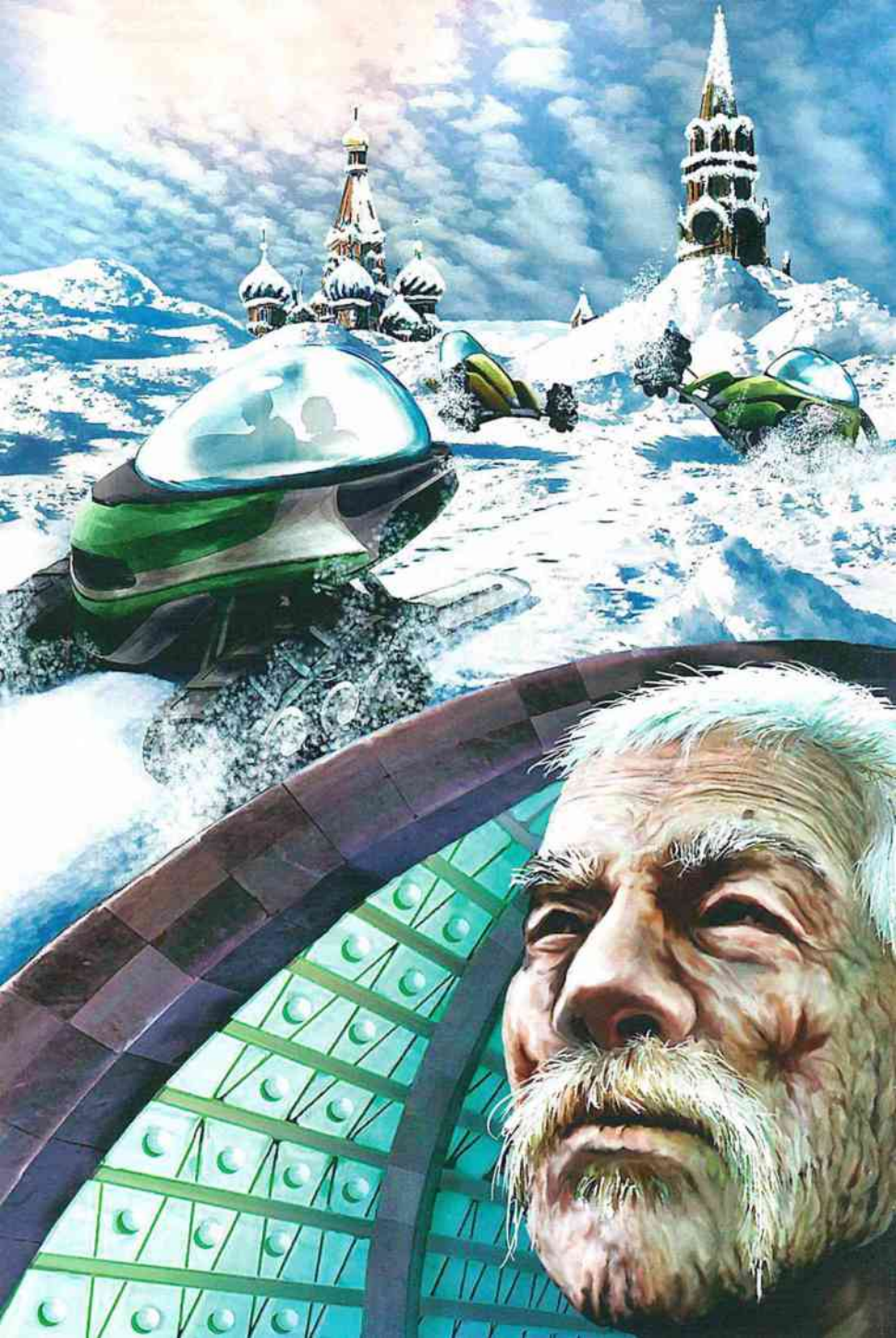
Джерри ОЛШЕН (Jerry Oltion)

Американский прозаик Джерри Брайан Олшен родился в 1957 году. В 1982-м дебютировал в научной фантастике «шекспировским» рассказом «Много шума из ничего». В последующие годы опубликовал около полутора сотен рассказов и повестей. Повесть «Не демонтировать!» (1996, опубликован в журнале «Если» № 5, 2000) номинировалась на все высшие жанровые премии и в результате завоевала «Небьюлу». Перу Олшена принадлежат шесть романов, в том числе «Система отсчета» (1987), «Жесткое столкновение» (1998, под псевдонимом Райан Хьюз). Сайт автора: www.sff.net/people/j.oltion/

Перевод с англ.

Владимира Гришечкина

© Jerry Oltion. Why the Titanic Hit the Iceberg. 2015. Печатается с разрешения автора. Рассказ впервые опубликован в журнале Analog в 2015 году.

Даля Трускиновская

Прощальный полет

Встреча была назначена на тринадцать ноль-ноль, про обувь Мишка вспомнил только в половине третьего, и то — случайно.

Нет, кое-что у него имелось! Домашние тапочки он обновлял постоянно. Прогулочные кеды недавно заказывал. Но кто же ходит на первое свидание в кедах?

Требовались приличные туфли. Это значит — или минут сорок болтаться в Рунете, анализируя цены и качество, потом высылать свою «колодку», потом невесть сколько маяться ожиданием заказа — может, даже два дня, если подходящий фасон найдется лишь на складе в другом жилом комплексе! — или сразу идти к Андрюхе, бить челом, попрошайничать, взывать к милосердию.

Нет, принтер-то у Мишки был! Всякую пластиковую ерунду исправно клепал. Те же тапочки — оставалось только вставить теплые стельки, а их у Мишки была целая коробка, взятая по случаю с большой скидкой. Но для туфель нужна квазикожа, нужно напыление, нужны квазиметаллические детали. Андрюха не пожадничал, взял принтер с кучей функций и с рабочей площадью метр на полтора. Он себе даже как-то стол под технику склепал — правда, не сразу получились.

Андрюха проявил величайшую гуманность — попросил только картридж оплатить. Без пятнадцати час Мишка сунул

ноги в новые туфли, потопал, попрыгал, надел очки и кинулся в «Эдельвейс».

Очки, исправно показывая все повороты на пути, привели к бегущей дорожке, а пока Мишка ехал — предложили полюбоваться интерьером «Эдельвейса» и выбрать столик.

Наташа готовилась к свиданию более толково: у нее имелось все необходимое, оставалось только собрать комплект.

Они встречались впервые, потому-то Мишка и хотел выглядеть поприличнее. Культурную программу заказала Наташа: сперва легкая трапеза, потом прогулка в оранжерее, потом концерт в «Арбате», потом можно и пообедать. Примерно на три часа, все очень грамотно.

Предполагалось для начала обычное необременительное ухаживание, причем, это Мишка знал точно, Наташа встречалась еще с одним парнем. Спешить ей было некуда, двадцать пять для девушки — не возраст. Раньше тридцати выходить замуж и рожать вообще не принято, хотя начальство «Сокольников» и обещает молодоженам скидку в тридцать процентов на первое совместное жилье. Начальство можно понять — летом молодежь разбегается, вроде бы отдохнуть, вроде бы где-то поработать — на пробу, в порядке разведки боем, — а в августе не все возвращаются.

Да и сам Мишка встречался еще с Тоней и с Ксюшей. Тоня обходилась чуточку дороже — она любила поплескаться в аквапарке, Ксюша как-то стеснялась вводить парня в расходы и предпочитала художественные галереи в третьем и пятом корпусе, практически бесплатные. Наташа об этом знала. А зачем скрывать? Скрывать — глупо. Не так уж много теперь молодежи в «Сокольниках», информация разлетается быстро.

Они были знакомы около месяца, хотя жили в соседних корпусах — она в восьмом, он в девятом. Но Наташа — ассистент стоматолога своего корпуса, а Мишка вообще устроил рабочее место дома, он отладчик логистических программ, работает

на итальянскую фирму. Встретиться они могли только в виртуальной гостиной.

Мишка там вел себя хорошо, пошlostей не говорил, бурной страсти с ходу не предлагал, внешность достойная — отчего бы не потратить три часа перед вечерним дежурством на такого человека? Может, из этих трех часов вырастут такие отношения, что и к законному браку приведут? Именно отношения — слово «любовь» в том кругу, где проводила свободное время Наташа, считалось странным и ненужным.

А Наташа очень старалась быть, как все. Очевидно, потому, что в душе она была иной и боялась — если об этом догадаются, она рискует остаться в одиночестве, подруги не любят странных девушек, а парни — тем более. Но быть, как все, — тяжкий крест, и необходимость прятать свои рисунки и вышивки, когда так хочется, чтобы похвалили, сильно угнетает.

Но прогулка и концерт не состоялись. Когда Мишка с Наташей сели за столик и заказали сок, висевшие на Мишкиной груди очки подали голос. Их обычный сигнал был довольно тихим, но сейчас прозвучал тревожный. Мишка быстро надел очки и увидел деда.

Дед лежал на полу и не шевелился. Над ним вспыхнули буквы и цифры.

— Что случилось? — спросила Наташа.

— Дед. Если верить коври, уже минуты две лежит без движения, пульс слабый, давление, как я понимаю, подскочило. Ты извини — я съезжу, разберусь, что там с ним.

— Сколько ему?

— Сто восемь.

— Я с тобой.

— Погоди, я только вызов активизирую...

Мишка моргнул — и вызов мгновенно обозначился на экране медпункта. Туда же прилетели все цифры с датчиков, которыми были оснащены «умный ковер», постель и мебель в дедовой квартире.

— Сто восемь...— повторила Наташа.— Расплатись, а я вызову кар. Нам на какой ярус?

— На третий.

Ярусы считались сверху. Третий был самым дешевым — над ним как раз медпункты, офисы, школы, банки, спорткомплексы, продовольственные склады, теплицы, гаражи.

Двухместный кар понесся по спиральному коридору — это было быстрее, чем ждать очереди в лифт. За три минуты добрались до круга «Б», где жил дед.

У дверей уже стояли медики — мужчина и девушка в голубых халатах. Мишка приложил указательный палец к кнопке и пустил всех в дедово жилище.

— Хорошо, что пожилые люди живут обычно на третьем, — сказал врач, когда деда перенесли на постель и сделали ему нужные инъекции. — До нас недалеко. Я бы на вашем месте заказал ему браслет.

— Да, браслет...

Мишка понимал, что это значит. Дед теперь обречен на постоянные инъекции коктейля из лекарств и стимуляторов. Умный браслет, который снять невозможно, разве что с трупа, будет вкалывать это каждые четыре часа, понемногу повышая дозу. Но если зазеваться и вовремя не сменить блок с коктейлем... Да и до какого предела можно повышать дозу?..

— Надо бы его детей предупредить, — подсказал врач.

— Я свяжусь с матерью.

Мишкина мать сейчас была в Эмиратах — работала консультантом в строительной фирме. Человек с российским опытом был в цене. Там, правда, другое, там пески. Но общий принцип тот же — не ввысь, а вглубь.

— Лучше бы ей прилететь.

— А как?..

Пассажирских рейсов зимой практически не было, только грузовые.

— Так будете оформлять заказ на браслет?

— Буду.

Наташа стояла у дверей, не понимая — оставаться ей тут с Мишкой или вежливо проститься. Как все нескладно получилось...

— Извини, — сказал ей Мишка. — Я буду ждать, пока доставят браслет.

— В квартире есть пневмопочта? — спросил врач. — Если есть, то это быстро.

Дед лежал на постели. Он уже открыл глаза и молча слушал, как врач и внук беседуют о браслете.

— Это для пожилых людей самое подходящее. Будь он по-моложе — я бы советовал имплант, действующий по той же схеме. Но имплант — это хирургическое вмешательство... — и врач пустился в рассуждения.

Наташа, не зная, чем себя занять, подошла к постели.

— Помочь вам? — спросила она. — Водички, сока? Подушку поправить?

— Я хочу наверх, — тихо, но твердо ответил дед. — Наверх хочу... понимаете?..

— Понимаю.

Наташа видела — дед, только что получивший инъекцию, еще малость не в себе.

— Проститься...

— Зачем же обязательно наверх? — Наташа собралась было напомнить, что большой смотровой экран дает полный эффект присутствия в любом месте, в любом времени года.

— Проститься. С Москвой.

— Наверх — вам будет очень трудно. Вы полежите, вам станет легче, тогда...

— Нет. Наверх.

Мишка, проводив врача, подошел к дедовой постели.

— Ты слышал? — шепотом спросила Наташа. — Он наверх просится. Бредит, наверно.

— Это невозможно, дедушка, — твердо сказал Мишка. — Там, наверху, плохо сейчас, холодно... Туда никто не поднимается. И входы закрыты.

— Хочу наверх. Возьми с моего счета, заплати, пусть откроют.

— Дедушка, это не так просто. Ты полежи, приди в себя. Вот в июне потеплеет, тогда мы вместе...

— Я должен проститься с Москвой. Заплати им... сколько мне там осталось... я должен...

— Дедушка, сейчас зима.

— Я знаю. Найми какой-нибудь снегоход...

— Дедушка!..

Мишка повернулся к Наташе, безмолвно попросил: да помоги же как-нибудь, скажи ему, что это невозможно. Наташа развела руками: что можно объяснить человеку, который еще не пришел в себя?

Старик закрыл глаза и лежал неподвижно. Врач сказал, что опасность миновала, лекарства действуют, но трогать деда сейчас не стоит, пусть отлежится. Главное — чтобы ему какая-нибудь дурь в голову не ударила, чтобы не вскочил и не поплелся искать пятый угол.

Наташа достала из кармана крошечный пульт, жестом показала Мишке: надень очки. Он надел и через несколько секунд увидел текст: «Нужна сиделка». Мишка кивнул. Действительно, дед слишком долго просидел в крошечной квартирке один. Всякие мелочи приносила ему пневмопочта. Два-три раза в неделю курьер доставлял продукты — но не станешь же долго разговаривать с курьером. Сашка заглядывал в его виртуальную гостиную каждый вечер — спросить, как дела. Другой внук, Эрик, появлялся реже. Наверно, дед общался со старыми приятелями, хотя точно Мишка этого не знал.

Дед с его затеями и воспоминаниями был Мишке неинтересен. Он мог уделить старику три минуты в сутки — этого хватало, чтобы считать долг выполненным. А Мишка вообще

постарался изгнать из своей жизни все обременительное. Даже завтрашний день в этой жизни был лишним — на что он, если сегодняшнего вполне хватает?

Он сдвинул очки и посмотрел сверху на худое морщинистое лицо. Дед всегда был сухошав, теперь еще больше усох, и странно гляделись на узком лице огромные бурые с проседью усы.

Наташа прислала сообщение: о том, что свяжется с сервис-центром насчет сиделки. Мишка опять кивнул. Наташа, подойдя к квазиокну, в котором колыхался океанский простор, села в кресло и занялась переговорами.

— Дедушка,— позвал Мишка.— Ты чего? С тобой все в порядке?

— Да,— отозвался дед.— Уже лучше. Но это ненадолго. Я же знаю.

Тут на кухне загудела пневмопочта, брякнул о стенку ловушки патрон. Мишка достал из него браслет, отцепил инструкцию (ни одного слова, только цифры и картинки), разобрался и довольно ловко надел деду аппарат на левую руку.

— Теперь тебе совсем хорошо станет,— пообещал он деду.— И надолго!

Наташа жестом поманила его за дверь.

— Ты не поверишь, сразу нашли сиделку,— сказала она.— Но временную. Она может прийти сейчас на два часа. Ничего, за это время достанем постоянную. Ее уже к нам отправили, только просили встретить у служебного лифта. А то объяснить, как на третьем этаже расположены квартиры, лично я не в состоянии.

— Идем!

Как-то так вышло, что они пробежали к лифту, взявшись за руки. Бежать пришлось метров двести. Они успели вовремя — двери разъехались, и вышла женщина в форменном голубом платье с эмблемкой на груди: красный крест и красный полумесяц в белом квадрате. Женщина несла большую цветастую сумку.

— Анна Романовна? — спросила на всякий случай Наташа. — Миш, расскажи про деда.

— Деда зовут Федор Васильевич. Он, кажется, без людей чуток одичал. В школе полвека отработал учителем истории, в библиографическом колледже преподавал, читал какой-то исторический курс в театральном институте, студенческий театр консультировал... С ним есть о чем поговорить. Вы его как-нибудь расшевелите, а то он чуть ли не помирать собрался, — попросил Мишка Анну Романовну. Это была, как ему показалось, довольно бодрая дама лет семидесяти, с красиво уложенными светло-русыми волосами, в меру подкрашенная, как и положено женщине, еще не поставившей на себе крест.

— Найдем общие темы, — пообещала сиделка. — Я тоже в школе работала.

Беседа о часовых ставках в школе и в сервис-центре, дошли до дедовой квартиры и обнаружили, что дверь заперта. А ведь, выбегая, Мишка ее успел заблокировать.

— Он встал! — догадалась Наташа. — Наверно, он никого видеть не хочет!

— Мне это не нравится, — Мишка соединил очки с камерами видеонаблюдения в квартире. — Слушайте, его там нет!

— Может, в туалет пошел?

Мишка связался с «умным ковром», который отслеживал все перемещения хозяина и даже изменения в походке, не говоря уж о датчиках температуры и пульса. Ковер выдал схему последнего маршрута.

— Он сбежал! — запаниковал Мишка. — Дошел до двери, разблокировал — и все! Точно, наверх полез. И его больше нет!

— Погоди, погоди! Его перехватят! Его не выпустят! — попыталась успокоить Наташа. — Ну, подумай сам, как он может подняться наверх? Ведь теперь зима!

— Идем в диспетчерскую, пусть при нас снимут показания со всех камер!

На камерах слежения в «Сокольниках» не сэкономили. В замкнутом пространстве всякое недоразумение опасно — и люди, зная о присмотре, довольно жестко себя контролировали. Особенно на самом нижнем, техническом, этаже. Были случаи — человека, спяну повредившего выходное отверстие вентиляционной системы, просто выпроводили из корпуса наверх, не побоявшись судебного процесса. Другого чудака, из баловства вставившего палку в бегущую дорожку, тоже нашли и тоже отправили наверх со всем имуществом; хорошо хоть, дело было летом.

Все шестнадцать корпусов «Сокольников» соединялись на втором, четвертом и шестом жилых этажах — ну и, само собой, на техническом. Схемы висели в коридорах возле лифтов и у начала бегущих дорожек. Если дед вздумал самостоятельно выбраться наверх, то не в своем девятом корпусе. Для этого ему пришлось бы пройти через людные места — школьный коридор и операционный зал «Максим-банка» на втором этаже. И миновать охрану — этаж, где учатся дети, очень берегут, и выход наверх там, наверно, вообще зацементировали. Дед, сам бывший учитель, должен это понимать. Хотя — способен ли он сейчас понимать?

Из девятого корпуса можно перейти в тринадцатый и в пятый. И дальше — в первый, второй, десятый, четырнадцатый, а по служебному переходу — и в шестой. Круглые толстые башни корпусов диаметром в полкилометра стоят, довольно приблизительно соблюдая указанный на схеме порядок. Это хорошо заметно, если лететь над Сокольниками на вертолете. Самых башен, конечно, не видно, их только сканер разглядит, но есть шестнадцать выходов наверх, из них три огромных — для наземного транспорта. У деда может хватить сил добраться до большого выхода, они бывают открыты даже зимой.

А потом — смерть.

По внутренней сети каждый день передают про погоду наверху, но кого интересуют эти краткие сообщения в левом верхнем углу экрана?

Чтобы выйти наверх в январе, нужны унты — не игрушечные, для стройных девичьих ножек, а настоящие: меховые, огромные, тяжелые. Никакие пластиковые ботинки их не заменят. Нужен теплый комбинезон, очень желательна длинная и тяжелая меховая шуба, к ней шапка с ушами, рукавицы... У кого в «Сокольниках» найдутся эти совершенно бесполезные для нормальной жизни доспехи? Разве что у богатых дам в гардеробах — модные хвостатые меховые безрукавки.

И даже если дед каким-то чудом разбудит одежду — прощание с Москвой завершится на первом же километре. Потому что Москва занесена снегом, сугробы — в человеческий рост, а снегоход, если он вдруг кому-то потребуется, нужно заказывать заранее.

Все это Мишка и Наташа знали.

В диспетчерской на техническом этаже их выслушали, поняли, пустили к экранам.

— Сколько тут работаю, впервые слышу, что человек зимой додумался прощаться с Москвой, — сказал старший смены, крепкий лысый дядька. — Еще летом — куды ни шло...

— Ну, когда «Сокольники» только поставили, находились дурные головы, лазили наверх, — возразил напарник. — Не верили, что там минус сорок пять. Им казалось, дуракам, что их обдурили, уговорили купить квартиры в корпусах, а наверху — как раньше. Но, с другой стороны, за двадцать лет Москва потеряла всякий смысл, и торчим мы тут по глупой привычке. Знаешь, как выпивоха, которого жена давно из квартиры выгнала, напьется — и опять в свой старый дом... Привычка!

— Да, при любом раскладе кончилась бедная Москва, — согласился старший. — Ну что, высмотрели своего дедулку?

— Смотрим, — за двоих ответил Мишка, а сам, работая с экранами, прислушивался к беседе.

— Верхняя Москва, я так понимаю, вообще была экономически невыгодной, — продолжал рассуждать напарник. — Ты

представляешь, сколько топлива и электричества она жрала зимой? А у нас в корпусах — тепловые насосы, в них один раз вложишься — потом двести лет можно не волноваться.

— Даже если без насосов — просто закопайся в землю на десять метров, и вот тебе базовые плюс пятнадцать.

— И насосы добавят до двадцати двух. А если скважины на двести метров, да спустить туда коллекторы — так даже больше можно получить. Опять же — где-нибудь в Африке закопаться в землю, и будут тебе не плюс пятьдесят, а те же плюс, допустим, шестнадцать. Добавить тепловым насосом — и белый человек уже не пропадет. Нет, дай Бог здоровья тому, кто придумал эти корпуса.

— А летом все же лучше наверху.

— Наверху — да, солнышко, травка... Плюс пятнадцать! А сколько того лета?! Месяц, полтора? А потом — домо-о-о-ой! Опять же порядок. Чужим в корпус дороги нет. Так что не надо, Серега, с Москвой прощаться. Мы теперь сами — Москва. Мы!

— Сказал бы кто моему деду, что внук будет под землей сидеть, как крот. Дед-то думал — светлое будущее, небоскребы в триста этажей! Глобальное потепление!

Диспетчеры засмеялись.

— Вот он! — воскликнул Мишка.

Старший смены подошел к экрану.

— Так это он во второй корпус забрел. Это он к нашим мудрилам забежал. Сейчас мы тамошнюю охрану предупредим.

— Какие такие мудрилы? — удивился Мишка.

— Астрономы. Наверху осталась обсерватория, они снизу за звездами наблюдают, если не врут. Я так думаю, от холодрыги вся их точная техника уже околела.

— Какое отношение дед имеет к астрономам?!

Мишка не любил лишних вещей. Астрономия, на его взгляд, была эталоном бесполезной для нормального человека информации.

— Миша, его нужно вернуть. Я понимаю, браслет, инъекции и все такое... — Наташа от волнения ухватила за Мишкино плечо. — Я понимаю — у него хватило силы дойти! А потом?!

— Нет, ты мне скажи — что он забыл у астрономов?

— Я не знаю, Мишенька!

Диспетчеры оказались хорошими дядьками — сразу предложили свой кар. Но предупредили: чтобы начальство не ругалось, немедленно послать его обратно. Мишка встал к рулю, Наташа села сзади, и верткая машина понеслась.

Служебные кары и скорость развивали побольше обычных, и могли ездить по бегущим дорожкам. Это было для Мишки сюрпризом — обычный кар перед дорожкой тормозил и сердито пищал. Сюрпризом, на сей раз неприятным, было и другое — кар влетел в служебный коридор, но, чтобы выехать оттуда в спиральный второго корпуса, следовало приложить к двери диспетчерский жетон, которого у Мишки, естественно, не было. Пришлось возвращаться и заново задавать технике маршрут, изъезв оттуда служебные варианты.

С астрономами тоже все оказалось не так просто. Их помещения были на первом этаже, но посторонних туда не пускали. Мишка через внутреннюю сеть связался с диспетчерами своего корпуса, те направили его к своим коллегам, оттуда он попал на нужный ресурс и увяз в беседе с каким-то непонятливым звездочетом, который минут пять требовал у него код доступа. Потом двери вдруг отворились без всякого кода, а в Мишкиных очках появилась физиономия лысого диспетчера.

— Я договорился! — сказал он. — Охрана вас пропустит, а дальше — как знаете.

— У вас пять минут, — предупредил охранник. — И то — только из уважения к Борисычу. Вторая дверь направо, там референт Степанов, он отвечает за приглашения...

— Вы не впускали старика? Высокий такой, усатый? — спросил Мишка.

— Это — служебные подробности. Они вас не касаются.

Степанов оказался маленьким, черноволосым, совсем юным. Мишка понял — чей-то сын или племянник. Сперва референт наотрез отказался признавать, что в помещения астрономов был впущен высокий худой старик. Положение спасла Наташа.

— Если он из-за вас помрет, я сама на вас в суд подам! — грозила она. — Вы что, не заметили, — у него же браслет! А блок меняли две недели назад!

Это было чистое вранье — но Степанов забеспокоился. Он с кем-то связался через очки, отправил сообщение с карманного пульта, получил ответ, рассердился, после пятиминутного обмена репликами приуныл.

— Сейчас к вам выйдет Иван Леонидович, — буркнул референт и тяжело вздохнул.

Появился мужчина, которому дверные косяки были узковаты. Наташа уставилась на него с восторгом — красавец-великан, на плечи падает мощная седеющая грива.

- Это правда — про браслет? — не здороваясь, спросил он.
- Правда, правда, — подтвердили Мишка и Наташа.
- Черт бы побрал старого болвана...

Похоже, красавцу не очень-то хотелось отвечать за прощальную выходку деда.

- Вы знаете, где он? — быстро спросил Мишка.
- Да наверху!
- Вы отпустили его?!
- Как я мог не отпустить? Он мой учитель. Понимаете? Учитель! Настоящий! Он из меня человека сделал!

О педагогической карьере деда Мишка имел туманное понятие. Мать с дедом ссорилась и мирилась, так что Мишка вырос без его заботы. И человеком он себя сделал сам — в меру своего разума.

- И вы его еще называете болваном? — возмутилась Наташа.
- Да, и старым верблюдом тоже, будь он неладен!

Красавец развернулся и выскочил из крошечной приемной, ровно секунду спустя заглянул.

— Я его притащу! Свяжу старого черта и притащу! — пообещал он. — Степка, рывкни там, чтобы «Умку» приготовили и горючего полный блок зарядили!

Теперь он исчез окончательно.

— Что такое «Умка»? — спросила Наташа.

— Снегоход, — ответил референт. — Большой, новый...

И он, отвернувшись, заработал пультом.

— Вы что, зимой выходите наверх? — удивился Мишка.

— Выезжаем. Надо же следить за обсерваторией, и вообще... А вы своего Федора Васильевича вообще заприте покрепче и не выпускайте! Он же так Ивана Леонидовича подставил!

— Странно... — пробормотал Мишка. За дедом никаких подлостей не водилось, это он знал точно. Старик попросил помощи у бывшего ученика, потому что больше было не у кого? Ну да, родной внук даже толком выслушать не захотел... А что мог сделать родной внук? Завернуть старика в одеяло и вытащить на сорокаградусный мороз?!

Те же самые мысли одолевали Наташу — что тут можно было сделать?

Можно было узнать, где дают напрокат шубы, шапки, варежки и унты. «Сокольники» — это шестнадцать корпусов, где-то наверняка люди выходят наверх — просто для развлечения. Хотя бы это, хотя бы это!..

Она покосилась на Мишку. Совсем парень скис... злится, но как злится?.. Бесплодно! Хоть бы заорал, кулаком по столу треснул! А он дуется...

Вдверях опять появился Иван Леонидович — хотя в дверной проем не вписался. На нем была серая шуба со здоровенным воротником, поставить такой дыбом — и шапки не надо, на ногах — рыжие унты.

— Сидите тут, ждите. Я его привезу, — приказал Иван Леонидович. — Я его, старого хрыча, отучу врать. Ишь, распетушился! Вы вот что — вы врача сюда вызывайте. Чтобы сразу — в палату. Степка! Ты Арамчика поймал?

— Ловлю. Нет покрытия, — доложил Степанов. — Они же к Кремлю покатали, откуда там покрытие? Только служебное. Арамчик сказал — они только до Кремля и обратно, по каким-то там улицам, Васильич знает маршрут.

— Вы к Кремлю? — спросила Наташа. — Послушайте, постойте! Можно я с вами?

— Это еще зачем? — удивился Иван Леонидович.

— Я ни разу не видела Кремля!

— Степка, сделай ей Кремль...

В приемной было, как во всех помещениях «Сокольников», фальшивое окно. Оно показывало тропический пейзаж с обезьянами. Референт поменял картинку: явился Кремль со всеми своими башнями в жаркий летний полдень. Это был классический вид со стороны Москвы-реки. По реке носились скутеры и шлепали речные велосипеды. В небе висели одноместные разноцветные вертолеты.

— Так я и сама могу! — возмутилась Наташа. — Возьмите меня наверх! Иван Леонидович, ну пожалуйста!

— Ты умом тронулась? — спросил, опомнившись, Мишка.

— Я хочу наверх, — повторила девушка. — Я больше не могу! Я не могу — в этом корпусе, в этих коридорах...

Еще пять минут назад коридоры с мягкими теплыми дорожками, с ненавязчивой вентиляцией ее вполне устраивали.

— Ты там все себе обморозишь!

— Я никогда не видела настоящий Кремль! Иван Леонидович! Мне нужно увидеть!..

Она не знала, как объяснить, что картинки на экране — чужие, а у нее должна быть своя. И даже не затем, чтобы нарисовать, — а так вдруг потребовала душа.

* * *

До сих пор Наташа жила простой и понятной жизнью. Ее еще девочкой привезли в «Сокольники», тут она выросла, тут участвовала в детских проказах: спуститься на технический этаж, сбежать в строящийся корпус — сперва это был пятнадцатый, потом шестнадцатый, на спор переночевать в аквапарке. Что было до «Сокольников», она помнила плохо. Мать развелись с отцом уже здесь, потом снова вышла замуж, а отец вообще переехал в «Измайлово». Комплексы подземных корпусов окружали Старую Москву, нормальная связь между ними была только летом, и Наташа виделась с отцом хорошо если раз в два года.

Этот Иван Леонидович совершенно не был похож на Наташиного отца. Однако что-то вспомнилось — что-то туманное, невразумительное, какое-то давнее желание, не нашедшее применения... тоска непонятная, что ли?..

Рядом с этим огромным человеком любая женщина почувствовала бы себя хрупкой девочкой — да ведь не только в его росте дело: он был громогласен, привык командовать, решать за себя и за других, а в компании, которая собиралась в молодежной виртуальной гостиной, таких экземпляров не водилось, все где-то работали, кому-то подчинялись, честно делали свое дело и отвечали только за себя.

Иван Леонидович провел Наташу через комнату, где несколько человек сидели перед большими экранами с непонятными картинками. Эти люди переговаривались на языке, в котором Наташа понимала хорошо если четверть слов.

За комнатой была другая — длинная и узкая, вдоль одной стены — гардероб.

— Сезам, — сказал Иван Леонидович, и слово (что-то такое звучало в детстве) отворило раздвижные двери. — Вот эту ду-бленку бери... Стой!

В корпусах было тепло — плюс двадцать два обычно, и Наташа пришла на свидание в легкой бирюзовой кофточке, в белых

шортах с отворотами. При себе у нее имелось на всякий случай кружевное пончо — узор подружка Уля взяла из последнего «Принт-эдвайса» и распечатала на большом принтере в женском сервис-центре. А на ногах — тонкие колготки и босоножки.

Она сразу все поняла. Поняла — и ахнула. У нее не было даже толстого теплого свитера, даже плотной длинной юбки. Была курточка, в которой она летом иногда поднималась наверх, были нарочно для этих вылазок купленные, но еще не распечатанные кеды.

— Так... — Иван Леонидович задумался на пару секунд. — Инескин комб тебе велик, Степкин мал. Но Степкин свитер тебе впору... Тут где-то были меховые штаны. Артурка в них лазит снег с крыши сметать. Живо!

Через пять минут Наташа была сама на себя не похожа — получился меховой колобок. Передвигать ноги в унтах оказалось непросто. И пришлось по приказу смазать лицо каким-то неприятным жирным кремом, да еще сверху натянуть шерстяную термомаску. Это раздражало.

— Держи, — Иван Леонидович, уже в маске, протянул ей разрядник в кобуре. — Имела с этим дело?

— Теоретически...

Иван Леонидович забрал разрядник.

— Ну, молись Богу, православные... Авось пронесет.

Они вышли в переходную камеру, оттуда в широкий, плохо освещенный и холодный коридор с металлическим полом. Пол был наклонный, идти вверх — непривычно.

— Сюда въезжают фуры, — объяснил Иван Леонидович. — Продовольствие, по-твоему, тоже принтер штампует?

В кармане у правой стены стоял синий снегоход с прозрачной кабинкой.

— Знакомься — «Умка». Сейчас мы его вытолкаем. Погоди, дам сигнал воротам. И поставь в очках затемнение, а то ослепнешь.

Ворота распахнулись. Наташа зажмурилась.

Очки не успели потемнеть настолько, чтобы снежная белизна не оказалась такой слепящей.

— Скорее, скорее! — торопил Иван Леонидович. — Толкай! Живо! А теперь прыгай в кабину!

Она только в кабине и опомнилась.

Снегоход шел по белой аллее, раскидывая в обе стороны снежные веера.

— Курс на юг! — крикнул Иван Леонидович. — Сейчас будет тебе Москва!

Через пять минут, когда снегоход вылетел из аллеи, Наташа увидела мертвый город.

Пустые, занесенные по второй этаж снегом высотки...

— Идем по следу, — сообщил Иван Леонидович. — А когда-то ведь ездили по улицам... А теперь — напрямик, между домов... Ну что, курс на Кремль? Старый маразматик, скорее всего, совершает ритуальный объезд Кремля с обязательной остановкой возле Александровского сада. Иначе ему никак не помереть — только после этой процедуры! И я хорош, орясина бессмысленная. Браслета не заметил! Ложись! На пол ложись, дура!

«Умка», который и без того шел ходко, прибавил скорости и заложил крутой вираж. Наташу мотнуло по кабинке вправо и влево.

— Уйдем дворами! — крикнул Иван Леонидович. — Вот ведь сволочи!

— Кто сволочи?

— Мародеры! Не бойся, они палить не будут, им «Умка» целым нужен... Они нас в ловушку загнать хотят... А шиш вам! Не поднимайся, мало ли что... Держись за сиденье! Смотри, не вывалишься!

Сквозь прозрачную стенку кабины Наташа увидела другой снегоход, идущий параллельно «Умке».

— Иван Леонидович! Там, справа!..

— Да вижу я, вижу! Он сейчас пойдет на сближение. Попробует нас завалить. Как же! Они, знаешь, чего тут пасутся? Продовольственный транспорт ждут. Там целый обоз идет — от Кузьминского аэровокзала через «Кусково» и «Измайлово» к нам и дальше...

— Я не поняла...

— Чего тут понимать? Ограбят транспорт и скинут продукты по дешевке в то же «Измайлово» на склады. Они уже такое продельвали — не слыхала разве? Директора и службу снабжения «Пресни» судили...

— Давайте вернемся! — взмолилась Наташа.

— Еще чего! Нам нужно догнать и вернуть старого марзаматика. Пока он еще сопит и плюется!

Снегоход мародеров приблизился, из окошка затемненной кабины вылезла рука в огромной рукавице с толстым стволом десантного револьвера.

— Пугает, — сказал Иван Леонидович. — Ну, и нам есть чем испугать... Держись, говорят тебе!

Держа руль левой рукой, правой он достал из-под сиденья блестящую трубку с кнопками и, резко распахнув дверцу, направил ее в окно совсем поравнявшегося с «Умкой» снегохода — а что произошло потом, Наташа не поняла. Выстрела она не услышала — но что-то же Иван Леонидович сделал? «Умка» резво рванул вперед, а темный снегоход повело куда-то вправо, по дуге, и он на неплохой скорости врезался в сугроб у стены старого, сталинской еще постройки дома.

— Иван Леонидович, что это было?

— Двухфазный патрон. Сперва — слезоточивый газ, потом — термоточка. Этот снегоход встретил печальную кончину... Вперед!

— А люди...

— Они успеют выскочить.

— Но там снег, сугробы, они просто утонут в снегу!

— Предпочитаешь утонуть вместо них?

«Умка» понесся дальше, нырнул между домами, вылетел на улицу и тут уж, задрвав вверх лыжи, показал, на что способен.

— Мародеры не боятся холода, — сказал Иван Леонидович. — Старые дома на сигнализации, но они научились отключать датчики, да и сигнализация уже дохлая...

— Мертвый город... — прошептала Наташа; она знала, что люди покинули Старую Москву, но не подозревала, что безупречная белизна пустых улиц вызовет такую острую жалость. — Что это за площадь?

— Не площадь — железнодорожная развязка. Тут планировали разобрать рельсы и построить что-то эпохальное. Не успели. Мы приближаемся к старым вокзалам — Ярославскому, Казанскому, Петербуржскому...

— Железнодорожная развязка?

— Ты никогда не видела поезд?

— Никогда.

— По-моему, ты уже не рада, что увязалась за мной.

Наташа промолчала. Она увидела белый зимний мир — тот, что наверху, она вдохнула свежий живой воздух, но радости не получилось. Теперь у нее была ее собственная картинка — но не возникло желания перенести ее на экран большого, как у профессиональных дизайнеров, планшета. Не стоило ради мертвого мира рваться на волю из «Сокольников»... Осталось только желание поймать Мишкиного деда и доставить его к врачам. Если только еще не поздно.

— Сейчас начнутся узкие улицы. Ты была в самой Старой Москве? Летом?

— Нет.

До самого Кремля они молчали. А там опять напоролись на мародеров. Точнее — услышали их совсем близко.

Мародеры перекликались — подавали друг другу пронзительные сигналы, тембр звука был хуже зубной боли.

— Разве Кремль не охраняют? — спросила Наташа.

— Все ценное оттуда вывезли, а охрана автоматизированная. Кто-то, конечно, сидит в подземельях — под Кремлем целое подземное логово, старые ходы, еще при Иване Грозном их нарыли... К воротам лучше не соваться. Сейчас смотри внимательно — где-то тут должен быть этот старый хрен. Как он гениально заморочил мне голову! Детка, берегись бывших учителей — манипуляторы высшего класса... А этот вообще гениален!

Наташа удивилась — Мишка ничего не рассказывал о дедовой гениальности.

— Он или у Кремля, или носится по Тверской, или вообще катается с горок в Китай-городе, у Ивановского монастыря. С него станется! Ты не представляешь, что это за человек! Он приходил к нам смотреть на Солнце... Ага, так я и знал!..

Снегоход выкатил на Красную площадь. Слева из сугроба торчали разноцветные купола Василия Блаженного, справа — красные башенки Исторического музея. А впереди — кремлевские башни, чьи силуэты знали даже затворники подземных корпусов.

На площади шла опасная игра — мародеры на четырех снегоходах гоняли, пытаясь повалить, пятый — и он чудом от них уворачивался.

Оказалось, у «Умки» есть встроенная сирена — вроде тех, какими снабжают маяки-ревуны. С диким воем «Умка» понесся по Красной площади, ударил сбоку мародерский снегоход, опрокинул его, стремительно развернулся, встал на дыбы — и всем немалым весом рухнул на длинные лыжи другого, прямо у него под носом. Наташа решила, что сейчас обе машины развалятся на кусочки, но у кабины «Умки» всего лишь пошло трещинами.

— Арамчик, уходи! Уходи, Арамчик! — орал Иван Леонидович. Он уже разворачивался для новой атаки.

Над Красной площадью стоял вой и визг, как будто вылезли из глубины веков и подрались хищные тиранозавры и аллозавры.

Два мародерских снегохода притормозили. Теперь им угрожал справедливый бой — двое против двоих. Из опрокинутой машины вылез человек, закричал, призывая на помощь, но мародеры не спешили рисковать собой — кто его знает, какие подарочки может преподнести этот синий снегоход.

Наташа была в ужасе и в восторге.

Те сражения, которые она видела, происходили на больших игровых экранах. Оттуда можно было уйти в любую минуту. И мужчины, сидевшие перед мониторами, восхищения не вызывали — от них требовалась не нормальная мужская смелость, а скорость мышления. И Мишка был таким же, как прочие труженики виртуального фронта: сообразительный, когда дело касалось его ремесла, нерешительный во всех прочих жизненных областях; клад для умной, деятельной, желающей быть единовластной хозяйкой в доме женщины. А вот Иван Леонидович — то еще сокровище...

Мародеры отступили, бросив своих неудачников на растерзание «Умке». Они подались к Васильевскому спуску — это был прекрасный путь для бегства. А убежать было самое время: из-за Спасской башни наконец появился вертолет-наблюдатель.

Иван Леонидович выключил сирену и с трудом открыл дверцу.

— Арамчик, ломать тебя об колено! Ты что, не видел, что они тебя гонят?!

Снегоход Арамчика подкатил к «Умке», остановился, Иван Леонидович заглянул в окошко и растерянно сказал:

— Этого следовало ожидать...

Он сам открыл дверцу и, с трудом опустившись на колени в своих меховых доспехах, взял за плечи человека в серой термомаске, лежащего на полу в причудливой позе — находясь в сознании, никто такой позы не примет.

За рулем сидел высокий сутулый человек. Впрочем, не совсем сидел: когда снегоход остановился, он просто рухнул на руль.

— Старый черт, ты как? — спросил его Иван Леонидович. — Да скажи хоть слово!

— Я справился... Я еще на что-то гожусь... — прохрипел Мишкин дед. — Они Арамчика подстрелили. Вези его домой... скорее... а я... а я, наверно, здесь останусь...

— Я тебе что говорил? Я тебе говорил — если будет опасность, сразу же назад! И попробуй скажи, что вы с Арамчиком не видели этих сволочей!

— Да видели... Ванька, помолчи... Не могу же я... уходить... когда ты орешь...

— Я те уйду! Я те уйду! Эй, ты, как тебя... — позвал Иван Леонидович Наташу. — Иди сюда, поможешь его перетащить.

Наташа вылезла из «Умки» и по колению провалилась в снег.

— Требуется помощь? — спросил нечеловеческий голос со спустившегося пониже вертолета.

— Сообщите по кабелю в «Сокольники» — везем раненого и больного, — ответил Иван Леонидович. — Пусть в медблоке подготовят две палаты.

С большим трудом они перенесли в свою кабину Федора Васильевича и Арамчика. Их снегоход взяли на буксир, и «Умка» понесся обратно.

Федор Васильевич, как оказалось, разбирался в медицинских браслетах. Инъекция ему полагалась раз в четыре часа, но он, взяв у Наташи ее очки, сумел наладить связь с браслетом, влез в его установки и получил добавочную.

— Я же знал, что мне скоро нацепят эту дрянь... Вот, готовился, — объяснил он. — Ванька, давай вези меня в обсерваторию.

— Ты спятил.

— В обсерваторию.

— То же самое ты увидишь у нас на мониторах.

— Нет, не то же. С Москвой я простился, теперь мне нужно солнышко... живое, понимаешь? Живое!

— От того, что ты будешь на пятнадцать метров ближе к свету, ничего не изменится.

— Ванька, кому говорю?

— Ты сдурил.

Наташа слушала эту бестолковую беседу краем уха. Она пыталась понять, что с Арамчиком. Медицинское образование, которое она получила на полугодовых курсах, было совсем уж узкоспециальным — она знала всю технику в стоматологическом кабинете, не более того. Но приемы первой помощи ей были приблизительно знакомы.

Был ли Арамчик ранен пулей? Получил ли он удар разрядника? Поди пойми, когда на нем поверх комбинезона толстенная шуба. Наташа не могла даже докопаться до запястья, чтобы найти пульс.

— Проклятый браслет, — вдруг сказал Федор Васильевич. — Если бы я мог его снять! Арамчику нужна инъекция стимулятора, вот что! Ванька, придумай что-нибудь!

— А ты как же?

— Сейчас ему нужнее. А мне врачи другой дадут.

— Не дури, скоро приедем, нас уже ждут.

— Девушка, девушка... как он там?.. — спросил Федор Иванович.

— Дышит, — ответила Наташа. — Дыхание короткое...

— Кровавой пены на губах нет?

— Нет.

— И на том спасибо. Девушка... это ведь вы с Мишкой ходили?..

— Я.

— Вы ему передайте — со мной все в порядке. Я всех увидел — и Лубянку, и Ильинку, и Покровку, и Маросейку, и Ильинку... а до Варварки не доехали... Они мои красавицы... У них не названия, у них имена... как у женщин... Варварушка... теплый дождь в мае... такой бывает только в Москве... идешь мокрый и счастливый...

Наташа толкнула Ивана Леонидовича, чтобы хоть на секунду поймать его взгляд. Старик явно заговаривался, и это было дурным знаком.

— Мы уже проезжаем Садовое кольцо, — не глядя ответил Иван Леонидович. — Быстрее не получается.

— Надо избавиться от этого, как его... прицепа! — воскликнула Наташа.

— Потеряем время. Пока затормозим... Мы идем со скоростью сто два. Осталось примерно четыре километра.

— Но сперва — к обсерватории, — попросил Федор Васильевич.

Возле «Сокольников» их уже ждали. Сделав круг, чтобы погасить скорость, Иван Леонидович подрулил к выходу четырнадцатого корпуса, и сразу же навстречу выскочили двое, каждый с самоходными носилками. Арамчика уложили, носилки втокнули в распахнувшуюся ровно на четыре секунды дверь.

— Нет! К обсерватории! — потребовал Федор Васильевич.

— Ты не залезешь наверх.

— Это ничего. Мне нужно.

— Через пару минут, — пообещал санитару Иван Леонидович. — А ты беги в корпус.

— Я с вами, — строптиво ответила Наташа.

— Ну, ладно. Поехали. Что за обсерватория — знаешь?

— Понятия не имею.

— У нее имя есть — «Звездное небо». Сперва была народной, туда все лазили смотреть на звезды. Потом ее забрал себе университет, поставили новое оборудование. Это было ровно за год до начала минимума. Поэтому вся наша группа и поселилась в «Сокольниках» — чтобы быть к ней поближе.

То, что Иван Леонидович назвал «минимумом», стряслось двадцать лет назад, и Наташа, учась в школе, вынуждена была в этой беде разобраться — насколько астрономические дела

могут быть доступны ребенку. Она вместе с подругой Улей делала сперва плоскую, потом трехмерную виртуальную модель Солнца, на которой проступали и исчезали пятна.

— Вы смотрите на Солнце? — спросила Наташа.

— Да.

Старик молчал. Видимо, собирался с силами.

Обсерватория оказалась совсем близко, просто была скрыта деревьями. Наташа увидела четырехугольные белые башни. На двух были большие купола.

— Вот, — сказал Иван Леонидович. — По лестнице я тебя не потащу. Сам еле пропихиваюсь.

Федор Васильевич высунулся из «Умки», опираясь на дверцу.

— А солнышко-то светит, — сказал он с непонятной радостью. — Светит наше солнышко. Вот туда я и полечу, а ты наблюдай...

— Зачем тебе обсерватория?

— Хотел убедиться, что она жива.

— Убедился? Нет, это же надо додуматься! Ты что, считал, будто мы тебе на мониторы и в голонишу какие-то старые записи вытаскиваем?

— Помолчи, Ванька. Я должен знать, что все в порядке... что оставляю все в порядке...

— Опять ты чушь несешь, Васильич.

— Меня сейчас уложат и будут аккуратненько гасить. Это правильно. Я не должен никого собой обременять. Ни тебя, Ванька, ни Инессу, ни Жана, ни Мишку своего. Я не против, понимаешь? Я только должен знать, что оставляю все в полном порядке и с надеждой на светлое будущее. Поехали в корпус... Воздухом я надышался, воздух отличный, теперь можно и к врачам... Девушка, вы, когда этот проклятый второй минимум пойдет на спад, подумайте обо мне — я услышу...

— Это мистика, Федор Васильевич, — сказала Наташа.

Она знала, что в ближайшем будущем спада не предвидится.

Точнее, когда в школе проходили первый минимум Маундера, который длился семьдесят лет и получил название малого ледникового периода, кем-то умным было решено: второй, только что начавшийся, короче не будет. Минимум Шперера, случившийся в Средние века, был длиннее — девяносто лет, но измерений температуры никто не вел — термометров еще не изобрели. А минимум Дальтона, тридцатилетний, стал как бы слабым отголоском маундеровского.

Нынешний ледниковый период был настолько очевиден, что не было нужды давать ему имя ученого, вычислившего его по признакам солнечной активности. Признак был тот же самый, что у маундеровского минимума в семнадцатом веке: после двухсот лет безупречной, с точки зрения астрономов, жизни Солнце вдруг взбунтовалось. Чуть ли не в одночасье количество солнечных пятен снизилось в несколько тысяч раз. И на землю пришел холод.

Двадцать лет при холоде они уже прожили. Оставалось еще полвека.

Можно было, бросив обжитые «Сокольники», перебраться на юг — но кем ты, избалованный комфортом человек, будешь на юге? Лучшие ступеньки социальных лестниц заняты, а ответственная должность сборщика мандаринов в Северной Африке — не для тебя, отладчик программ, не для тебя, ассистент стоматолога...

— Нет. Не мистика, — возразил старик. — Вы меня слушайте, я сейчас в таком состоянии, что очень умные вещи могу сказать... настоящее зрение просыпается... Ванька, тащи меня к эскулапам. Я сделал все, что хотел. Осталось взлететь...

— Слава те Господи, — проворчал Иван Леонидович и погнал снегоход к башенке, в которой были двери четырнадцатого корпуса.

Потом Федора Васильевича на каталке отправили в палату. Иван Леонидович пошел вперед — говорить с врачами, а Наташа,

стянув осточертевшую маску, шла ровень с изголовьем носилок. Одежда вдруг сделалась неимоверно тяжелой, и Наташа еле волочила ноги в унтах.

— Бросай ты моего дурака... иди замуж за Ваньку... — вдруг прошептал Федор Васильевич. — Ему всего сорок восемь, сопляк, малолетка...

Помолчал и добавил:

— Его можно любить!..

Раздвинулись двери палаты, пропуская каталку, санитар вошел следом, двери сомкнулись.

Наташа осталась в коридоре и терпеливо ждала Ивана Леонидовича, только сбросила на мягкий пол шубу. Он вышел, очень недовольный, костеря врачей, которые ни в чем не разбираются и ни черта в жизни не понимают.

Потом он подобрал шубу, перекинул через плечо и пошел к бегущей дорожке, Наташа побрела следом. Она молчала — боялась спросить про старика и услышать правду.

У астрономов Ивана Леонидовича ждали с нетерпением. Там уже узнали, что Арамчик получил очень неудачный удар пластиковой пулей — в область сердца.

— Это я виноват. Нужно было послать старого маразматика к лешему! — воскликнул Иван Леонидович. — Вот теперь этот мальчишка — на моей совести! А как ему откажешь? Профессиональный демагог, черти б его драли! Ему бы в торговлю идти, он эскимосу снег по двойной цене продаст!

Коллеги понимающе молчали.

— Арамчик сам вызвался, — наконец сказала женщина, по виду — ровесница Ивана Леонидовича. — Ему это было интересно. И он любит старика...

— Я не должен был отпускать.

Потом Иван Леонидович обвел взглядом своих астрономов.

— Работаем, — тихо сказал он. — Работаем.

Наташа не знала, как быть: оставить теплые вещи и убираться прочь? Этого ей не хотелось. Выйти на связь с Мишкой, чтобы он ее отсюда забрал? Тоже не хотелось.

Один из экранов был свободен — наверное, техника Арамчика, подумала Наташа. Почему бы не сесть к нему, почему бы не посидеть в уголке тихо? Но ведь не пустят...

А если выйти в приемную — то сразу явится охранник и выставит с охраняемой территории.

Наташа высмотрела-таки тихий уголок. До начала дежурства еще было время. Надев очки, она поработала с пультом и нашла астрономическую энциклопедию. Перед глазами образовалось звездное небо. Наташа стала искать британца Маундера с его минимумом.

Когда они с Улей делали свою модель, то, конечно, не смогли поместить на нее нужное количество солнечных пятен: до ледникового периода их было чуть не пятьдесят тысяч, на модели поместилось двенадцать. А после угасания осталось лишь три живых пятна. Вот что они сумели передать — так это изменение скорости вращения Солнца.

Наташа знала: после минимума Солнце восстанавливается очень медленно. Выход из глубокой фазы минимума — по меньшей мере пятнадцать лет. Она поискала последнюю информацию. Узнала, что замеры радиоуглерода в воздухе ничем не отличаются от прошлогодних. То есть его на два с половиной процента больше, чем до начала ледникового периода. А будет ли понижение добрым знаком — профессора не могли договориться.

Нужно было уходить, нужно было уходить... а не получалось...

В поисках новостей Наташа набрела на виртуальную гостиную «Звездочет». Разобраться, о чем спорили в разных ее ветвях, она не сумела, но дискуссия о подземных комплексах вокруг Москвы была более или менее понятна.

«Это была вынужденная мера, — писал некто Ульдемир. — Чтобы вообще не бросать Москву, как бросили Ярославль и Вологду. Когда Солнце активизируется — будет кому все восстанавливать».

«И все равно получается, что бросили, — возражал некто Минотавр. — Смотри сам — когда минимум кончится и понемногу начнет теплеть, люди что, так сразу полезут наверх?! Подземная Москва выгоднее. Во-первых, она уже есть, все отработано, все действует. Во-вторых, тепло! Верхняя Москва стране будет не по карману — при наших ценах на газ».

«Вы забыли про батареи Клейнера, — напомнил некто Порфирий. — Их же можно расконсервировать. Солнечная энергия вообще бесплатная».

«Скажи это Солнцу! — посоветовал некто Бай. — Пусть скорее активизируется!»

«Нет больше Верхней Москвы. Мы теперь — Москва!» — проповедовал некто Билл.

Наташа невольно вспомнила Мишкиного деда. Надо же, какие бывают чудачки... Человек, желающий проститься с Ильинкой и Лубянкой, — именно чудачка, из другого времени и из другого племени... Однако в его упрямстве и в его бредовых словах было что-то такое, чуть ли не за душу берущее, и оно врезалось в память, оно там поселилось!

И вдруг Наташа ощутила себя в кабине «Умки» — «Умка» летел, как бешеный, вокруг были ветер, снег и свет. И радость, радость, невзирая ни на что.

Снег и свет — картинка сложилась! Экран планшета уже ждал Наташиных пальцев!

Очки тихо зажужжали — это Мишка прорывался сквозь дискуссию.

Он выкинул текст: «Как ты?»

Она ответила: «Нормально, а ты?»

«Меня вызвали к деду».

«Как дед?»

Ответа не было долго — до того долго, что Наташа вдруг угадала печальную правду.

Ей не хотелось верить в собственную интуицию. Да и какая уж интуиция — горестного известия все подспудно ждали. Вон Иван Леонидович — работает, переговариваясь с долговязым парнем в виртошлеме, тычет указкой в алые и рыжие завихрения, подвешенные в небольшой голонише возле его экрана. Но это — способ отодвинуть в сторону мысли об учителе. Когда, чему научил его этот старик? Чему вообще может историк научить астронома?..

Она смотрела на великана, которому было мало стандартное рабочее кресло, и мысленно посылала вопрос: кто ты, что ты за человек? Почему так причудливо растет твоя седеющая грива — от острого мыска на широком лбу длинной прядью на плечо?

Астрономы вдруг загалдели.

- Это ошибка, это наложение!
- Это Арамчик баловался!
- Это системный сбой, я знаю!
- Такого просто не может быть!
- Теренс предупреждал!
- Он об эффекте дублирования предупреждал!
- Тихо! — гаркнул Иван Леонидович. — Нико, включи экран

Арамчика, он надежнее твоего!

Всей толпой ученые подошли к уголку, где пряталась Наташа, и, не замечая ее, вывели на экран несколько картинок, стали их укрупнять и уменьшать, ссорясь и тыча пальцами в непонятные девушке подробности.

- Чтоб я сдох! — воскликнул Иван Леонидович. — Теренс — старый дурак, а группа Гольдштейна — детский сад!
- Но этого не может быть, — возразила Инесса.
- Но это есть. И это случилось минут десять назад.
- Началось! Люди, началось!

— Ты не понимаешь? — спросил Степанов Наташу. — Люди, она не понимает! Ей-богу, не понимает! Вот, смотри! Мы первые это обнаружили! Вот тут, вот тут! Видишь?

— Это новое пятно на Солнце, — сказала Инесса. — Свеженькое, новорожденное. Солнце оживает, теперь понятно?

— Надо Васильичу сообщить! — закричал юноша в виртошлеме с поднятым забралом. — Он обрадуется!

Тут Наташа наконец встретилась взглядом с Иваном Леонидовичем. И поняла — все это время он ждал сообщения из медблока; знал, что вот-вот будет дурная новость, и работал, и заставлял работать всех своих...

— Не надо, — сказал Иван Леонидович, да так сказал, что все притихли. — Он же обещал... Вот он и долетел!

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

(род. в г. Риге).

Живет в Латвии. Окончила филфак Латвийского госуниверситета. С 1974 г. активно занимается журналистикой, публикуется как поэт. Прозаический дебют — историко-приключенческая повесть «Запах янтаря» («Даугава», 1981). Ее иронические детективы объединены в несколько сборников: «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995), «Демон справедливости» (1995) и «Охота на обезьяну» (1996). Повесть «Обнаженная в шляпе» была экранизирована (1991). В фантастику пришла в 1983 г. с повестью «Бессмертный Дим»; широкую известность ей принесли повести и романы «Дверинда» (1990), «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998), «Аметистовый блин» (2000), «Дайте место гневу божию» (2003) и др. Полная версия романа «Шайтан-звезда» (2006) была включена в шортлист «Большой книги». Дважды лауреат приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказы, опубликованные в «Если». На ее счету премии фестивалей «Фанкон», «Зиланткон», «Басткон». Член Союза писателей России. В последние годы публикуется под псевдонимом Дарья Плещеева.

Евгения КОЛЕСОВА

руководитель Департамента экономического анализа
и исследований, Институт территориального планирования
«Урбаника»

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛИК МЕЧТЫ

/экспертное мнение

/городская среда

/высокотехнологичный город

Современный облик «городской утопии» — это город с высоким процентом озеленения территории, комфортной и дружелюбной городской средой и с удобными транспортными и инженерными инфраструктурами. Кроме того, экономическая успешность городов и концентрация в них капиталов определяются многообразием форм занятости и застройки. Также для жителей будущего города важна возможность работать и самореализоваться в различных секторах экономической деятельности, причем не только в существующих, но и тех, которые могут появиться через пять–десять лет.

Однако идеальный город для жителя несколько отличается от идеального города для городских властей и корпораций. Для последних на первое место ставится эффективность управления и экономическая успешность, возможность дальнейшего развития.

Отчасти именно поэтому одним из векторов развития новых городов в настоящее время становится эффективность — энергоэффективность и новые технологии, эффективность транспортной структуры, компактная система расселения, позволяющая не растягивать сети инженерных коммуникаций.

Фактическую успешность города можно будет определить только спустя годы после завершения его строительства. Тогда можно будет проанализировать, насколько удачным был проект и какие факторы еще следовало бы учесть при его возведении. Но некоторые результаты реализации современных мегапроектов строительства новых городов видны уже сейчас.

Сегодня лидерами по количеству проектов новых идеальных высокотехнологичных городов являются не развитые страны и крупные городские агломерации Европы или Северной Америки,

а развивающиеся страны Азии и Персидского залива. Одним из двигателей развития проектов являются решения органов власти о снижении демографической нагрузки на самые густонаселенные регионы и формирование не только районов расселения, но и возможностей экономического развития территорий — коммерческих, промышленных, пространств под новое научно-технологическое развитие. Также мощным двигателем новых городских мегапроектов является имидж государства.

Город Путраджайе в Малайзии выступает как пример переноса столицы государства на новую, неосвоенную до этого момента территорию в рамках проекта «государственной воли», что ставит его в один ряд с подобным проектом в Казахстане несколько десятилетий назад. И если Астана — действительно успешно реализованный проект, то Путраджайе — проект в стадии стагнации. Часть функций переведены на его территорию, однако население продолжает приезжать туда на работу с утра и уезжать вечером обратно, чаще всего в Куала-Лумпур. Да и бизнес тоже не спешит перебазироваться в новую столицу.

Два южнокорейских проекта, Сонгдо и Седжон, имели разные цели развития и хотя пока и находятся в стадии реализации, но уже привели к разным результатам. Седжон, как и Путраджайе, формировался на основании переноса части административных функций из перегруженной столицы страны — Сеула. А Сонгдо — как раз один из примеров уникальных имиджевых проектов, который реализуется совместно с CISCO Systems. Основной задачей проекта является создание международного экономического центра. Для привлечения мировых компаний там была создана особая экономическая зона.

Уже понятно, что Седжону предстоит перепрофилирование, возможно в промышленный город, и появление новых функций. Это связано как раз с тем, что потенциальные жители и работники не проживают в нем, а за счет хорошей транспортной доступности продолжают ездить из Сеула и пригородов на работу. Возможно, именно избыточное государственное регулирование не позволило

городу стать самостоятельной городской структурой. А Сонгдо — достаточно успешный пример, если рассматривать его с точки зрения продажи недвижимости, несмотря на то что основная масса продаваемой недвижимости — это жилая, а не коммерческая, как задумывалось. Этот проект имеет все шансы быть реализованным.

Необходимо сказать и про не менее уникальный проект — Масдар в ОАЭ, первый безуглеродный город, наукоград. Фактически проект стагнирует, что связано, вероятно, в большей мере с общеэкономической ситуацией. Но учитывая, что город задумывался на 50–60 тыс. жителей и уже сейчас имеет образовательные связи с Массачусетским технологическим институтом, вероятность его реализации в будущем несколько выше, чем у южнокорейских аналогов, пусть и с неким отступлением от первоначального варианта.

Одним из важных и особенных примеров являются города-призраки в Китае. Так город Кангбаши, располагающийся в провинции Внутренняя Монголия, рассчитанный на миллион жителей, практически пуст, хотя план его развития реализован почти полностью. Только в нем нет ни жителей, ни экономического развития территории. По разным оценкам, население потенциального «миллионника» составляет от 20 до 30 тысяч человек. Расчет инвесторов на его быстрое развитие не оправдался, несмотря на наличие на территории автомобильного завода и строящуюся электростанцию.

Как показывает опыт современных городских мегапроектов, город — это не только здания, архитектура, дороги, инженерные инфраструктуры, производства, экономическая активность и управление, но и жители со своими потребностями и видением его дальнейшего развития. Новые горожане — это новые поколения жителей, которые выбирают новые технологии, новые форматы занятости, но при этом ищут комфортные пространства для своего проживания. Именно жители определяют характер и жизнеспособность нового города в современных условиях, а в конечном итоге — и глобальную конкурентоспособность страны, где расположен город мечты.

Города будущего:

В КАКОМ МИРЕ ЖИТЬ?

Составила и перевела
Александра ОЛЬХОВИК

/сценарии /города

Уже сейчас больше половины мирового населения проживает в городах. К 2050 году доля горожан значительно возрастет. Ответы на вопросы, каким будет мир и каким будет город через 35 лет, во многом совпадают. Доклад «Future of cities: Living in the city», опубликованный в 2014 году, подготовлен в рамках форсайт-проекта правительства Великобритании, посвященного будущему городов. Исследование обобщает основные представления о городах будущего в виде четыре возможных сценариев.

Вертикальные фермы – многоэтажные агропромышленные комплексы, расположенные на городской территории. Рассматриваются в качестве панацеи, способной решить проблему обеспечения населения продовольствием.

Высокотехнологичный город в фантастике:

Уильям Гибсон, трилогия «Муравейник», фильм «Пятый элемент», мультсериал «Футурама»

Клипное мышление – особенность восприятия, при котором человек усваивает только короткие сообщения, поступающие через небольшие яркие образы, и не способен долго концентрироваться на информации.

Высокотехнологичный город

Чтобы представить этот сценарий, возьмите Дубай, Гонконг или Сингапур и добавьте больше небоскребов, отведите часть из них под вертикальные фермы, сделайте их выше, еще выше, заполните свободное пространство наземным и воздушным транспортом. Это типичный город будущего образца конца XX века. Социальный статус человека здесь определяется путешествиями и потреблением. Большая часть рабочего времени, досуга, семейной жизни, общения с друзьями проходит на ходу. Для деятельности человека неважно, где он находится. Города наполняются тщательно организованными общественными пространствами: всевозможными антикафе и коворкинг-центрами.

Цифровой город

Эта версия будущего объединяет существующие концепции «умных городов». С массовым использованием 3D-печати на территорию города возвращается производство, что полностью преобразует городскую жизнь. Отличительными чертами жизни становятся многочисленные экраны и интерфейсы. Многозадачность и информационная перегруженность приводят к снижению у людей способностей к длительному мыслительному процессу и развитию клипового мышления.

Размываются границы «реального» и «цифрового». Для жителей становятся равнозначными непосредственное человеческое общение, встречи дистанционно управляемых «дублей» и чисто виртуальное взаимодействие. Все

большее число задач берут на себя специальные программы. Место автомобилей как символов социального статуса заменяют смартфоны и другие гаджеты. Появляются «цифровые кочевники» — люди, живущие в собственных передвижных домах, имеющих доступ к общей сети. Для них город — лишь остановка в пути, а не пункт назначения.

Море датчиков, образующих умную инфраструктуру, отслеживает поведение каждого человека. Становится доступной абсолютно любая личная информация.

Город для жизни

Отдельные социальные практики, отличающие данное видение, сейчас успешно внедряют Портленд, Гонконг, Копенгаген, поддерживая развитие общественного и велосипедного транспорта. Это город сниженного энергопотребления, выстроенный на принципах низкоуглеродного общества. Он состоит из связанных между собой самодостаточных районов. Сокращение количества обычных автомобилей здесь сопровождается ростом числа микро- и гибридных машин и велосипедов, в том числе электрических. В пространство города встроены зеленые территории, при этом он остается достаточно компактным. Развитие происходит за счет локальных инноваций, осуществляемых отдельными учеными, общественными объединениями, предпринимателями и аналитическими центрами.

Этот город отличается разумным уровнем жизни, несмотря на то что с точки зрения

Цифровой город в фантастике:

Роджер Желязны, Джейн Линдсколд «Дон-нерджек», Нил Стивенсон «Лавина», Уильям Гибсон, трилогия «Мост»

«Post-carbon city» —

концепция экологически ориентированного городского развития, включающая отказ от ископаемого топлива и переход на альтернативные источники энергии.

Город для жизни в фантастике:

Иван Ефремов
«Туманность Андромеды»

Boston Dynamics – американская компания, специализирующаяся на робототехнике. Среди разработок компании – четвероногий робот BigDog, способный перемещать груз до 154 кг, создававшийся как вспомогательное транспортное средство для передвижения сухопутных войск по труднопроходимой местности.

Город-крепость в фантастике:
Гарри Гаррисон «Неукротимая планета», фильм «Безумный Макс»

обычных экономических показателей большая часть населения может казаться заметно «беднее» жителей мегаполисов. Здесь полностью переосмысливается понятие «успеха», ценностями становятся живое общение и локальные достижения.

Город-крепость

Мир «городов-крепостей» становится своеобразным возвратом в Средневековье. Богатая часть населения отгораживается от бедной, образуя укрепленные анклавы. При этом внешние территории превращаются в опасные дикие зоны. Можно ожидать появления большого числа инвазионных видов, в том числе травоядных и хищных животных, которые начнут заново заселять заброшенные городские пространства, превращая их в «городские джунгли». Сюда хорошо вписываются современные разработки компании Boston Dynamics – четвероногие роботы для перевозки людей за пределами города-крепости. Путешествия на длинные расстояния в таком мире рискованны и возможны только в случае, если люди или машины хорошо вооружены.

В этом варварском будущем нехватка нефти, газа и воды и периодические войны подрывают производство, энергетику, коммуникации и объекты инфраструктуры. Существенно ухудшается состояние окружающей среды. В итоге уровень жизни становится низким даже внутри городов-крепостей. Предвестником воплощения этого сценария называют судьбу промышленного города Детройта, США.

КУРСОР

С 9 по 12 апреля в подмосковном пансионате «Лесные дали» прошла 15-я Международная литературная конференция по вопросам фантастики «РОСКОН». Почетными гостями стали А. Громов, О. Дивов, В. Звягинцев, Р. Злотников, Е. Лукин, С. Лукьяненко, В. Панов, Н. Перумов. На конференции прошло более сорока профильных мероприятий — от семинаров, мастер-классов и круглых столов до кинопоказов и концертов. Фантаст и физик С. Слюсаренко выступил с докладом «Телепорт в моем багаже». Критик и музыкант Е. Харитонов научил создавать электронную музыку на бытовом компьютере. Продюсер А. Столетов привез подборку фантастических мультфильмов от фестиваля Libelula. А. Громов представил фильм «Вычислитель», снятый по его одноименной

повести. Вручались и традиционные премии. В номинации «Роман»: 1-е место завоевал Д. Казаков за роман «Черное знамя»; в номинации «Повесть, рассказ» — Е. Лукин за «Грехи наши тяжкие». Номинация «Критика, публицистика» в этом году была переименована в Мемориальную премию им. Александра Ройфе. Ее получил Г. Елисеев за книгу «Эдгар Аллан По. Поэт кошмара и ужаса». В номинации «Межавторский проект» лучшим был признан роман С. Лукьяненко «Застава». «Большой РОСКОН» за вклад в фантастику был вручен главному редактору журнала «Если» 1991–2012 годов А. Шалганову.

Второй год «РОСКОН» разделен на две площадки — профессиональную и развлекательную: параллельно «загородному» фестивалю фантастики

11 и 12 апреля в Москве в «Форум холле» проходила городская часть. В огромном зале можно было сразиться на мечах, пострелять из лука или ружья, провести физический эксперимент, поиграть в ролевые и настольные фантастические игры... И поучаствовать в маскараде — косплее.

Зал пестрел монстрами, рыцарями, сталкерами, эльфийскими принцессами, персонажами культовых книг и сериалов. По итогам лучшим был признан костюм Angel Envy из игры «Герои меча и магии», на создание которого, по признанию победительницы, ушло полгода.

Канал Syfy

совместно с компанией Стивена Спилберга Amblin TV займется экранизацией классической антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный

новый мир», ставшей вдруг невероятно актуальной. Действие происходит в будущем, когда существует кастовое общество «диктатуры потребления». Сценарий пишет Лесли Бозм. Производство Universal Cable Productions.

С 23 по 26 апреля

в Санкт-Петербурге прошел 37-й Европейский конвент по научной фантастике, фэнтези и литературе ужасов (European Science Fiction Convention) «Еврокон — 2015». Всего в конференции приняло участие около трехсот человек из двух десятков стран. Почетными гостями конвента стали писатели Джо Аберкромби и Майкл Стэкпол. По итогам голосования национальных делегаций был вручен ряд премий. Так, лучшим фантастом Европы 2015 г. стал Чайна Мьевиль, лучшим журналом — болгарский Fantastica Almanac, лучшим переводчиком — россиянка

Екатерина Доброхотова-Майкова. Почетнейшее звание European Grand Master досталось Евгению Лукину. Впервые был представлен читателям первый номер обновленного журнала «Если». Напомним, «Если» полтора де-

Еще один классический НФ-роман готовятся экранизировать за океаном. История попыток экранизаций книги Джо Холдемана «Бесконечная война» началась с момента выхода романа в 1974 г. Неоднократно приобретались права, назначались режиссеры, семь лет назад в гонку включился даже знаменитый Ридли Скотт, но... И вот наконец студия Warner Bros. объявила, что проект состоится — уже без Скотта, но с Ченнингом Татумом в главной роли. Сценарий поручен Джону Спэйтсу.

сятиялетия назад первым из российских журналов был удостоен звания «Лучший журнал Европы».

Евгений Лукин

Прошка с большой буквы

Глава 1, в которой рассказывается о том, чем грядущики отличаются от грядущечников и каким образом Прошок стал старостой класса

— Ой! — Мамка вскочила, едва не скинув со стола клавиатуру, и кинулась на кухню, откуда давно уже тянуло чем-то палёным. — А ты чего сидишь молчишь? — досталось и мне мимоходом. — Нюх отшибло?

— У меня насморк, — буркнул я.

Отложил мамкин планшет, встал, подошёл к монитору, поглядел, что пишут. Имею право: компьютер — мой, аккаунт — мой. И с кем же это она тут сцепилась? Ага... С каким-то Будильником.

Будильник: С точки зрения будущего Вы давно мертвы.

Прошка: А Вы с точки зрения настоящего даже и не жили.

Будильник: С кем же Вы тогда сейчас спорите? С воображением со своим?

Прошка: Такое вот у меня больное воображение.

Будильник: А другого у Вас и быть не может.

Прошка: О как! Опускаетесь до неприкрытого хамства? Хотя чего ещё ждать от грядущики!

Будильник: Уважаемый Прошка, не выкручивайтесь. Вы спорите со мной. Стало быть, я существую.

Прошка: Не факт.

Будильник: А что?

(минутная пауза)

Будильник: Вы озадачены?

Ну да, озадачена! Просто на этом самом месте мамка почувяла гарь и кинулась к плите. Запах палёного усилился, в кухне громыхало, оглушительно шипело, временами слышались ругачки. Ох, вернётся — выпишет чертей этому самому Будильнику.

Кстати, по-моему, никакой он не грядущка — так, грядущечник. Да и мамка, ясен хрон, не Прошка. Прошка — это я.

В кухне грохнуло напоследок, и мамка ворвалась в комнату. На щеке сажа, в руке тряпка. Кинула тряпку на пол и, смахнув меня с дороги, плюхнулась на стул перед монитором. Затрещали клавиши. Я заглянул через мамкино плечо, прочёл:

Прошка: Да ты не только грядущка, ты ещё и дегенерат клинический!

— Мам, — позвал я. — Можно я пойду погуляю?

В ответ — досадливое мычание и треск клавиатуры.

Значит, можно.

Странно, я ведь застал времена, когда грядущкой называлась спинка кровати. Теперь так не говорят: спинка и только спинка. Чтобы мебель не обижать.

Было мне тогда года четыре. Помню, посадил меня папка на плечи и понёс на митинг. Сижу выше всех — весело, страшно. Толпа, плакаты, динамики ухают. Вокруг огромные взрослые головы — как разинут пасти, как гаркнут: «Смерть грядущкам!»

Думаю: на чём же я теперь спать буду? Прямо на пол матрасик положат? А что, думаю, прикольно...

Вернулись домой — первым делом полировку на обеих своих грядущках гвоздиком исцарапал. Отругали, даже в угол поставили. Спрашивают: рехнулся ты, что ли? Стою в слезах, растерянный, испуганный, и трясущимися губёнками лепечу: «Смерть грядущкам...»

Рассмеялись, простили. «Дурачок, — говорят, — ничего ты не понял. Дяденьку из будущего поймали. Он к нам на машине времени проник. А они там, в будущем, плохие. Они нас работать на себя заставляют, чтобы им лучше жилось...»

А мамка ещё пошутила: «Не зря мы тебя, выходит, Проходом назвали...»

По-моему, зря. В школе мне из-за этого оценки по поведению то и дело снижали. Окликнет кто-нибудь: «Эй, Прошка!» Я в ответ: «Что, Грядущка?» Тот: «Ты кого грядущкой назвал?!» Ну и драка...

Наконец, учительке это надоело, оставила нас после уроков — всем влетело, и мне тоже.

«Как ты смеешь, — кричит, — стесняться своего имени? В нём отзвук нашего славного прошлого! И вы тоже хороши! Вы с кем ряды смыкаете? Сами-то вы кто? Тоже прошки! Все мы прошки! Только он с большой буквы пишется, а мы с маленькой...»

Призадумались, зауважали. Да и сам я себя зауважал. Тем более, выбрали меня после этого старостой класса — за то, что с большой буквы пишу.

Хорошие были времена: учиться некогда, каждый день что-то новенькое. Будущее время глагола отменить хотели. Я уже и страничку из учебника вырвал, а они взяли и раздумали.

Самих грядущек я ни разу не видел — разве что по телевизору, когда машину времени подобьют, а пилота захватят. Вроде человек как человек, только лицо на экране размыто, но так нарочно делают, для секретности. Зато грядущечников развелось столько, что их уже и ловить перестали. А раньше, когда я ещё в школу не ходил, ловили и сдавали в участок. Помню, вели од-

ного такого — рвётся, настоящерами обзывается. А потом ещё и песню запел: «Завтра будет лучше, чем вчера...»

Грядущка — это который из будущего. А грядущечник — он из настоящего, как мы с вами, но предатель. Оказалось, бывший наш Президент — и тот грядущечник. Выступал по телевизору — прокололся: «Да, — говорит, — трудностей много, но мы обязаны их преодолеть ради того, чтобы потомки наши жили счастливо...»

Тут же разоблачили, сделали козлу импичмент, судить хотели, только он в Америку сбежал. Америка-то будущему с потрохами продалась — весь Сенат завербованный.

Десанта ждали, армию на уши поставили — так и не дождались. Струсили, видать, грядущки. У них там и машины времени, и нанотехнологии покруче... Зато мы духом сильнее!

Тогда они другое придумали: влезли в социальные сети — и давай нас оттуда чернить почём зря. То ли, не знаю, к Интернету можно прямо из будущего подключаться, то ли это они грядущечников подговорили, но всё равно обидно. Отечество наше вчерашкой прозвали — ничего себе? Чуть социальные сети из-за них не запретили. Хотя как их запретить? Ну и стали у нас говорить наоборот: дескать, мировая паутина — главное наше идеологическое оружие.

**Дружно выйдем в Интернет,
Скажем будущему: «Нет!»**

Классно я устроился. Играю себе в «Смергр-2» на мамкином планшете, а «будущемунет» за меня мамка говорит — с моего аккаунта. Увлеклась, хозяйство забросила — сидит целыми днями перед монитором по клавишам стрекочет и только шипит от злости. А в школе думают, будто это я такой примерный.

Ну так ведь староста класса! И с большой буквы пишушь.

* * *

Во дворе никого из наших не было. Только в песочнице копошились три карапуза под присмотром двух бабушек на скамейке.

— Да просто сволочи! — возмущалась одна. — За что они нас так ненавидят? Что мы им сделали?

— Я вам больше скажу, Марья Гавриловна, — подхватывала другая. — Чиновники-то наши...

— Воруют?

— Да если бы просто воровали! Президент вчера по телевизору прямо сказал: в будущее смотрят — потому и воруют!

— На чёрный день запасаются...

— Да уж... — Пригорюнилась. — Нам с вами, Марья Гавриловна, и до чёрных деньков не дожить! Сами смотрите: у нас отнимают, а в промышленность вкладывают...

— Нет, но... промышленность-то тоже нужна...

— А кому она потом достанется, промышленность эта? Нам, что ли? Грядущкам и достанется... У, чтоб им там всем провалиться в этом их будущем!

Пришлось поздороваться. А куда денешься — я ж староста, на меня другие равняются.

Отошёл подальше. При виде меня карапузы прикинулись испуганными и спрятались за борт песочницы.

— Гьядуська!.. — в радостном ужасе завопил один.

— Сам ты грядущка! — буркнул я — и остановился.

Вот, хрон сушёный, и спрятаться некуда! Через двор на встречу мне шла Улька Глотова, моя заместительница. Жаба очкастая. Третий год мечтает меня из старост скинуть и самой старостой стать.

И ведь скинула почти. Дома у нас раздрай случился. Нет, ругачек и раньше хватало, но всё из-за денег. А тут однажды мамка чего-то такое купила, а папка возьми да и скажи: «Ты бы хоть о завтрашнем дне подумала!» Ну та и взвилась: «Тоже в гряду-

шечники подался?» А он ей: «Да уж лучше грядущее, чем такое настоящее!»

Ну и началось. Что ни день — скандал. Чуть он о тратах заикнётся, она тут же на хронополитику переводит. И как-то незаметно заделался наш папка взаправду грядущешником.

— Всё равно ведь придёт и наступит! — кричит.

— Не наступит! Не позволим! Как жили, так и будем жить!

Вон и в гимне поётся: на все времена!

— Прошлячка!

— Будило Господне!

Развелись, короче. А Улька пронохала, что папка грядущешник, шум подняла. На собрании меня разбирали. А мне что? Ну скинут из старост — подумаешь, беда! Самому уже надоело...

Не скинули. Опять училка всё наизнанку вывернула. Полчаса за душу брала.

— Распад, я бы даже сказала разлом, между настоящим и будущим, — щебечет, — прошёл через всё наше общество. Вот он расколол семью Прохора. Это трагедия, ребята. И Прохор с честью выдержал это испытание, оставшись с мамой, а не с папой...

Как будто меня кто спрашивал, с кем я останусь!

Нет, папку, конечно, жалко. Захожу к нему иногда тайком от мамки. Живёт в хрущёвке на окраине, пенсию получает по инвалидности, ждёт, когда дом под слом назначат. Лежит целыми днями на раскладушке, бормотуху из картонок пьёт. На водку не хватает.

Увидит меня — приподнимется на локте, пальцем погрозит.

— Имей, сынок, в виду: твой отец — мужчина с критическим складом ума. Потому и страдает...

Потом ещё подначивать примется:

— Ну что, староста класса? Вот уничтожите вы будущее, а сами потом куда, если некуда?

— А они первые начали! — огрызаюсь. — Мы ж к ним не лезем!

— Да я думаю! — усмехается. — Нам машину времени соорудить — ума не хватит...

— Вот видишь! — говорю. — Значит, это они нас хотят уничтожить, а не мы их!

— А им-то какой смысл нас уничтожать? Они ж так и самих себя, получается, уничтожат...

— Значит, завоевать хотят!

— Так будущее нас в любом случае завоюет! Рано или поздно. Безо всякой машины времени...

Ну, тут я уже даже и не знаю, что ему отвечать.

— Вот! — удовлетворённо говорит папка. — Так что запомни, сынок: отец твой — мужчина с критическим складом ума...

И так, пока не отрубится.

Глава 2, в которой Прохор ломает голову над отчётом, а Петька Безотечества бессовестно врёт малышне о патруле и протоплазме

— Почему я всё должна за тебя делать? — злобно сказала Улька. — Кто староста класса, ты или я?

— А что ты за меня делаешь?

— Всё!

— Ну например?

— Я в сентябре уже три мероприятия провела! А ты сколько?

— Не помню, — соврал я. — Дома у меня всё записано.

— Ничего у тебя не записано! Нам отчитываться послезавтра! Только и знаешь, что с Петькой своим Безотечества корешиться!

— Я его перевоспитываю.

— Ты?! Перевоспитываешь?! А ты знаешь вообще, что Петечка твой Безотечества сегодня натворил?

— Что он натворил?

— То и натворил! «Гостью из будущего» скачал!

«Подумаешь!» — чуть было не ляпнул я. Сам-то я «Гостью из будущего» полгода назад скачал. Прикольный фильм. Во всех киношках грядущи — уроды, а там — няшка.

— Откуда знаешь? Компьютер ему взломала?

— Он её на уроке смотрел! С планшета!

— А до тебя только сейчас дошло?

— Так я ж не знала, что это за фильм!

— Врага надо знать в лицо, — важно промолвил я, и жаба очкастая даже и не нашлась, что ответить. Зато я нашёл, что спросить:

— А кто тебе сказал, что это «Гостья из будущего» была?

— Фроська сказала!

— А она откуда знает? Тоже скачала?

Тут заместительница моя обмерла. Фроська-то — подружка её.

— Значит, — говорю, — двоих будем на собрании разбирать!

Не стал я ждать, пока она проморгается, и пошёл себе к выходу на улицу имени журнала «Наш современник».

А с Петьки теперь должок.

В Петькином дворе была такая же тоска, как и в моём, разве что карапузов в песочнице насчитывалось на одного меньше, а вместо двух бабушек на скамеечке сидели две мамы. И плакат на доме другой: у нас — «Сохраним и приумножим наше прошлое!», а у них — «Минуя грядущее — к счастью!»

— Врут! Всё врут! — восклицала одна из мам. — Ничего у нас нет своего! Ничего не можем! Гаджеты...

— Что гаджеты?

— Гаджеты у нас откуда?

— Из-за границы.

— А за границей они откуда?

- Н-ну... там их, наверное, и делают, за границей...
- Собирают их там, а не делают! А сами детали им из будущего гонят хроноконтейнерами...

Грядущечницы, однако.

Повернулся я и побрёл прямиком на спортплощадку. Там народу было побольше: по кольцевой дорожке вокруг стадиона култыхала необъятная тётенька в голубеньком трико — думала, что бежит. Три старшеклассника сидели на брусках, смотрели, как четвёртый из последних сил подтягивается на перекладине. А на лавочках возле стенда гражданской хронообороны собралась целая толпа, человек десять, — и все, разинув рты, слушали, что им плетёт мой дружок Петька Безотечества.

Всё-таки многое зависит от того, как тебя зовут. Я вот Прощка — и староста класса. А у Петьки такая фамилия, что с ней только в грядущечники. Он её, если не врёт, от какого-то своего прапрапра... от пращура, в общем, унаследовал. Пращур за какую-то чепуху на каторге сидел, а имя скрывал, чтобы за что посерьёзнее не влететь.

Безотечества! Ну и чем не Грядушка с большой буквы? Отечество — оно ж всегда в настоящем. Учителка нам, помню, на классном часе втюхивала: «Родина, — говорит, — это то, что сейчас. Если раньше, то это Советский Союз, а он уже не Родина. А если позже, то там и вовсе бог знает что...»

Ох и дрались мы с Петькой сначала из-за прошек-грядущек! Обоих из школы выгонять хотели. До того додрались, что к шестому классу взяли и подружились.

Уголок гражданской хронообороны — действительно уголок. Правый передний уголок школьного двора. Пять лавочек и два щита с плакатами: всякие там призывы к бдительности, инструкции, что делать, если вдруг машина времени нарисуетя. Куда бежать, кому звонить...

Подошёл, тоже стал слушать.

— Вот когда я вроде вас в четвёртом классе учился, — снисходительно сказывал Петька, — нас с уроков то и дело снимали — в хронопатруль. Грядушки тогда вторжение готовили...

Врёт, конечно. В патруль брали одних старшеклассников, и то не всех, а только спортсменов — они нам потом сами рассказывали. А может, тоже врал.

— Оружие давали? — с трепетом спросил белобрысый малец, а глазёнки у самого чуть не выпрыгивают.

Петька задумался, но лишь на секунду.

— Давали, — решительно сказал он. — Как без оружия?

— Автоматы?

— Не-ет... — Петька Безотечества пренебрежительно поморщился. — Из автомата грядушку не уложишь. У них это... — Он провёл ладонями по пузу сверху вниз. — У них такой... энергожилет... Выстрелишь в него, пуля отскочит — и в тебя...

— Вау... — потрясённо выдохнул кто-то.

— Во-от... Давали нам такую секретную штуку... протоплазмой стреляет. Бац — и нету защитного поля, бери его голыми руками! Ты понял?

Ну насчёт протоплазмы Петька, по-моему, того... загнул. Плазмой, наверное, хотел сказать... Но ничего, проглотили.

— А как... голыми руками? Они ж здоровые...

— Кто? Грядушки? — Петька прикинул. — Н-ну... в общем... Да. Здоровые. Но слабые. У них же там в будущем всё роботы делают, сами-то они пальцем не пошевельнут... Во! — Рассказчик оживился. — А знаешь, на чём их агенты всегда сгорали? — Оглядел открытые рты, круглые глаза и остался доволен увиденным. — Вы вот не знаете, а нас нарочно учили, как их разоблачать...

— У них энергожилеты... — сообразил кто-то.

— У шпиона-то? — Петька взгоготнул. — Они ж не дураки по городу в жилетах шастать! Не, тут у них всё тик в тик... Тут другое. Остановится перед дверью и стоит пень пнём, ждёт по привычке, когда сама откроется. Как увидишь такого, сра-

зу взрослых зови. А если хочешь совсем разоблачить, подойди к нему и спроси чего-нибудь...

— А чего спросить?

— А чего хочешь. «Дяденька, дай закурить!» Если заикой прикинется — точно, считай, грядущка!

— А почему... заикой?

— А у них никто наших слов выговорить не может. Дебилы... Вот у нас в азбуке сколько букв?

Всполошились, заморгали, вспоминая. Так и не вспомнили.

— Вот! — ликующе заключил Петька Безотечества. — А у них — только одиннадцать знаков, и все смайлики!

— А как же они?..

— А вот так! И ещё хотят алфавит совсем до восьми смайликов сократить, а то детишкам, говорят, в школе учиться трудно.

Облизнули губёшки, переглянулись. Я так понимаю, что всем захотелось в будущее. Ну тут Петьку вообще понесло — не удержишь.

— Вот, допустим, стоят разговаривают два... — вдохновенно завёл он. — Или две... Там их фиг различишь: пацан, девчонка... Ну неважно... Стоят, короче, разговаривают. «Чухчух?» — спрашивает. А тот... или та... в ответ: «Чухчухнах! Библия!»

— А что это?

— Не понял, что ли? Одна грядущка на поезде поехать предлагает. А вторая говорит: «Не надо на поезде, лучше на автомобиле...»

— А где это они так... разговаривают?

Опомнился Петька. А и впрямь: где? Если у нас, то это они себя так в два счёта разоблачат. А если у них в будущем, то как туда попал Петька Безотечества?

— А! — сказал он наконец. — Так я к чему веду-то?.. Послали, короче, нас в хронопатруль...

Тут он заметил меня. Оба смутились.

— А чего? — чуть ли не оправдываясь, сказал я. — Так оно и было. Нас вот и послали на пару с ним... Идём... с протоплазмерами...

Ребятня жаждающе повернулась ко мне. Петька, весь пунцовый, крикнул, встал.

— В другой раз доскажу... — буркнул он, отряхивая задницу.

— У-у... — обиженно взвыли в ответ.

Мы с Петькой двинулись к воротам. Кто-то (кажется, всё тот же белобрысенький) проговорил с гордостью:

— В моём подъезде живёт...

— Ну ты что ж творишь? — прошипел я, когда мы отошли подальше. — «Гостью из будущего» на уроке смотреть! Дома, что ли, не посмотрелся? Вот отберёт учителька планшет...

— А он всё равно не мой, — шмыгнув носом, успокоил Петька. — Я его у Авдея взял...

Ага, думаю, совсем пролетела Уленька. В крайнем случае свалим на Авдея — его не жалко.

— Погоди! У Авдея же другой планшет!

— Другой... — подтвердил Петька. — А этот он у кого-то во дворе отобрал.

Я аж пальцами прищёлкнул.

— Во! — говорю. — Точно! Мероприятие, да?.. Ну будет ей мероприятие...

— Кому?

— Да есть тут одна... Знаешь, что ты сделал? Ты грядущенника разоблачил!

— Кого? Авдея?

— Ну! Ты ж у него почему планшет отобрал? Потому что там вражеская идеология была! «Гостья из будущего»! Пропаганда, прикинь! Собираем завтра собрание: ему — выговор, тебе — благодарность...

— Слышь! — ошетинился Петька. — Ты чего, стукача из меня сделать хочешь?

Ой, думаю, чего это я вправду... Аж стыдно стало. Покряхтел, оглянулся зачем-то на уголок гражданской хронообороны. Мелюзги на скамеечках поприбавилось, а перед ними припля-

сывал и размахивал руками белобрысенький. Петькину историю, видеть, пересказывал. А может, свою уже придумал.

— Тогда так, — сказал я. — Давай запишу, что ты сейчас хронопатриотическую беседу провёл с младшими классами.

— Кто? Я? — Петька прибалдел.

— А что, нет?

— Да ну... — забоялся он. — Смеяться будет...

— Так это ж для отчёта! — не отставал я. — Нам с Улькой отчитываться послезавтра, а у меня ни одного мероприятия! Пойду сейчас спрошу, из какого они класса... Хорош малодушничать! Друг ты мне или нет?

Петька помялся, потом махнул рукой и сказал, что ладно.

— А вот насчёт смайликов там... чухчухов разных... — спросил я. — Сам придумал?

Дружок мой обиделся.

— Ага, сам! — огрызнулся он. — Ничего не сам! Ветеран один в магазин попросил сбегать...

— Что ещё за ветеран?

— Настоящий ветеран, из хроноразведки... Тут рядом живёт... Так вот его внедряли туда, прикинь! Давай лучше к нему сходим, расспросим... А ты себе мероприятие запишешь.

Возле сваренных из прутка школьных ворот приткнулась тачка, на багажнике которой было нацарапано «Будущее ждёт тебя».

Вконец обнаглели грядущечники.

Глава 3, в которой ветеран хроноразведки рассказывает о том, как он был внедрён в будущее, а Прохор с Петром проверяют осенние паутинки на предмет шпионажа

Увидев ободранную входную дверь, я даже моргнул пару раз. Напомнила мне она кое-что. Кнопка — и та была точно такая же и тоже, наверное, сломанная, потому что Петька не позвонил,

а постучал. Подождал полминуты и постучал снова. За дверью закричали, завозились.

— Кто? — спросили сильным баском.

— Да я это, Мундыч. С другом вот пришёл...

— А кто это — я?

— Да Петька! Безотечества...

За дверью хмыкнули.

— Ну, если без отечества...

Дверь открылась. На пороге стоял небритый дядечка в отвислых трениках и майке-алкоголичке. Точь-в-точь папка мой, только морда другая.

— Пива принёс?

Петька полез в сумку и вынул оттуда пластиковую полторашку.

— Ну заходи тогда...

Прошли мы в комнату, и я опять растерялся — так она была на папкину похожа: раскладушка, бутылки в углу... Ничего себе ветерана Петечка откопал!

— Как ты его зовёшь? — шёпотом переспросил я.

— Мундыч, — тоже шёпотом ответил Петька.

— Почему Мундыч?

— Н-ну... сначала Эдмундычем дразнили, а потом уж Мундычем — для краткости... А вообще-то он Феликсович.

Ничего не понял.

Мундыч тем временем растянулся на раскладушке, свинтил крышечку, пива в стакан плеснул.

— Ну что, молодое поколение? — осведомился он между глотками. — О чём рассказать?

— Как тебя в будущее внедряли... — попросил Петька.

Начал Мундыч не сразу — сделал задумчивое лицо, помолчал.

— Ну что? — хриловато заговорил он. — Никто меня, конечно, туда не внедрял. Просто лет пять назад оттепель была...

хронополитическая... Короткая, правда, но оттепель. Нам будущее любить разрешили, им — прошлое. Первыми, понятно, они спохватились: дотумкали, значит, будуары хроновы, что, чем больше они нам вреда причинят, тем самим же хуже и станет. А там и до нас помаленьку доходить стало...

Я сидел тихо, только табуретка подо мной поскрипывала.

— А у меня диплом на носу, — продолжал Мундыч. — Вы что ж, думали, я тут всю жизнь на раскладушке провалялся? Не-е...

— А вы где учились? — отважился я задать первый вопрос.

— Вот те хрон! — взгоготнул он. — В высшей следственной, понятно, где ж ещё? Хроноразведки тогда ещё не было. Ну так вот... Вызывают меня к ректору, говорят: диплом подождёт, реслили тебя на стажировку послать...

— К грядущкам? — с трепетом перебил Петька.

— Ну! Первого! Первого, прикинь! До меня ещё к ним никого не посылали... Ну я, понятно, спрашиваю: почему меня? И что оказалось...

Пиво в стакане кончилось. Мундыч взял с пола пластиковую баклажку и принялся наливать — долго-долго. Мы с Петькой аж извелись, пока он наливал. И пил нарочно медленно. Наконец утёр щетину вокруг рта, продолжил:

— Оказалось, в дипломной работе дело. Тема, оказалось, подходящая — устремлённая, так сказать, в перспективу: детская преступность. Дети, как это раньше говорилось, наше будущее... Жаргоны опять же изучал дошкольные, стало быть, и с языком проблем не возникнет...

— И не возникло?

— Не-ет... Да и у вас бы не возникло. Там язык-то... А тебя как зовут?

— Прошка, — сказал я.

— Староста класса, — уважительно добавил Петька.

— Так вот запомни, Прошка. В будущем язык вообще не нужен. Я тебе больше, Прошка, скажу: выкнешь там что-нибудь

вслух — запросто могут привлечь за оскорбление чувств окружающих...

— Как это? — не понял я.

— А так! Ты ж вроде малец сообразительный. Вот и прикинь: с каждым годом приличных слов у нас становится всё меньше и меньше. Чего далеко за примером бегать? Возьми хотя бы слово «голубой». Раньше оно оттенок означало, а теперь что означает? А?! Вот то-то же... И дошли они, значит, у себя в будущем до жизни такой, что все слова стали неприличными. Все!

— А как же они между собой говорят?

— А никак! Картинки друг другу показывают, сюжеты, смайлики...

— И всю дорогу молчат?!

Ослабился Мундыч.

— Ага! Молчат... Мы, что ли, никогда не материмся? Ну вот и они так же... Ой, а с заборами... — Мундыч не выдержал — загыкал, даже стакан на пол отставил.

— А что с заборами? — жадно спросил я.

— Знаешь, как они в будущем на заборах пишут, на стенах? Нет? Ну вот слушай. Подойдёт, ткнёт пальчиком... и нарисуетя на заборе клавиатура...

— Как на планшете?

— А у них там любая стенка — планшет. Да что стенка... Ты себе съедобный дисплей представить можешь?

— Нет.

— А я вот ел. Берёшь, скажем, пиццу, тычешь в неё пальчиком...

— И чего?! Клавиатура обозначается? Прямо на пицце?

— Угу.

— Так она ж остынет, пицца, пока ты на ней...

— Остынет, — одобительно подтвердил Мундыч. — А ты её опять разогрей. Опять пальчиком ткни, назначь нужный градус,

нажми Enter, обожди минутку — и приятного аппетита... Так-то вот. — Он с сожалением приподнял баклажку. Пива в ней осталось совсем немного.

— Мы ещё сбегаете, — заверил Петька. — Ты рассказывай давай!

— А что тебя конкретно интересует?

— Ну вот как тебя туда доставили? Машиной времени?

— Не знаю, — признался Мундыч. — Ректор говорит, давай, мол, по коньячку на дорожку... Выпил я — и отрубился. А очухался — уже там... — хмыкнул, качнул головой, будто заново удивляясь своим же воспоминаниям. — Знаешь, что странно показалось? — внезапно спросил он, обращаясь в основном ко мне. — Мошки полно! Столбами ходит, крутится. Кусать не кусает, а лезет повсюду. В глаза, за шиворот... Причём везде: на улице, в помещении... Думаю: что ж они гадость эту не потравят? Охрана природы? И что оказалось... — Мундыч вылил остаток пива в стакан. — Оказалось, никакая это не мошка, а махонькие такие беспилотнички, не больше комарика. Всё видят, всё пишут... — допил, утёрся. — Это ж какой, думаю, кайф, оперативным работникам! Ни наружки никакой не надо, ни свидетелей! Делов-то: скачал все данные — и, считай, дело раскрыто... И что оказалось...

Но мы с Петькой так и не узнали, что там ещё оказалось: глаза Мундыча заволоклись, рот приотворился — и ветеран неожиданно всхрапнул. Первый раз в жизни я видел, чтобы кто-то храпел с открытыми глазами. Потом локоть подломился, стакан стукнул об пол, а сам Мундыч распостёрся на раскладушке и тут уж задал храпака всерьёз. Глаза закрылись.

— Всё, — с сожалением сказал Петька Безотечества и встал с табурета. — Теперь только вечером очухается... Пошли!

— А дверь? — спохватился я. — Что ж мы, уйдём, а дверь открытой оставим?

— Да что у него тут брать!

* * *

Забыл сказать: на улице был сентябрь, летели паутинки. Много паутинок. Поглядел я на них, поглядел — и проснулась во мне бдительность.

— Петък, — говорю, — а помнишь, в июле мошка кончилась, а в августе снова началась? Клубами ходила...

— Ну?

— А кусаться уже не кусалась. Может, это вовсе не мошка была, а?

— А чего?

— Может, это грядущки к нам беспилотничков своих напустили? Подслушивать, подглядывать...

— А потом они куда делись, беспилотнички?

— Н-ну... не знаю... Осень, дождями выбило...

— Так дождей-то ещё не было.

— Или попрятались. Чтобы не разоблачили их... В сентябре-то мошки не бывает...

— Да и фиг с ними, — беззаботно решил Петька. — Пускай на нашу жизнь глядят и завидуют... Лишь бы не кусались!

— Или вот паутинки, — говорю, а самому уже страшновато. — Поди разбери, паутинки это летят или что...

Петька посмотрел, подумал.

— Учителка вроде рассказывала, на паутинках паучки летают, — вспомнил он. — Бегают по ней туда-сюда — и вроде как рулит... вверх-вниз... влево-вправо...

— А вдруг не паучки? Вдруг тоже что-нибудь такое... оттуда...

— А давай поймаем!

Поймали одну, стали на ней паучка искать. Не нашли. То ли спрыгнул, то ли самоликвидировался. А может, обратно в будущее слинял. А что? Грядущки же...

Глава 4, в которой Прохора хвалят за проделанную работу, а Мундыч рассказывает о своих заслугах перед хроноразведкой

Но отчёт у меня получился — я тебе дам! Там и забота о ветеране, и встречи с ветераном... Улька чуть не разревелась от зависти. Мамке спасибо: наострилась на форумах на своих — такого наподсказывала... Всё ты, говорит, Проша, правильно делаешь, только редко очень. Лентяй ты, Проша! Тут даже врать незачем. Просто что бы с тобой ни стряслось — вноси в список мероприятий. Главное — умей оформить. Подрался? Пиши: провёл воспитательную работу с идеологически несознательным элементом. Результат — положительный. Или там отрицательный — если самому досталось...

Ну я примерно так и поступил. Учителка очень довольна была. Особенно её поразило, что мне Петьку Безотечества к общему делу привлечь удалось.

Прочла отчёт, отложила, принялась на меня смотреть. Смотрит и головой качает. А потом говорит, этак задумчиво:

— Может, в тебе педагог дремлет?

Ага, думаю, дремлет! И долго ещё дремать будет.

А Мундыч, конечно, клад. Золотое дно. Мероприятие много-разового использования. Вот только пива на него не напасёшься. Хорошо ещё, что у Петьки сеструха в минимаркете работает, а то ведь спиртные напитки малолеткам снова продавать запретили.

И ещё одно меня смущало.

— Слушай, — говорю Петьке (мы как раз к Мундычу направлялись), — но ведь он же алкаш! Как его из органов не попёрли?

— Почему не попёрли? — обиделся Петька. — Именно что попёрли! Только там всё наоборот было. Сначала попёрли, а потом уже алкашом стал.

— А за что ж его тогда?

— Оттепель кончилась, — объяснил Петька. — Отозвали обратно, начали проверять, перевербованный он или не перевербованный...

«Даже так?» — думаю.

— Ну? И что оказалось?

— Оказалось, всё путём. А Мундыч обиделся, что не доверяют, ну и запил...

— Так, может, он нам по пьянке государственные тайны выдаёт?

Тут и Петька встревожился. Замолчал, задумался.

— Не-е... — уверенно протянул он наконец. — Так бы его давно закрыли. А раз не закрывают, значит можно...

— А вдруг он всё придумывает? — как-то само собой вырвалось у меня.

Петька Безотечества обернулся, уставился. Мне бы спохватиться, а я вот не спохватился. Говорю:

— Вдруг никто его никуда не отправлял? Ни в какое будущее... Ты ж вон сам малышне что гнал... про хронопатруль...

— Ты прикальываешься или как?.. — Дурной признак — голос у Петьки стал квакающим. Обычно после этого прилетала первая плюха.

Я мигом припомнил все наши с Петькой драки в начальных классах и сказал, что прикальываюсь.

Но какие-то, видать, сомнения, я в дружка своего заронил.

— Слышь, — говорит, — Мундыч... А тебя как, просто на стажировку отправляли или ещё для чего?

Улыбнулся ветеран, крышечку с баклажки свинтил. И жизнь налаживается, и вопрос в тему.

— У нас просто ничего не бывает, — подмигнул, выпил. — Я тебе, знаешь, что скажу? После моего отчёта вся наша борьба с грядущками на сто восемьдесят градусов развернулась.

— Это как?

— А так!.. Поначалу-то мы сгоряча хотели их в техническом плане догнать. А потом сообразили, что сами себе хуже делаем. Как ты будущее в техническом плане догонишь? Не догонишь ты его... Вот, допустим, наш машиностроительный...

— Так он же остановлен давно!

— Именно! А иначе в будущем на базе этого завода развернули бы производство машин времени. И пропали мы с вами! Потому-то он и остановлен, завод. А вовсе не потому, что разворовали...

— Но ведь машины времени всё равно делают!

— Делают, — согласился Мундыч. — Но не в таком количестве... — Тут он растроганно вздёрнул брови и поглядел на нас с умилением. — Эх, ребятня... — вымолвил он. — Вот беседуете вы тут со мной, а ведь и сами не знаете, чем вы мне обязаны... — расчувствовался окончательно, чуть слезу не пустил. — Я ж ведь оттуда список их выдающихся учёных привёз... Вернее, не привёз — наизусть заучил...

— И что?

Мундыч аж пивом поперхнулся.

— То есть как — что? — возмущённо переспросил он. — Как — что? Раньше-то, до меня, всех подряд в оборот брали... — Ветеран хроноразведки приподнялся на раскладушке, лицо его стало суровым. — На будущее, сучонок, работаешь? — страшным свистящим шёпотом осведомился он. — В завтрашний день смотришь? Мы те покажем будущее! Увидишь небо в алмазах...

Мне аж не по себе стало. Впрочем, лицо Мундыча тут же смягчилось, и он снова откинулся на плоскую подушку без волочки.

— Вслепую работали, — сокрушённо молвил ветеран. — Вот, скажем, талантлив ты в математике. А вдруг из тебя гений вырастет? Вдруг именно ты эту самую машину времени и придумаешь? Значит, к логопеду тебя, а там и вовсе в интернат для

дефективных... Жутко помыслить, сколько ни в чём не повинных ребятишек туда загремело! — Насупился Мундыч, крикнул. — А тут я со стажировки вернулся... И с той поры — только тех, которые в списочке... Остальных не трогали...

— Но машину-то времени всё равно изобрели!

— Изобрели...— признал ветеран хроноразведки. — А как бы я тебе полный список раздобыл? Кого смог, того запомнил...

И что-то тоскливо нам стало от такого разговора.

— Слушай, ты лучше про стажировку расскажи...

Встрепенулся Мундыч, ожил.

— А стажировка такая...— с удовольствием начал он. — Сидим это мы, скажем, в ихнем полицейском участке, вызова ждём. Если вдруг что серьёзное случится...

— А если несерьёзное?

— Ну, если несерьёзное, беспилотнички и без нас справятся.

— Как?

— Кусаться начинают. Я, покуда к законам ихним не привык, весь в сыпи ходил...

— Ты ж говорил: они не кусаются!

— Н-ну... так это поначалу, пока меня на учёт не поставили...

— Чо? Прямо до крови кусают?

— Да нет... На самом-то деле они даже и не кусаются вовсе — так... током бьют слегка.

Переглянулись мы с Петьюкой — опять про мошку вспомнили.

— Сидим, короче, ждём. Делать, сам понимаешь, нечего. Бывало, соберутся вокруг меня сослуживцы мои, кураторы, просят: «А скажи что-нибудь по-вашему...»

— Ты ж говорил: у них там вслух ничего нельзя...

— Нельзя...— соглашается Мундыч. — Ну так ведь полицейский участок — все свои, никто не стукнет... «Замучитесь пыль

глотать, — говорю с выражением. — А то в сортире замочим!» И сразу лица у всех — мечтательные-мечтательные. Чувствуют, падлы, какую красоту утратили... какой мелодичный язык потеряли...

— А если вызов?

— Ну вот я как раз и хочу про первый свой вызов рассказать, а ты всё перебиваешь... Вякнул сигнал, диодики замигали. Где-то там какая-то улика важная обнаружилась. Прямо на тротуаре валяется. Координаты такие-то и такие-то. Подхватились мы — и на выход...

— На вертолет какой-нибудь? — с завистью предположил Петька.

— Какой вертолет? — презрительно осадил его Мундыч. — Дороги — электромагнитные, штаны — ферромагнитные! И до места преступления — со свистом, по воздуху, как на салазках. Без машины, без ничего...

— Клёво...

— Это когда привыкнешь, клёво! А поначалу, доложу я тебе, Петенька, жуть берёт. Представь: шоссе! Ни разметки на нём, ни светофора... А навстречу впритирку к полотну дурики вроде тебя летят. Абы как! Со свистом! Вмажешься в кого — и всё! И в холодильник...

— Часто сталкиваются? — опасливо спросил я.

— В том-то и штука, что никогда! В штаны-то ещё и лощман встроены.

— У каждого?!

— У каждого. А управляются общим гаишным компьютером. Он-то всех и разводит, понял? Кого надо — притормозит, кого надо — ускорит.

— Ну вас-то, наверно, не тормозили?

— Да я думаю! Пять минут — и всё! И на месте! Прибыли... Урна. Возле урны улика валяется. Окурки. Наш старшой — к нему. Присел на корточки, ткнул пальцем в асфальт... Вернее,

не асфальт, у них там из чего-то другого тротуары делают... Бац — клавиатура!

— На тротуаре?!

— Ну так шоссе и есть общий гаишный компьютер! И тротуар тоже... Обвёл старшой окурком пальцем, запросил экспертизу. И ты не поверишь: выскакивает прямо под ногами и фамилия того, кто улику оставил, и адрес, и портрет, и где сейчас находится, и всё что хочешь... Мы — туда! Брать...

В горле у Мундыча пересохло — пришлось промочить. Промочив, помрачнел, стал головой мотать.

— Но брали его — жестоко, — признался он. — Мордой в тротуар, чуть руки из плеч не вынули... У нас — и то человечнее берут.

— Круто, — оценил Петька. — А за что его так?

— Вот и я тоже не понял, — оживился Мундыч. — Чего ж он такого натворил, думаю. И что оказалось... Вы не поверите! — вскинул глаза и обвёл нас наивным младенческим взором. — За окурочек и взяли, — горестно молвил он и, достав из-под плоской засаленной подушки пачку сигарет, чиркнул зажигалкой.

— Да ну... — не поверил я.

— Две статьи на нём было... — глуховато поведал Мундыч между затылками. — Во-первых, наносил вред своему здоровью, во-вторых, мимо урны бросил...

— Ни фиги себе... — потрясённо выдохнул Петька. — И на сколько его за это закрыли?

— Ни на сколько, — меланхолично отозвался Мундыч, подливая пива в стакан. — Обмерили, взвесили и отпустили...

— А если второй раз на том же поймают?

— Обмерят, взвезят и отпустят... У них только так. А нас они за варваров держат, говорят, что мы преступников мучаем: в тюрьму сажаем. Зато ихние опера при задержании своё навёрстывают. Два ребра тому сломали, чей окурочек... А не наноси вред здоровью!

— Слушай, а чего она кончилась? Оттепель эта...

У Мундыча отвисла губа, глаза остекленели. Я уже решил, что сейчас всхрапнёт, но ветерана хроноразведки так просто не свалишь — крепкий народ.

— Оттепель?..— озадаченно повторил он, словно впервые слыша это слово. — Оттепель... да, кончилась...

Хотел погасить сигарету в старой консервной банке, но не догасил — всхрапнул и прилёг навеки. То есть до вечера.

Глава 5, в которой Прохор пробирается в логово врага

Раньше я удивлялся, почему это на хронополитзанятиях о будущем каждый раз по-другому рассказывают: то у них все грядущки наркоманы с дефектным генофондом, то сплошь терминаторы — из гранатомёта не прошибёшь, то кретины слюнявые, то умные сплошь да коварные. Спросил однажды хроновое нурука, а он меня за это отжиматься заставил. Ну ладно, думаю, лысый, я тебе ещё отомщу.

Отомстил. На уроке хронотактики.

— Допустим, десант из будущего! — говорит. — Налёт машин времени. Я — командир. Вот меня, допустим, убили... Прохор! Твои действия.

Встаю. Рапортую:

- Ползу за знаменем!
- Зачем?
- Похоронить вас с почестями!

Мамку в школу вызывали. Учителка головой качала.

- Эх ты, — говорит. — А ещё староста...

В общем-то сам виноват. Нашёл, кого спрашивать! Мундыча бы спросить, но Мундыч второй день невменяемый — Петьку за ректора принимает.

И ещё одно мне непонятно. Вот дебилы они, азбука из восьми смайликов. А почему ж у них тогда дороги электромагнитные, штаны ферромагнитные, заборы из планшетов?..

Соврал мамке, что мероприятие у нас, а сам отправился к папке. Спросить, правда, тоже ни о чём не получилось — гляжу: что-то странное с папкой. В комнате, правда, как обычно, бардак, зато сам трезвенький, побритенький, при параде — стоит перед зеркалом, охорашивается.

— Вовремя заглянул, — говорит. — В гости пойдём — к интересным людям. А то ты там, наверное, одурел уже вконец среди этих своих рудиментариев...

Ого, думаю, а ведь это он меня к грядущечникам сейчас потащит. Лишь бы никого знакомого там не встретить! Потом вспомнил мамкины советы — и успокоился. Ну грядущечники, ну и что? Во вражеское логово иду, вроде как на разведку. Чтобы знать их, гадов, в лицо! Глядишь, ещё и в отчёт вставлю...

Нет, конечно, с отчётом — это я так, сгоряча. Следующий раз нам с Улькой только через месяц отчитываться.

Вышли мы с папкой со двора, свернули в Антикварный переулок и добрались до бульвара, где на бетонном пьедестале торчит который год раскуроченная прямым попаданием трофейная машина времени. С виду — обыкновенный металллом, только зачем-то в зелёный цвет выкрашенный. Приостановился папка, губы поджал.

— Вот смотри, сынок, — говорит он мне с горечью. — Так мы встречаем будущее.

Ну а что, думаю. Правильно встречаем. Как на уроках хронологии учат.

На бетонном цоколе табличка, на табличке выбито: «Уничтожена такого-то числа такого-то года хронобойщиком та-ким-то».

А вот интересно, как она выглядела, эта самая машина времени, до того как по ней хронобойщик врезал?

Постояли так, постояли, двинулись дальше. Отыскали нужный дом, поднялись на второй этаж. Круто живут интересные люди: огромная квартира — вся в мебели. Люстра в прихо-

жей — как в ресторане. Ну понятно: прошлое-то своё с настоящим будущему продали, футурня безродная, — вот и денежки. А сами почему-то на кухне заседают.

Я папку спрашиваю, почему на кухне. Во-первых, говорит, не на кухне, а в кухне, а во-вторых, традиция такая давняя... Во дают! Нас архонавтами дразнят, а у самих традиции, ещё и давние...

В кухне кресло, а в кресле расплывается бабуся в очках. Суетятся вокруг неё, ликёр в чаёк подливают. Остальные по углам жмутся, на подоконнике. Представил меня папка — вот, говорит, сынок мой, староста класса, между прочим. Ослабилась бабуся, заворчала, зашепелявила:

— Знаем, знаем, чему вас в школах учат! Батюшка, небось, на уроках Закона Божьего только одно и твердит: «Не заботьтесь о дне завтрашнем». А про то, что «чаю жизни будущего века», небось, и не вспомнит даже...

Папка опечалился, руками развёл.

— Мы тут сейчас, — говорит, как бы извиняясь, — перед машиной времени подбитой стояли... смотрели... Какие мы всё-таки варвары!

Та тётенька, что бабусе ликёр в чаёк подливала, чуть бутылку не выронила.

— Мы?! — кричит. — При чём тут мы? Это прошки! Настояшки! Детоубийцы! Вот стреляет он из своего хронотомёта! Он понимает вообще, что, может быть, в правнука своего стреляет? Или во внука даже!

— Не понимает... — со вздохом отвечают ей. — И не поймёт. Все зомбированы...

Ишь, как вывернули! Это получается, подрастёт тот, скажем, белобрисенький, что Петьку Безотечества в школьном дворе раскрыв ротиком слушал, сядет за рычаги боевой машины времени — и-и как нам даст... А что? Я бы и сам не отказался — за рычаги-то... Жалко вот, родился рано...

— Хорошо ещё, что это беспилотник был, — с умным видом вкнул кто-то из-за холодильника. — А то бы и череп потомка на шест водрузили.

— И никакого эдипова комплекса!

— А при чём тут Эдип? Он же не сына, он отца убил...

А, думаю, вон в чём дело... Беспилотник. Да и с беспилотником прикольно: сидишь перед монитором, джойстиком шуруешь, а беспилотник за тебя всем чертей даёт...

А вокруг уже галдят о героических грядушках: дескать, себя не щадят, проникают к нам, бандитам, ради нашего же блага. Оказывается, и не воюют они с нами вовсе, а гуманитарную помощь оказать пытаются. Они, говорят, эти... соционавты... Я тихонько папку спрашиваю: а кто такие соционавты? А он мне так же тихонько в ответ: обществалазы... Всё равно ничего не понял. Но ляпнуть такое на уроке — точно из старост вылетить... Знаем мы эту их гуманитарную помощь — Мундыч мне в прошлый раз всё подробненько растолковал...

Тут я кое-что сообразил. Проникают... То есть всё-таки как-то проникают... Насторожился, начал по-шпионски глазами водить. Да нет, вроде никто из себя ни заику, ни глухонемого не корчит. Значит, все свои, предатели. Хотя сидел там в углу один такой тихий-тихий, но он потом самым громким оказался.

Наконец, бабусе надоело, видать, что про технику одну талдычат, — тоже встряла:

— Наш-то, — пришепётывает, — видный палеолитический деятель что вчера отчинил! Так прямо на весь эфир и объявил: дескать, люди будущего настолько выродились, что даже родным языком не владеют...

— И правильно делают! — брякнули из угла. — Владеть языком — пережиток каменного века!

Примолкли, уставились. А тот, что брякнул, разгорячился, вскочил, руками стал размахивать.

— Великий Свифт! — кричит. — Всё предвидел! Всё! Вспомните путешествие Гулливера на летающий остров Лапуту! Как у него там беседовали истинные учёные? Чем они оперировали? Названиями вещей? Нет! Самими вещами!..

— Этак вещей не напасёшься, — ехидно заметил кто-то с подоконника.

— А-а?.. — злорадно протянул вскочивший. — Громоздко, да? Хлопотно, да? — осёкся, подумал, сел и вроде бы малость успокоился. — Согласен... — с сожалением выдавил он. И тут же снова вспылил: — Но вещи-то всё компактнее, всё легче становятся! Посмотрите на молодёжь! А это ведь, между прочим, будущее наше! Покажет один другому новую фенечку — и всё без слов понятно...

— Тогда уж проще деньги с собой носить, — продолжали подкусывать с подоконника. — Или кредитную карточку. Как ни крути, эквивалент вещей...

— Зря смеётесь! Истинная роль денег нами до сих пор не осознана! Деньги — не только синтез духовного и материального, это ещё и смысловая единица. Скажем, в ресторане, в магазине — да где угодно! Не надо никакого языка — достаточно купюры и жеста...

Огромная бабуся в очках сидела и слушала всё это малость прибалдев. Потом шевельнулась, заморгала, пришла в себя.

— Да-да... — сообразила. — Мир есть текст...

Тот, что в углу, уставился на неё в восторге и снова вскочил.

— И наконец! — взвизгнул он. — При всей своей гениальности, смартфона Свифт не предвидел! Сами подумайте! Зачем вещь, если есть изображение вещи? Уже сейчас мы вполне способны отказаться от бессмысленного сотрясения воздуха словесами...

— Бессмысленного? — опять уязвили с подоконника.

— Да! В большинстве случаев. И сейчас, кстати, именно такой случай... Я имею в виду эти ваши замечания, уважаемый Будильник. Привыкли там у себя на форумах троллить...

Будильник? Так вот он какой, Будильник! Если это, конечно, тот самый... Стал я к нему приглядываться. Дядечка как дядечка, с бородкой. Но языкастый... Всех сажает! С мамкой только моей справиться не может...

— Событие!.. — надрывается тот, из угла. — Событие, изложенное словесно, перестаёт соответствовать самому себе, даже если оно изложено в жанре протокола... А вещь не обманет!

И началось! Гвалт — как на митинге. Места мало, вот-вот залепят кому нечаянно. Одному, кстати, залепили. Удивился, ошупал физию и говорит растерянно:

— Это как-то даже... не дискурсивно...

Не услышали его — шумно было. Я-то думал, грядущечники хотя бы друг с другом мирно живут, а они вон чего...

— Господа бюджетяне! — вопит та тётенька, что поначалу вокруг бабуси увивалась. — Да прекратите же! Что вы тут устроили? Не уподобляйтесь прошкам!..

Мы с папкой сидим помалкиваем. Поставили перед нами чай и ликёр — другим-то не до того. Смотрю, на боку холодильника плакатик прилеплен:

«Будущее может занимать только опасных мечтателей; негодяй же довольствуется тем, что составляет насущную задачу дня!»

Ничего себе, думаю. Это кто ж такое сказанул? Присмотрелся, а там внизу в скобочках: «М.Е. Салтыков-Щедрин».

Тоже, наверное, грядущечник какой-нибудь.

А за папкой я так и не уследил. К чаю он, конечно, не прикоснулся, а ликёр почти весь выпил. Ну всё, думаю, пора вести домой, куда никто не заметил... Не заметили. Даже на то, что мы уходим, внимания не обратили.

Свёл я папку по лестнице, вывел на улицу. Идёт — ноги под ним гуляют, а сам пальцем грозит тротуару.

— Так и запомни... — внушает. — Отец твой — мужчина с критическим складом ума...

Глава 6, в которой Прохор бессовестно врёт малышне, а пришедший в себя Мундыч рассказывает много чего интересного о машинах времени

— ...а в будущее мы попали так. Может, видели: в скверике на окраине подбитая машина времени стоит на пьедестале?.. Ну и вот... Идём это мы с Петькой мимо, и Петька говорит: а что если её починить? Я говорю: как ты её починишь? Вся раскурочена и три слоя краски на ней... А мы подожгём, говорит. Краска вся выгорит, а механизм весь останется...

— Ты ж говорил, что вы её и подбили, — робко напомнил кто-то из малышни.

— Подбили, — сурово подтвердил я. — Из хрономёта. А у нас её потом сразу отобрали, покрасили — и на пьедестал... Ну и вот... Влезли мы с Петькой наверх, облили бензином, подожгли...

— А она всё равно покрашенная, — жалобно сказал тот же голосишко. — Мы там вчера с сестрой были, смотрели...

— По новой потом выкрасили, — отмахнулся я, а в следующий миг увидел Петьку.

Стоит, гад, прислонился плечом к щиту, слушает и ухмыляется. А над ним на стенде два слогана: «Грядущку проворонишь — свою честь уронишь!» и «Прошлое предать — негодяем стать!»

Всё-таки подкараулил он меня.

Один — один.

Отбились кое-как от ребятни, вышли за ворота.

— Слушай, — говорю сердито, а у самого щёки горят. — А сколько у нас вообще в городе этих машин времени? Ну, подбитых...

— Три.

— Откуда знаешь?

— Так на стенде же карта нарисована... Одну в скверике грохнули, другую — у «Плюскамперфекта», а третья — тут рядом, возле салона красоты... Ну этого... «Остановись мгновенье»...

— Может, сходим пойдём?

Сходили. В общем-то, мы уже там бывали, и не раз — и с экскурсией, и просто так... Примерно то же самое, что и в сквере, только обломков поменьше и постамент не бетонный, а гранитной плиткой облицованный. А перед табличкой стоят дяденька и тётенька — приезжие, видать.

— Бож-же! — стонет она. — Масляной-то краской зачем? Ещё и зелёной!

— Чтoб никто починить не смог, — отвечает Петька. А морда у самого — серьёзная-серьёзная. Поглядел на него — чуть плюху не отвесил, честное слово!

— Ну вот видишь? — порывисто поворачивается она к мужу своему, или кто он ей там. — Умеют же люди славу героям воздать! Своим, местным... А почему у нас в Питере ни одной такой машины не поставили? Тоже ведь, наверное, подбивали...

— Ставить некуда, — буркнул он. — Все пьедесталы заняты.

— Так и у нас тут раньше Циолковский стоял, — не выдержал и вмешался я.

— Циолковского-то за что? — ужаснулся он.

— А чтoб в будущее не заглядывал! — огрызнулась она.

Тоже, наверное, разведутся скоро. Как мамка с папкой.

Взяли мы с Петькой в минимаркете полторашку, понесли её Мундычу. Расспросили кое о чём. Он аж глаза на нас вылупил.

— Вы что, — говорит, — вчера, что ли, родились? Да кто ж настоящую машину времени, хотя бы и подбитую, на пьедестал поставит? Настоящую машину, чтoб ты знал, который год в подвалах хроноразведки по винтикам разбирают — и всё без толку... А то, что на постаменте, — так, муляж. Местный скульптор соорудил.

— Один в один?

Усмехается Мундыч:

— Жди! Один в один! А секретность? Вообще ничего похожего... И всё равно воруют. То одну детальку с пьедестала содрут, то другую...

— А как она вообще выглядит, машина времени? Если не поломанная...

— Да кто ж её знает! — сказал Мундыч. — Я ведь в полиции стажировался...

— Ну расскажи что-нибудь!

— Что рассказать?

— Н-ну вот... самое крупное твоё дело там какое было?

Неспешно выцедил стакан, утёр губы, начал:

— Крупное, говоришь? Было и крупное... Техника техникой, а я ведь тогда шустрее беспилотничков оказался... Иду, никого не трогаю...

— Ты ж говорил, там дороги электромагнитные...

— И чего?

— Так зачем идти? Можно же...

— Можно, — не дослушав, кивнул Мундыч. — Поэтому у них, у грядущек, с ногами всегда проблемы. Как у меня сейчас. А тогда я за собой следил. Пешком гулял... Иду, короче, и вдруг выскакивает мне навстречу какое-то чудо в перьях. То есть без перьев, конечно. Голое. И кричит...

— Кричит?

— В том-то и дело. Голый — ладно. Там треть народа телешом расхаживает. А этот ещё и кричит... Непорядок. Оскорбление чувств окружающих... Связался я с участком... Ты понял? Беспилотнички среагировать не успели, а я уже стукнул! И меры принял! Скрутил крикуна, а вскоре и наши подоспели. И что оказалось...

Мы с Петькой давно уже привыкли к тому, что после слов «и что оказалось...» следует долгая пауза. Но на этот раз Мундыч, клянусь, побил все свои рекорды: минуту пробку свинчивал, минуту завинчивал, мордень — загадочная, глаза — полуприкрыты.

— Про умные вещи — слышали?

— А как же! — говорю. — По телеку всё время рекламируют. Умный пылесос, умная стиральная машина...

— Так по сравнению с ихними вещами, — многозначительно изрекает Мундыч, — наши вещи — дебилы клинические. Даже самые продвинутые. А у них — да, у них — и впрямь умные. Помните, я рассказывал про штаны с лоцманом? Вот что-то в этом роде... Или, допустим, выдали мне в участке робу. Смотрю, а она чуть ли не шестьдесят восьмого размера. Я её грядущкам показываю — дескать, что это вы мне такое даёте? А они по плечу похлопывают: надевай, мол, не тушуйся... Надел. Хожу вроде клоуна. Потом к обеду смотрю: а роба-то — ужалась! Сидит как на меня шитая и ещё в движениях помогает! Понял, что творят?

— Ух ты!

— Перчатки выдали нитяные. Я им пытаюсь втолковать, что мне без них удобнее... Зачем они вообще в участке? Чтобы отпечатков не оставить?... А они — ни в какую! Надевай — и всё! Положено. Ну положено — так положено. Надел. Сел за пульт. И ты не поверишь: пальчики сами по кнопкам забегали... Ни фиги ни в чём не смыслию, а пальчики бегают. И не промахнулись ни разу!

— Классно...

— Так вот есть у них там в будущем такая одна проблемка — интеллектуальный диссонанс называется. Это когда шмотки оказываются умнее своего носителя.

— И чо?

— Ну так шмотки-то — они же друг с другом контакчат! Обувь со штанами, штаны с пиджаком... А тут уж и до заговора недалеко! Бунт вещей, прикинь! Столковались, короче, и вытряхнули из себя того дурика... ну, которого я задержал... Вытряхнули — и пошли искать кого поумнее.

— Нашли? — обмирая от любопытства, спросил я.

— Ага! Нашли! — ощерился Мундыч. — Много ты там таких найдёшь! А тут ещё закономерность: чем грядущка слабоумнее,

тем он одеться покруче норовит... — Выпил, подмигнул. — А прикид этот его взбунтовавшийся мы ещё месяц ловили...

— А чего там ловить? — опешил Петька. — Видно же: шмотки — а в них никого...

— Ну как это никого? — лукаво прищурился Мундыч. — Я ж тебе говорю: вещи — ум-ны-е! Заложника взяли...

— Ни фига с-се... — выдохнул Петька. — Это как?

— А так... Проникли в хату ночью, пока он голый спал, наделись на него — и вперёд. А он-то, бедолага, даже на помощь позвать не может — всё у них под контролем... Мало того! Они ему карьеру сделали — в главари мафии вывели! А чего? Одёжка — последнего поколения! Подумаешь там — мафию возглавить... Мы троих крёстных отцов задержали — троих! — пока сообразили, что люди тут вообще ни при чём... что это прикид шkodит...

Мы с Петькой сидим ошалелые, представить пытаемся. Потом Петька с запинкой говорит:

— А вот машины времени... тоже умные?

— Умнее всех! — чуть ли не с гордостью заверяет Мундыч. — Ты думаешь, почему до сих пор ни одну подбить не удалось?

Осёкся, да поздно. Смотрим на него во все глаза. Крякнул Мундыч, взгляд отвёл.

— А, ладно! — говорит. — Только, ребята, никому ни слова... Это я вам нечаянно служебную тайну выдал... Короче, так. Никто никого никогда не подбивал...

— А-а... что же тогда на этих... на пьедесталах?..

— Известно что! — хмуро объясняет Мундыч. — Дали заказ скульптору, съездил он на автомобильное кладбище, набрал обломков, перекурочил, покрасил... Ну и водрузил.

— Зачем?

— Ну вот! — всхотнул Мундыч. — Зачем! А ещё староста класса! Чтобы хронопатриоты глядели и гордились...

Надо же! А я, главное, удивляюсь, почему это у машины времени — и вдруг фордовский бампер, только помятый сильно.

**Глава 7, в которой Мундыча забирают на лечение,
а Прохор с Петром навещают его в госпитале
хроноразведки**

А дня через два забрали нашего Мундыча. «Скорая помощь» приехала — и забрала. Будто бы в наркологию. Только, я думаю, никакая это была не «скорая помощь». Разболтался Мундыч, государственные тайны выдавать начал — вот и упрятали, чтоб язык не распускал.

— Как бы, — говорю, — они и до нас не добрались...

— А чего до нас добираться?

— Ну как... Начнут всех трясти, с кем он контактил, ну и вот...
Задумался Петька.

— Слышь, — говорит, — а вдруг это не наши его? Вдруг грядушки?

Сказал — будто лягушку за шиворот запустил.

— А что?.. — придушено сипит Петька, а сам глаза тарашит. — Чего он там про нас рассекретил? Вот про них он рассекретил — это да! И про беспилотничков, и про дороги электромагнитные... и что дебилы они там все поголовно...

— Так он же не только нам с тобой! Он, как вернулся, обо всём в хроноразведку доложил...

— Ну вот за это его и...

— Почему не сразу?

— Ну... — замялся Петька. — Выжидали...

— Так «скорая помощь» же... — бормочу.

— А то у грядушек в «скорой помощи» своих людей нету! Все завербованные... Пригнали машину времени, подвезли на «скорой» — и туда!

Совсем зябко стало. Потом сообразил, говорю:

— Ты чо? Сейчас бы, знаешь, какой переполох был! В хроноразведке... Ты чо! Бывшего сотрудника грядушки украли! Всех бы свидетелей трясли — и нас тоже...

— Да о нём уже забыли все! — убеждает Петька. — Кому он нужен? Подумаешь, отставник, пенсионер... Только мы одни к нему и ходили! А грядущки — они ж мстительные, сам знаешь...

Поговорили так, поговорили и решили всё это дело проверить. Вдруг он и вправду ни в какой не в больнице, а исчез бесследно!

Пришли навестить, банку пива под мандарины заныкали, а нам в приёмном покое говорят: нету его — был, но перевели в госпиталь. Значит, не грядущки, значит, всё-таки наши его упекли... Поехали в госпиталь, а там сидит этакая тётя Стёпа в белом халате и никого не пускает. Вернее, пускает, но только своих.

Сели на лавочку, съели по мандарину. А вокруг чистота, порядок, аж не по себе становится: кустики пострижены, дорожки выметены, вдоль бордюра — плакатики, вроде как в уголке гражданской хронообороны. На том, что напротив нашей скамейки, грядущечник спящим приворяется. И надпись крупными буквами: «Не всяк спит, кто храпит».

Ну понятно — госпиталь хроноразведки!

И тут подсаживается к нам на лавочку улыбчивый такой кругленький в больничной пижаме — и ласково на нас смотрит. Румяный. Седенький. На колобка похож. Мы уже хотели на всякий случай удрать, а он вдруг интересуется:

— Феликсовича навестить пришли?

Растерялись, кивнули.

— Ты — Пётр Безотечества? — спрашивает.

— Да... — отвечает мой дружок, слегка перетрусив. Обычно ж как? Раз Петром назвали, а не Петей, значит, опять из школы исключать собираются.

А улыбчивый этот — весь в щёчках и ямочках — поворачивается ко мне.

— А ты, стало быть, Прохор... староста класса... Что ж, молодцы, ребята, молодцы! Хорошая смена растёт! Я уж, честно

признаться, думал, Феликсович опять мёртвых душ в отчёт насосвал — чертей хотел ему выписать... А вы, оказывается, и впрямь в природе существуете... Он мне вас как ценных работников охарактеризовал. В частности тебя, Прохор...

— Меня?!

— Ценный, говорит, кадр, — подтвердил он. — Неделю назад внедрён по заданию в тайную ложу грядущечников...

— Это мы с папкой в гости ходили... — пролепетал я.

— Папка? — обрадовался улыбчивый, даже ладошки потёр. — Папка — это здорово, папка — это прикрытие...

Петька вмиг обиделся, наежинился. Ну понятно: вся слава мне, а ему — хрон сушёный...

— Что же касается Петра Безотечества, — видя это, говорит колобок, причём таким голосом, будто правительственную награду вручает, — то в отчёте он особо отмечен как перспективный агент влияния...

Теперь уже и Петька просиял.

— О! И гостинцы принесли... Давай передам! — Взял у нас пакет, заглянул, нахмурился. — А что ж пиво не догадались в бутылочку от чего-нибудь безалкогольного перелить? Тоже мне, юные опера! Учить вас ещё и учить... Значит так, друзья! Феликсович пока прикован к постели, связь с ним держать будете через меня. Спросите в приёмном покое Герундия Петровича, позовут — выйду.

— А что с Мун... то есть с-с... с Феликсовичем? — спрашиваем робко.

— Так, — говорит, — профилактика...

Встал и пошёл. Я ему вслед гляжу и думаю: ничего себе! Значит, я Мундыча в свой отчёт вставляю, а он меня — в свой?

А плакатик, что напротив нашей скамейки, так в глаза и лезет. «Не всяк спит, кто храпит!» Да уж...

— Это он нас завербовал, что ли, получается?

— А чего нас вербовать? Мы и так хронопатриоты!

— Слушай, а ведь этот нас операми назвал...

— Юными...

— А какие ж мы ещё?

Встали, гордые, и подались на выход.

— А вдруг нам задание дадут, а? Настоящее!

— Какое настоящее?

— Ну... к грядущкам забросят...

Замолчали. Представили. Аж дух захватило.

— Да нет... — говорю. — Мы ж ещё в школе учимся...

— Ну! Вот в ихнюю школу и внедрят! Вроде как «Гостья из будущего», только наоборот...

А что, думаю, запросто! Подумаешь, одиннадцать смайликов выучить! Главное, язык за зубами держать и чтобы ни одного слова по-нашему. Ну скажешь разок: «библя»... или там «чухчухнах» — и всё... Зато кайф какой: по электромагнитной дороге на заднице, как с ледяной горки... Даже рулить не надо — шоссе за тебя всё само разрулит...

Потом смотрю, а Петька идёт и лоб морщит.

— Слушай, — говорит, — а что такое агент влияния?

— Фиг его знает, — отвечаю. — Ты вон в Мундыча пиво влиял всю дорогу... ну и вот... Агент влияния.

— Да иди ты! — вскинулся Петька, но вдруг обмер и устался на плакат — крайний, тот, что перед самыми воротами.

Смотрю, а на плакате нарисована машина времени. Настоящая. Не подбитая. Вроде часового механизма, в который кресло и рычаги засобачили. Вот она, значит, какая... А может, и не такая. Может, её для секретности нарочно по-другому нарисовали... С двух сторон на эту самую машину со зловещим видом облокотились двое грядущек. На одном написано «Уэллс», на другом — «Макаревич». Наверное, они её и придумали, потому что на плакате ещё подпись была: «Сон разума рождает чудовищ. Франсиско Хосе де Гойя».

Не знаю, кто такой, но сразу видно, что наш человек.

* * *

Во дворе было всё по-прежнему. Ничего не изменилось: те же три карапуза в песочнице, те же две бабушки на скамеечке.

— И лезут, и лезут!.. — возмущается одна. — Никакой бдительности не хватит!

— А слышали, Марья Гавриловна? — подхватывает другая. — По телевизору передали: ещё один задержан... Глухонемым прикидывался...

Та поджала губы.

— Ну, тут тоже осторожность нужна, — предупредила она. — Вдруг правда глухонемой?

— Так его же глухонемые и разоблачили — акцент выдал!..

Поздоровался, нырнул в подъезд.

Дома тоже всё как обычно: мамка — за монитором, в кухне чайник со свистком надрывается — чисто полицейский. Сходил выключил, вернулся в комнату, заглянул через плечо. Опять, небось, с Будильником тёрки трёт? Нет, на этот раз не с Будильником — с каким-то Элоем-Морлоком...

*Прошка: Да у Вас вон браки с бытовой техникой разрешены!
Уму непостижимо: променять женщину на электронную швабру!*

Элой-Морлок: Смотря что за женщина и что за швабра! Сейчас, я Вам доложу, такие швабры пошли продвинутые...

Плюхнулся на диван, планшет мамкин включать не стал — не до планшета. Подумаешь, «Смергр-2»! Тут, глядишь, скоро самого к грядущкам внедрят... Интересно, в одну мы школу с Петькой попадём или в разные? Хорошо, если в одну... Хотя нет, в одну — не получится. Если в одну, мы там в два счёта себя выдадим: болтать друг с другом начнём, драку затеем...

Опаньки! А имя? Имя-то мне тогда сменить придётся... В будущем — и вдруг Прошка! Дразнить начнут... опять драка...

А ведь у них, наверное, у хроноразведчиков, какое-нибудь тайное совещание в госпитале — потому их туда сразу всех и от-

грузили. А что? Конспирация на высшем уровне... Ишь, к койке он прикован! А сам наверняка начальству о нас докладывает...

Узнать бы: этот кругленький седенький... колобок этот... он только над Мундычем начальник или вообще надо всеми ими? Вот бы надо всеми...

Стоп! А как же они нас туда внедрять будут? Оттепель хронополитическая кончилась, а своих машин времени у нас нету... До сих пор в подвалах хроноразведки по винтикам разбирают — и без толку... Да нет, что это я? Ни одной же не подбили пока...

Глава 8, в которой Прохор и Пётр узнают государственную тайну, причём настолько страшную, что клянутся хранить молчание, пока будущее не наступит

Подошли мы с Петькой к реабилитационному корпусу — и задумался я вдруг: почему реабилитационный? От чего реабилитируют? Ну побывал Мундыч в будущем, вернулся со сдвинутой крышей — так это когда было? Или их каждый год на повторное обследование укладывают? Ладно, думаю, у тёти Стёпы в приёмном покое спрощу. Хотя из неё ведь слова не вытянешь...

Но вместо тёти Стёпы сидела там совсем другая тётенька в белом халате — одна-одинёшенька. Мы ещё не спросили её ни о чём, а она уже затараторила:

— На процедуре ваш Ерундий... Ишь, повадились! Тоже мне, шпионы нашлись! Щаз всё бросят и отправят вас к грядущкам! Ишь, губёнки раскатали! По физиям ведь вижу!

Вот это, думаем, ничего себе! Откуда знает, если мы её раньше не встречали? Может, по словесным портретам угадала?

А она знай себе тарактит:

— Главврач уже сердиться начинает! Весь лечебный процесс, говорит, псу под хвост! Какой это корпус? В школе вас читать учат? Ре-а-били-тации! Так почему же вы пациентам реабилитироваться мешаете?

— Как это мы мешаем? — ошетинился Петька.

— А так! Вышли они в отставку, болезные наши, а куда себя приткнуть — не знают. Вот и норовят по привычке того завербовать, этого разоблачить... Другому-то ничему не обучены! А мы их из такого состояния потихоньку выводим, в нормальную жизнь возвращаем. Так что давайте, давайте отсюда, пока врач не заметил...

Вышли наружу, не знаем, что и сказать. Вот это мы, получается, пролетели... Думали, хроноразведка, а тут, оказывается, дедушек от глюков лечат.

— Понял! — глухо говорит Петька. — Всё понял! Это они для конспирации...

Посмотрели мы друг на друга, прикинули. Может, и для конспирации. Главное-то — что? Главное — врага с толку сбить. Пусть думает, будто чокнутые все тут, безвредные...

И вдруг слышим — вроде суматоха прошла по этажам: зашумели, забегали. Выскакивают из дверей корпуса четыре санитары с вылупленными глазами — и бегом в разные стороны. Один жалобно кричит:

— Да куда он с территории не денется!..

И нырь в заросли!

— Слышь, — говорю, — Петьк! Вроде сбежал кто-то у них... Удирать надо! А то ещё загребут вместо него...

— Думаешь, мы на больных похожи?

— На свидетелей мы похожи!

Перепрыгнули через кусты, ушли в зелёнку. Перебежка-ми от дерева к дереву добрались до изнанки какого-то плаката, присели, прислушались. А вокруг беготня, сучья хрустят, листва шуршит, санитары перекликаются.

— Знаешь, что... — зловеще сипит Петька мне в ухо. — Никакой это не госпиталь. Это тюрьма такая засекреченная. Здесь захваченных грядущек держат. А один взял и сбежал...

— Ага! — говорю. — Грядущек! Мундыч, по-твоему, грядущек? Герундий — грядущек?

— Мундыча сюда для опознания привезли, — упирается Петька. — Шпиона ихнего опознать. Он же после стажировки своей всех грядущек в лицо знает. А Герундий тут за старшего, точно говорю!

Кто-то пробухал ножищами по аллее, остановился напротив плаката, за которым мы прятались, а в следующий миг из-за кромки щита выглянуло беспощадное рыло огромного санитаря.

— В пижаме не видели? — отрывисто спросил он. — Тощий такой, потасканный...

Мы с Петькой съёжились, помотали головами, и сгинул санитар, не тронул.

— Давай к воротам пробираться, — предложил я.

Отлепились мы от щита, начали пробираться к воротам. Почти уже миновали густую плакучую иву с листьями до земли, как вдруг из её нутра послышался сдавленный шёпот:

— Прощка...

Чуть не подпрыгнули, обернулись. Ивовые плети раздвинулись, и увидели мы нашего Мундыча, тощего, потасканного и в пижаме. А глаза — как у маньяка.

— Тише... — шикнул он, видя, что мы уже открыли рты для приветствия. — Пиво с собой?

Петька судорожно сунул руку в сумку и достал металлическую банку.

— Вскрой... — хрипло выдохнул Мундыч.

Сам бы он, пожалуй, не смог — руки тряслись. Припал к банке и не отрывался, пока не осушил. Уронил опустевшую ёмкость, перевёл дух.

— Раньше чего не приходили?

— Как не приходили? Приходили! И пиво приносили...

— Кому отдали?

— Герундию Петровичу...

— Нашли кому!

— А он что, не передал?

— Садюги! — вместо ответа не то пожаловался, не то похвастался беглый Мундыч. — К койке привязали, прикинь! Вот манеру взяли: чуть накроет — к койке привязывать... Слышь, я от них чуть с койкой не ушёл...

Вон, значит, что... Значит, всё-таки его здесь от запоя лечили... Шума вокруг стало поменьше, бегодня и крики сместились в сторону ворот.

— Вот возьму сейчас и выдам! — пригрозил невменяемый Мундыч.

— Что выдашь? — не понял я.

— Всё выдам!

— Кому?

— Вам!

Мы с Петькой переглянулись. Боязно стало. А ну как вправду такое разгласит, что нас после этого тоже под врачебный надзор упрячут!

Поблизости затрещали кусты — и опытный ветеран хроноразведки снова нырнул в листву. Выждал, пока запоздалый преследователь убежит подальше, высунулся, поманил подойти вплотную.

— Значит, так... — лихорадочно зашептал он. — Никакой оттепели не было, и никто меня в будущее не отправлял...

Честно говоря, остались мы с Петькой разочарованы: ждали чего пострашнее.

— А как же... ты же сам рассказывал...

— Это я вам дезинформацию гнал...

— Зачем?

— По долгу службы.

— Всё сам придумал?!

— Ну да, сам! У нас там отдел специальный сидит, будущее сочиняет...

— То есть ты грядущек и не видел даже... — разочарованно тянет Петька.

— Да их никто никогда не видел...

А вот после таких слов мы и впрямь одурели малость.

— Как это никто?! Да я сам по телевизору...

— То-то и оно что по телевизору, — презрительно скривясь, говорит Мундыч. — На то он и телевизор...

— Нет, погоди! Но машины-то времени...

— Нет никаких машин времени. Нет, не было и не будет!

Пропаганда одна...

— Чья?!

— Наша! Чтобы народ от рук не отбивался! Знаешь, как Наполеон говорил? «Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую!» Вот и мы тоже... Кто не хочет сидеть в родной тюрьме, будет сидеть во вражеской! Кто не хочет, чтобы его расстреляли свои, будет расстрелян оккупантами!..

— Нет, но... придумывать-то зачем? За границей вон настоящих врагов полно!

— Так в том-то и штука! С настоящим врагом хлопот не обещешься! А с придуманным как хочешь, так и войой...

— А как же... если нет грядущек... почему тогда заводы остановлены?

— Нормальная коррупция... сами остановились... Надо ж это было как-то оправдать! Ну и вот...

У меня чуть крыша не съехала. Еле на место вернул.

— Слышь! — говорю. — Мундыч! Ну ладно. Грядущек придумали. Но грядущечники-то — есть?

— А как же! — говорит. — Чего-чего, а уж этого добра у нас...

— Откуда ж они тогда взялись?!

— Из воздуха! Сам, что ли, не знаешь, откуда пятая колонна берётся? У тебя вон у самого папка грядущечник... Оттуда и взялись!

Снова зашуршало, захрустело — и Мундыч поспешно нырнул в своё листовное укрытие. Однако было поздно.

— Вот он! — раздался вопль. — Держи его!

На поляну ворвались трое в белых халатах и кинулись к иве. Беглец выскочил, метнулся прочь, но куда там! Два санитаров мигом перехватили его и, обездвигив, повлекли в сторону реабилитационного корпуса. Третий повернулся к нам.

— Говорил о чём-нибудь? — с подозрением спросил он.

— Н-нет... — испуганно отозвался Петька. — Так, бред какой-то нёс... Пиво отобрал...

Тот наклонился и подобрал с травы пустую банку из-под пива. Почему-то вид её убедил санитаров в нашей искренности. Сокрушённо качнул головой и с банкой в руках двинулся вслед за ушедшими.

Не чуя под собой ног, мы достигли ворот и покинули территорию госпиталя. Долго молчали. Вот это да! Вот это он нам выдал... Да такого даже самый злобный вражина придумать бы не смог... Нельзя никому такое придумывать! Если всё будущее сочинили в каком-то там специальном отделе, это не только прошкам — это и грядущечникам хана! За что бороться? От кого моральные ценности защищать? Тоже мне ценности, если их даже защищать не от кого?

— Давай поклянёмся, — предложил я наконец. — Что никому не скажем.

— Чего не скажем?

— Ничего не скажем.

— Давай!

— А на чём?

Петька порылся в кармане и достал какую-то коническую шестерёнку, покрытую зелёной масляной краской. С напыльками.

— Это что?

— Да от машины времени деталька... в прошлый раз с пьедестала спёр...

Я поглядел на него с уважением, а на шестерёнку, пожалуй, что и с завистью. На ней и поклялись.

— Клянёмся... — озабоченно начал Петька. — Ты повторй давай...

— Клянёмся... — глуховато отозвался я.

— ... никому ни слова...

— ... никому ни слова...

— ... на все времена...

— ... пока не вырастем! — вставил я.

Петька не понял.

— Почему? — туповато спросил он.

— Н-ну... вырастем, а там уже и будущее придёт...

*Волгоград — Бакалда
январь — май 2015*

ЛУКИН Евгений Юрьевич

Евгений Лукин родился в 1950 г. в Оренбурге в актерской семье. Окончил филологический факультет Волгоградского пединститута. Фантастическую прозу начал писать в 1975 г. в соавторстве с Любовью Лукиной, их дебют в печати — повесть «Каникулы и фотограф» (1981). В 1980-е годы Любовь и Евгений Лукины прочно завоевали репутацию мастеров короткой фантастической новеллы. Их творчество объединено в сборники «Когда отступают ангелы» (1990), «Пятеро в лодке, не считая Седьмых» (1990), «Шерше ля бабушку» (1993), «Петлистые времена» (1996) и «Сокрушитель» (1997). Но в 1996 г. Любовь Лукина ушла из жизни. Произведения, написанные Е. Лукиным уже без соавтора, оказались не менее удачными. С появлением романа «Разбойничья злая луна» (1997), сюжетно и идейно пересекающегося с известной повестью 1980-х гг. «Миссионеры», Лукин стал активно выступать и в крупной форме. Книги «Катали мы ваше солнце», «Зона справедливости», «Чушь собачья» и другие становились событием в отечественной фантастике. К этому списку необходимо добавить и несколько прекрасных поэтических сборников Лукина. Е. Лукин неоднократный лауреат всех отечественных фантастических премий. В 2015 году на «Евроконе» в Санкт-Петербурге Евгений Лукин получил приз «Гранд-мастер фантастики» — главную европейскую фантастическую награду.

Эндрю Бартон

Пусть мне приснится свобода

— Выбирайте воду, несущую жизнь! Выбирайте Тадеуша Озириса, Истинно Чистого! — кричал подросток, стоя на ржавом подиуме. Он торговал бутылками, не так давно выловленными из Великой Тихоокеанской Помойки. — Насладитесь ее мягким, насыщенным вкусом! Стопроцентная вода, никакой переработанной собачьей мочи! А могут ли наши конкуренты похвастаться тем же? Пейте воду Тадеуша Озириса, обретите истину и свободу — от жажды!

Агент Тэрин Лян спустилась в ту часть Либерталии, куда никогда не заходили туристы. Она изучала людей вокруг — все они давно уже сдались, но в то же время отказывались признать, что их мечтам не суждено сбыться. Шаркая ногами и не поднимая глаз, покрытые пятнами сажи, крови и соли, здешние обитатели слонялись между лачугами, заполонившими палубу «Кувордена», одного из грузовых кораблей, составлявших основу Либерталии.

Солнце скользнуло за борт, и трущобы утонули в сумерках. Для любителей запрещенных технологий такие места — естественная среда, но Тэрин за годы своей службы много раз вытаскивала их на свет божий, в какие бы норы ни забивались преступники.

— Чистые женщины и мужчины на любой вкус! — выкрикивал зазывала перед борделем. Едва ли ему исполнилось больше

шестнадцати: лицо покрывали прыщи, а голос ломался, как на доисторической записи. — Десять рэндов за десять минут, сделайте что пожелаете, на «Корабле Венеры» удовлетворение гарантировано!

В отеле на верхней палубе она переделалась в потертые джинсы и серую майку, вышедшую из моды лет десять назад. Оденясь она как турист, и ей бы шагу ни дали ступить — мошенники и карманники сбежались бы со всего корабля, от носа и до кормы. На «Кувордене» жили около четырех тысяч человек, и оставалось только гадать, сколько времени понадобилось на то, чтобы только что поднявшиеся на борт люди, с горящими глазами, уверенные в своей способности изменить мир, превратились в этих чумазых оборванцев, на долю которых осталась лишь копоть и ржавчина. Они хотели свободы — и свобода их погубила.

— Обменяйте ваши никчемные деньги на чистейшее золото! — несколько человек, стоявших возле менялы, рылись в карманах, пересчитывая залапанную, потускневшую мелочь. — С Валютной Компанией Кросса, вы можете инвестировать в золото, сотворенное первыми звездами, самое чистое во Вселенной, проверенное учеными до последнего кванта! Выбирайте Кросса, выбирайте чистоту!

Дойдя до места, называвшегося на карте перекрестком Рорк-стрит и бульвара Голта, она увидела заваленные мусором коридоры, вдоль которых выстроились уличные торговцы, предлагавшие сигареты, старые мечи и прочий хлам. Медицинский кабинет Квика располагался в самом нижнем из пяти угловых контейнеров, поставленных друг на друга. На дверной ручке висела петля, сделанная из кожаного ремня. Рука сама дернулась к кобуре. Затем Тэрин сделала долгий, глубокий вдох и открыла дверь.

— ...время для этого, — произнес хриплый мужской голос. Затем раздался треск и грохот рассыпавшихся по металлическому полу предметов. Эхо прокатилось по пустой приемной,

в которую вошла Тэрин. — Мистер Кросс — не самый терпеливый человек в мире. Если хочешь и дальше работать здесь, то пора бы решиться, Квик.

— Очевидно, мистер Кросс никогда не охотился на снарков, — сказал Квик. — Ему уже известен мой ответ, и у меня нет причин менять свое решение. Если это все, господа, то хочу заметить, что меня ждут пациенты, а где выход, вы знаете.

Сломалось что-то еще, на этот раз со звоном разлетающихся стеклянных осколков. Тэрин подкралась к двери и вытащила станнер из кобуры. Похоже, ей представился уникальный шанс повлиять на исход дела, и упускать этот шанс она не собиралась. Квик мог сыграть ключевую роль в ее расследовании.

— Кажется, ты не осознаешь серьезности своего положения, — продолжил мужчина. — Мистер Кросс заботится об интересах всей Либерталии. Ты же не хочешь стоять на пути прогресса этого прекрасного города? Или хочешь вернуться в компанию попрошаек? Бобби, покажи ему, почему он не хочет туда возвращаться.

Дверь чуть-чуть приоткрылась, едва пропуская полоску света. Тэрин задержала дыхание и прислушалась. Шаркающие шаги, сухой кашель, вскрик боли. Убедившись, что, кроме говорившего, Квика и молчуна Бобби, внутри никого нет и что никто из них не смотрит на дверь, Тэрин тихо выдохнула и осторожно приоткрыла дверь одним пальцем.

— Думаете, меня встретят с распростертыми объятиями? — спросил Квик. — На большой земле это место не очень-то популярно.

— Вот и еще одна причина, по которой нам стоит держаться вместе, — согласился мужчина. Теперь она видела их обоих — его и подельника, стоявшего к ней спиной. Низкорослые, но крепко сложенные громилы на голову ниже ее самой. Впрочем, рост не будет иметь никакого значения, если они окажутся из тех, кто сперва спускает курок и лишь потом задает вопросы. В таком

месте, как Либерталия, у них наверняка найдется кое-что по-серьезнее висящих у пояса мечей. Тэрин прикусила губу и проскользнула в кабинет.

— Думаю, ему еще многому предстоит научиться, Бобби.

— Похоже, учеба продвигается плохо, — заметила Тэрин. Мужчины стремительно обернулись, руки дернулись к кобурам, но слишком поздно — она уже держала их на мушке. По крайней мере, пока. — Давайте не будем состязаться в скорости реакции. Насколько я вижу, вы уже достаточно потрепали этого бедолагу. Так почему бы вам, джентльмены, не убраться подобру-поздорову и не дать ему вернуться к своим обязанностям?

— Не знаю, что ты о себе возомнила, остроухая, но тебя это никоим боком не касается. У нас тут чисто деловая беседа.

— Теперь касается, — ответила Тэрин. Громилы потихоньку отступали от Квика, который все еще пытался встать с пола. — В этом городе и без того достаточно грязно. Не заставляйте меня прибираться за вами, иначе мне придется выставить счет мистеру Кроссу.

Мужчины обменялись долгими взглядами, в которых просматривалась неуверенность.

— Ладно, Квик, развлекайся со своей генномодифицированной подружкой, но помни — я занятой человек и не люблю тех, кто не вникает с первого раза.

Тэрин отступила в сторону и не спускала глаз со своих собеседников, пока те с гордо поднятыми головами не вышли из офиса. Убедившись, что дверь заперта, она стала проверять кабинет на наличие жучков. С учетом жалкого уровня развития местных технологий едва ли ее детектор мог пропустить их.

— Доктор Квик вы в порядке? — спросила она, пока детектор делал свою работу. Квик открыл аптечку и вытирал кровь, которая все еще шла у него из носа. — Кажется, я видела здесь кошку?

— Кажется, вы видели здесь крысу, — ответил он, приходя в себя. Детектор тем временем закончил проверку и дал знать,

что никто их не слышит. — Благодарю за своевременное спасение. Не ожидал, что на помощь мне придет эльф, агент...

— Тэрин Лян, Международное Бюро Расследований, — представлялась она. — Не расскажете, что тут творится?

— Свободный рынок в действии, — ответил Квик. — Впрочем, на сей раз он мог бы действовать аккуратнее. Мистер Кросс проявляет поразительную настойчивость, пытаюсь заполучить мое предприятие. Если о случившемся узнают мои клиенты, не удивлюсь, если они предпочтут пойти к кому-то другому. Может, в этом и суть. Впрочем, прошу меня извинить... насчет тех сведений, что я вам послал, — не думал, что из этого выйдет толк. Что вы здесь делаете, агент Лян?

— Из достоверных источников нам стало известно, что кто-то на Либерталии занимается запрещенными исследованиями в области когнитивных технологий. Я здесь для того, чтобы проверить правдивость этих сведений и во всем разобраться. Поэтому я пришла к вам.

— Ко мне? — Квик недоуменно моргнул. — Я всего лишь независимый медик... сказать по правде, даже не доктор. И уж точно не ученый. Как я могу вам помочь?

— Вы здесь живете, — ответила Тэрин. — Брошюры и рассказы туристов не заменят вашего опыта. Вы можете ответить на вопросы, которые я даже не догадаюсь задать. Может Либерталия и невелика, но только не для одного человека.

— Так значит, вам нужен гид. Думаю, я смогу вам помочь. А двух тысяч каскадийских долларов в день будет достаточно, чтобы покрыть мои расходы.

— Две тысячи? Не смешите меня. Вам вполне хватит и половины.

— Агент Лян, имейте в виду, что в первую очередь я — врач. Каждую минуту, которую я проведу с вами, помогая распутывать заговоры, я мог бы потратить на своих пациентов. Даже предложив тысячу семьсот долларов, вы меня слишком недооцените.

— Полторы, — предложила Тэрин, извлекая из кармана тонкую пачку банкнот. — Пять сотен наличными, остальное — лекарствами, когда мы закончим.

Квик поскреб подбородок и оглядел свой кабинет — выцветшие постеры, раскрытые коробки с перчатками и бинтами, осколки, все еще лежащие на полу, — осколки того, что приходилось заказывать по всему миру, от Китая до Калифорнии. Либерталия стремилась к самодостаточности, но пока что эти стремления не зашли дальше борьбы с голодом, и любое лекарство замысловатее алкоголя ценилось тут на вес золота.

— Вижу, вы умеете торговаться, — сказал Квик и с улыбкой убрал деньги в карман. — Хорошо, я согласен. Приходится думать о своем бизнесе, знаете ли. Если пациенты после встречи с доктором ухитрятся не умереть, сарафанное радио будет работать лучше всякой рекламы. К тому же тогда они смогут прийти на повторный прием.

* * *

Либерталия представляла собой перевернутый зонтик, затерянный посреди моря. Полные надежд люди собирались в нем со всего мира, как капли, а затем большинство из них скатывалось на один из четырех грузовых кораблей, привязанных к центральной колонне, в ржавые трюмы, которые никогда не приходилось видеть капитанам, жившим в воздушных дворцах. Зонтик под ногами этих морских аристократов был создан для того, чтобы опробовать новую технологию получения энергии, передаваемой спутниками из космоса. Несмотря на то что эксперимент провалился, здешние хозяева все равно считали, что каждый их шаг освещает эту грешную землю ничуть не хуже спутников.

По мнению Тэрин, Себастьян Кросс являлся самым худшим из этой шайки. Его имя и имя его компании, Объединенной

Корпорации Кросса, снова и снова мелькали в докладах, попадавших на ее стол. Поговаривали, что он удерживал город на плаву, получая за взятки правительственные гранты, имелись улики, доказывающие его связь с работоторговлей в полудюжине стран, проводились многочисленные расследования, но ничего из этого так и не вышло. Она давно уже поняла, что у Кросса есть друзья на ключевых государственных постах и эти друзья не хотели, чтобы Либерталия пошла ко дну спустя всего восемь лет.

Теперь, если верить Квику, Кросс пытался завладеть всем рынком медицинских услуг на борту Либерталии. Его лицо доверительно смотрело с рекламных плакатов, попадавшихся тут и там на борту «Розенбаума», бывшего судна для перевозки насыпных грузов, превращенного в гидропонную ферму. Его темные усы походили на мохнатую гусеницу, ползущую по лицу, а взгляд заставил Тэрин вздрогнуть, когда она следом за Квиком поднималась по шаткой лестнице, прикрученной к возведенной из контейнеров башне.

— Мы идем к человеку, прожившему тут дольше моего, — пояснил Квик. Тэрин по легенде представлялась как мисс Отэм, его ассистентка. Ее задача заключалась в том, чтобы молчать и слушать. — Его зовут Алонзо Брилл. Он прибыл с первой волной, но так и не смог пробиться в люди. Сейчас он в основном берется за случайные заработки, а его жена продает поделки, сделанные из металлолома. Они хорошие люди.

Он трижды постучал в дверь, представлявшую собой привешенный на петли кусок гофрированной стали, вырезанной из стенки контейнера. Внутри раздался металлический звон, затем шаркающие шаги, и дверь распахнулась. На пороге стояла молодая японка лет девятнадцати, дрожащая и тонкая, как тростинка.

— Добрый день, Киоко, — поздоровался Квик. — Алонзо дома? Он просил осмотреть его сегодня.

— Он здесь и... в то же время не здесь, — ответила Киоко. — В смысле — тело здесь, а разум — нет. Пожалуйста, помогите нам, я никогда еще не видела его таким.

Киоко провела их в маленькую, но опрятную квартиру, уставленную металлическими фигурками, застывшими в стремлении вверх. На стене висел десяток пустых ножен. Алонзо Брилл лежал в гамаке под мерцающей флуоресцентной лампой, подергиваясь и бормоча что-то себе под нос.

— Алонзо, это я, — позвал его Квик. — Как ты себя чувствуешь? Что тебя беспокоит?

— Зенит! — воскликнул Алонзо, вытаращив глаза. — Зенит, обрамленный звенящим кустарником третьей степени! Поднимайте его с корицей! Правильно ли закручены винты?

— Он такой с самого утра, — пояснила Киоко. — Я хотела позвать вас, но он сказал, что справится сам. Вы же поможете ему, доктор?

— Сначала я должен понять причину, — ответил Квик. — Пока я вижу только словесный салат, как при шизофрении, но ни с чем подобным мне сталкиваться не доводилось. Не знаю даже, с чего начать.

— Я знаю, — вступила в разговор Тэрин. — Миссис Брилл, ваш муж жаловался недавно на что-нибудь необычное? Он ударялся головой или казался больным?

— Если что-то такое и случилось, он мне не говорил, — сказала Киоко. — Мне следовало быть внимательнее, доктор?

— Не вините себя. Что бы с ним ни произошло, это не ваша вина, — Квик потер лоб и строго посмотрел на Тэрин. — Похоже, вам уже известен ответ, мисс Отэм.

— Афазия — ответила Тэрин. — Симптомы очень похожи. Если я права, он может поправиться, но нам нужно выяснить, с чего все началось. Миссис Брилл, ваш муж ведет какие-нибудь рабочие записи?

Киоко передала ей брошюру, призывавшую к независимости Либерталии. На обратной стороне оказался список, написанный

почерком Алонзо — неровным, но по-своему аккуратным. Там значилось шестнадцать имен с датами до самого сентября. Он работал охранником, собирал лом, помогал ремонтным бригадам. На каждой строчке значилась сумма заработка — по большей части в либертанских рэндах. А вот на предпоследнем месте Алонзо заплатили долларами США.

— Объединение «Новые Горизонты», — прочитала Тэрин. — Шесть дней назад. Припоминаете?

— Да, но не название. Помню, как он говорил, что хотел бы быть богачом, платившим людям за сон. Думаете, с ним там что-то случилось?

— Мы пока еще ни в чем не уверены, — ответил Квик, бросив на Тэрин быстрый взгляд. — Сделаю, что смогу, — постараюсь поставить диагноз и сделать так, чтобы он пошел на поправку. Кстати, консультация стоит сто рэндов.

— Конечно, конечно, — Киоко достала потрепанную банкноту. — Как только будут новости, сразу дайте мне знать. Большое спасибо!

— Похоже, вы упустили свое призвание, — заметил Квик, когда они вернулись на палубу, а деньги, полученные за наблюдательность Тэрин, исчезли в его кармане. — Вам следовало стать врачом, или, по крайней мере, следовало бы рассказать мне, что тут творится на самом деле. Я знаю, что вам известно больше, чем вы говорите.

— В восемьдесят пятом мы столкнулись с одним движением, — начала рассказывать Тэрин. — Они называли себя «Новый Вавилон». Пытались превратить рецептивную афазию в оружие по воле Божьей. Нам удалось вовремя остановить их, но сама мысль о том, что кто-то решил продолжить их исследования... Представьте, что все вокруг вдруг начнут нести тарабарщину и никто не сможет друг друга понять. Цивилизации настанет конец.

— Думаете, кто-то закончил их дело?

— Это бы многое объяснило,— ответила Тэрин.— Единственное место, где такие исследования можно проводить легально,— лунные станции, кишмя кишящие правительственными агентами. А здесь никто не задает вопросов и все может пройти незамеченным.

— Так что вы собираетесь делать? — спросил Квик. — Вы же потому и приехали, да?

— Не беспокойтесь, я работаю над этим,— ответила Тэрин.

* * *

Места на вершине Либерталии было немного, и местные заправила следили за тем, чтобы так продолжалось и впредь. Башни и пики служили тонкими пьедесталами для поднятых ввысь зданий, в каждом из которых было не более четырех этажей. Для прогулки по утопающим в зелени, свободным от толп аллеям Тэрин облачилась в лучшие вещи из своего гардероба. По дороге ей попадались только вооруженные охранники в броне, осматривавшие все вокруг с дотошностью военных. Для своих собственных наблюдений Тэрин предпочла очкам контактные линзы — если ей повезет, она снимет их раньше, чем глаза начнут уставать.

Объединение «Новые Горизонты» занимало маленькое кубическое здание внутри прозрачной пирамиды, заполненной светящимися нитями, пульсировавшими зеленым и золотым светом. Тэрин постояла, восхищаясь архитектурой и готовясь к тому, что ждало ее внутри. Но сколько бы глубоких вдохов она ни делала, это не приближало ее к разгадке, поэтому, игнорируя дурные предчувствия, Тэрин все же вошла внутрь.

В холле не оказалось ни растений, ни картин, ни прочих типичных декоративных элементов, какие ожидаешь найти в подобных местах. Лишь несколько окон — и все. У дальней стены располагалась изогнутая дугой зеркальная стойка, за которой

в медитативной позе сидела миниатюрная женщина с темными волосами, собранными в пучок. Когда Тэрин подошла к ней, женщина открыла глаза.

— Доброе утро и добро пожаловать в объединение «Новые Горизонты»! — бодро сказала она. — Что привело вас к нам?

— Хочу узнать, нет ли у вас открытых вакансий, — ответила Тэрин. — Я только приехала и еще не успела обустроиться. Если у вас есть работа, мне бы это здорово помогло.

— Устали от жизни на материке? — поинтересовалась женщина. — Конечно, мы все время ищем способных людей. Есть ли у вас опыт работы, о котором нам следует знать?

Тэрин рассказала о том, как изучала неврологию и немножко — психологию. Конечно, легенда развалится, стоит кому-нибудь начать ее проверять, но на Либерталии люди могли заниматься медициной и без медицинского образования. Здесь недостаток навыков с лихвой компенсировался самоуверенностью и наглостью.

— Похоже, вы — интересный кандидат, мисс Отэм, — заметила женщина. Она указала на пластиковую скамейку под одним из окон. — Если вы согласитесь немного подождать, я загляну в нашу систему и посмотрю, не всплывет ли подходящих вакансий.

Скамейка оказалась холодной, жесткой и совершенно не способствующей расслаблению, даже несмотря на тихую музыку, лившуюся из спрятанных динамиков. Тэрин сидела молча, держа руку поближе к станнеру. С учетом количества оружия в этом городе уверенности он ей не прибавлял, но больше ей рассчитывать было не на что.

— Мисс Отэм? Похоже, у нас найдется для вас работа, — женщина указала на дверь рядом со стойкой. — Как зайдете, вторая дверь налево. Скоро к вам кто-нибудь подойдет.

Вторая дверь налево вела в тесную комнатку. В воздухе там витал странный запах, она отчетливо чувствовала его, но не

могла определить источник. Когда дверь с щелчком закрылась у нее за спиной, запах усилился. У стены стоял небольшой стол с двумя стульями, расположенными друг напротив друга. Тэрин села лицом к двери.

Сначала она пребывала в напряжении, готовая ко всему, и мысленно перебирала вопросы, которые помогли бы пролить свет на исследования «Новых Горизонтов». Представляя себе возможные варианты беседы, она поняла, что собеседника едва ли удастся вывести на разговор о том, исследуют ли они возможности применения афазии в военных целях, или фракталы Лэнгфорда¹, или способы управления разумом, — по крайней мере так, чтобы он не осознал, что сказал слишком много. Минуты шли, словно падали капли из крана — кап-кап-кап, и сосредоточиваться на этих вопросах становилось все труднее и труднее, они тонули в заволакивавшем разум тумане. Откуда-то шло тихое гудение, почти неразличимое, но все же раньше, когда она входила в комнату, его определенно здесь не было. Когда она вошла в комнату... сколько же прошло времени? Почему никто не пришел? Нужно спросить об этом женщину за стойкой.

Тэрин встала и с удивлением осознала, что едва удерживает равновесие, будто ее кости превратились в желе. Она не подошла, а скорее упала к двери, уже понимая на периферии гаснущего сознания, что беспокоилась не напрасно. Ощувив холод дверной ручки под своей вспотевшей ладонью, она лишилась последних иллюзий.

— Заперто, — пробормотала она на родном кантонском. — Как интересно.

¹ Отсылка к рассказу Дэвида Лэнгфорда «BLIT», изданному в 1988 году, где упоминаются особые изображения, из-за сбоя в работе головного мозга вызывающие смерть увидевшего их человека. Сам термин «фракталы Лэнгфорда» упоминается также в романе Чарльза Стросса «Accelerando» (2005 г.).

* * *

Темнота.

И сразу же — свет. В вышине раскинулось голубое небо, ветерок охлаждал кожу, совсем как в те далекие весенние деньки, когда она могла лежать в мягкой траве и ни о чем не думать. Она изо всех сил цеплялась за это ощущение покоя, пока на поверхность не всплыла какая-то мысль. А потом она вспомнила одну простую истину. На Либерталии никогда не росла трава — имелся лишь переработанный искусственный дерн, вывезенный с бейсбольных стадионов Японии.

Она лежала на операционном столе в одном нижнем белье. По телу пробежала дрожь. Это оказалось даже хуже, чем если бы ее раздели совсем. Дойдя почти до конца, они (кем бы они ни оказались) продемонстрировали свою власть над ее беспомощным телом. По крайней мере, сейчас комната пустовала, и даже если кто-то и наблюдал за ней через камеры, им потребуется несколько секунд, чтобы войти. И эти несколько секунд — в ее полном распоряжении. Трижды моргнув, она с облегчением увидела настроечную таблицу — значит, контактные линзы остались с ней. Тюремщики забрали не все.

— Как интересно, — сказала она, вставая. Стены оказались серыми, гладкими и круглыми. Вдоль них на равном расстоянии друг от друга стояли застекленные шкафы. Комната больше напоминала операционную, чем обычный смотровой кабинет. В любом из шкафов вполне могла поместиться ее одежда, поэтому Тэрин, надеясь на чудо, принялась обыскивать их один за другим. В одном из ящиков она нашла скальпель — абсолютно бесполезный против настоящего оружия, но все же лучше, чем ничего. Крепко вцепившись в него, она продолжила поиски.

Но прежде чем ей удалось добраться до следующего шкафа, в замке раздался щелчок поворачивающегося ключа. Тэрин бросилась к стене и встала так, чтобы оказаться за дверью, когда

та откроется. Скальпель наверняка выскользнул бы у нее из руки, если бы не ребристая рукоятка, и в этот момент ей показалось, что она никогда еще не держала в руках такого большого и острого клинка. Может, изящные мечи и прощали людям ошибки, но скальпели требовали холодного ума и высокой точности. Тэрин поводила глазами влево, вправо, затем снова влево — и контактные линзы начали запись.

Вопреки ожиданиям, вошел не головорез и не охранник. Люди таких профессий не носят шпилек, цоканье которых наполнило комнату. Женщина, поглощенная чтением записей в пожелтевшем от времени старом планшете, выглядела довольно худой, и Тэрин решила, что сможет при необходимости легко справиться с ней — если только та не окажется миниатюрным терминатором. Пока что ситуация и без того выглядела довольно деликатной, и не стоило без нужды усложнять ее еще больше. Дождавшись, пока закроется дверь, Тэрин заперла ее на замок и обратилась к женщине, пока та не ушла далеко:

— Простите, у меня тут небольшое затруднение. Скажите, кто вы такая и что я здесь делаю?

— Вот как вольные люди относятся к своей работе, — произнесла женщина с английским акцентом и повернулась к Тэрин. Она оказалась молодой, но очень измученной — об этом говорила бледная кожа и темные мешки под глазами. — Должно быть, вы проснулись прежде, чем мы успели начать процедуру. Пожалуйста, примите мои извинения. Ложитесь обратно, я увеличу дозу, и мы продолжим.

— Я так не думаю, — сказала Тэрин. Ее линзы не обнаружили никаких сигналов, исходящих из этой комнаты, так что она имела все основания рассчитывать на приватность их разговора. — Давайте я начну первой. Меня зовут Отэм, сегодня утром меня усыпили, забрали мою одежду, а теперь вы хотите, чтобы я легла на операционный стол и вы могли спокойно покопаться в содержимом моего черепа. Я правильно вас понимаю?

— Ну, хорошо, — ответила женщина. — Я — доктор Элизабет Локхид, и довожу до вашего сведения, что если вы откажетесь от сегодняшней процедуры, мы будем вынуждены инициировать процедуру расторжения вашего контракта. Я бы не советовала вам этого делать. Закон в этих краях... не такой, как на материке.

— Контракта... а, так вы понятия не имеете, что здесь происходит, не так ли? — Тэрин провела пальцем по тупой стороне скальпеля. — Я не подопытная для ваших экспериментов. Я ни на что не подписывалась. И раз уж вы проводите исследования, вам наверняка нужны обычные люди вроде того бедняги с «Розенбаума», который только и может, что бормотать, а эльф вроде меня вам не подойдет.

— Эльф?

Тэрин откинула волосы и не смогла сдержать дрожжи, когда Локхид провела пальцем по ее заостренному уху.

— Вот идиоты! Я все твержу и твержу им: никаких генномодифицированных людей, но они только и думают, что о своей... постойте, что значит «бормотать»?

— Это значит, что там внизу есть человек с симптомами рецептивной афазии, и появились они у него после того, как он побывал здесь, — ответила Тэрин. — Но ведь вы же ничего об этом не знаете, не так ли, доктор?

— Нет, не знаю, — согласилась Локхид. — Я знаю только, что мой сегодняшний пациент оказался вовсе не пациентом. Я должна поверить вам на слово?

— У меня есть полный медицинский отчет, если вам интересно.

Квик даже не попросил денег, когда ей понадобилась выписка из карточки Алонзо Брилла. Локхид кивнула, и протянула свой планшет, а Тэрин сосредоточилась на нем и не отводила глаз, пока ее линзы не передали файл.

— Я понимаю достаточно, чтобы сказать: там есть что почитать.

Несколько мгновений спустя Локхид замерла и даже перестала дышать. Когда их взгляды встретились вновь, в ее глазах застыл ужас.

— Вы из МБР, да? — Она отвела взгляд и уже не пыталась смотреть на Тэрин. — Конечно, откуда же еще. Обитателям этой ржавой посудыны наплевать друг на друга. Но разве вам обязательно забирать меня прямо сейчас? Пожалуйста, дайте мне немного времени, я подобралась так близко к разгадке!

— Зависит от того, можете ли вы найти те ответы, которые ищу я, — ответила Тэрин. Подозреваемые порой бросались на нее или даже начинали стрелять, но доктор Локхид явно оказалась не из таких — из нее будто выпустили весь воздух. — Зачем вы пришли работать сюда?

— Мне не позволили улететь на Луну, — ответила та. — Посмотрите на меня: я мало ем, и меня вполне можно уместить в чемодан. Казалось бы, идеальный кандидат. Но они заглянули в мой разум, и увиденное им, видимо, не понравилось. Мне сказали, что я «не пригодна для обитания на Луне». И я осталась наедине с идеей, пожирающей меня изнутри, с исследованием, которым я не могла заниматься легально. Поэтому я спряталась здесь — спряталась, очевидно, не так хорошо, как рассчитывала.

— Да уж, не слишком, — Тэрин поморщилась. Она проводила немало времени с преступниками, социопатами и лжецами, поэтому чувствовала, когда ее начинали водить за нос. Локхид не походила на заблудшую овечку, нечаянно сбившуюся с пути. — Так что же вы исследуете?

— Наверное, вы думаете, что это нечто ужасное, — судя по глазам, именно на это она и рассчитывала. — Но я — не чудовище. Это всего лишь сон! Я пытаюсь найти способ избавить людей от сна, и все!

— А афазия, видимо, — всего лишь приятное дополнение? — предположила Тэрин. — Раз уж у людей появится восемь лишних часов, которые можно чем-то заполнить, почему бы им не походить к логопеду, чтобы заново выучить свой язык?

— Нет! — воскликнула Локхид. — Он... он не говорил мне. Он держит меня здесь так долго, что я уже забыла, как выглядит солнце, я работаю день и ночь, а он ничего мне не говорит! Сказал, что сам за всем приглядит и мне не надо ни о чем беспокоиться. Вот сволочь!

— Еще не поздно все исправить, — напомнила Тэрин. — О ком вы говорите? Кто стоит за всем этим?

— Себастьян Кросс, — Локхид всхлипнула. — Флагман индустрии.

Тэрин вспомнила двух здоровяков, которых повстречала к клинике Квика. Должно быть, они побежали напрямиком к Кроссу и принялись плести небылицы о крутой китайской эльфийке, которая встала у них на пути. С таким-то описанием узнать ее не составляло труда. Так вот, что они собирались сделать — вызвать у нее афазию в качестве мести за то, что она отказалась им подчиниться?

— Он владеет этим дворцом и четвертой частью всего города в придачу, — продолжала Локхид, не заметив, что ее собеседница погрузилась в собственные мысли. — Не знаю, как он прознал о моих исследованиях, но, наверное, решил, что станет королем этой помойки, если получит бригаду рабочих, которым не нужен сон. Вот мы и решили объединить усилия ради общего блага.

— Не думаю, что к вашим исследованиям применима такая формулировка, — заметила Тэрин. Для многих, слишком многих людей сны оставались единственным убежищем от ужасов реального мира. Лишить рабов Либерталии сна означало навеки запереть не только их тело, но и их душу на этом металлическом острове, на расстоянии целого океана от мест, где люди все еще жили и умирали друг ради друга, зная, что именно так и надлежит поступать. — Еще не поздно остановиться, доктор Локхид. Ему не обязательно побеждать. Мы можем расправиться с ним, и я сделаю все возможное, чтобы защитить вас. Вы поможете мне?

Локхид ходила по комнате кругами, потирая виски. Тэрин внимательно следила за ней, уперевшись спиной в дверь, на случай если доктор попытается сбежать. Конечно, это не имело

особого смысла, но с тех пор как слухи о превращенной в оружие афазии обернулись исследованиями по уничтожению сна, Тэрин ничего бы уже не удивило.

Несколько минут прошло в полном молчании, затем Локхид вздрогнула, опустила голову и вздохнула.

— Ладно, мисс Отэм, — сказала она. — Если, конечно, это ваше настоящее имя. Как я могу вам помочь?

— Для начала вы могли бы помочь мне вернуть одежду, — с улыбкой предложила Тэрин. — Не знаю, заметили ли вы, но тут довольно прохладно.

Локхид издала короткий нервный смешок.

— Вы удивитесь, если узнаете, сколько людей не переносят жару. Не волнуйтесь, если вы позволите мне пройти...

Тэрин посмотрела на дверь. В какой-то момент ей показалось, что если она отойдет в сторону, то земля уйдет у нее из-под ног, что это единственное надежное место на всем острове, которое никогда не заржавеет, — но все же она не могла стоять перед дверью вечно. Когда Тэрин отошла в сторону, ее сердце стучало в груди с такой силой, будто пыталось выбраться наружу.

— Благодарю, я вернусь через пару минут, — сказала Локхид, поспешно протискиваясь в дверь.

Щелкнул замок, и комната погрузилась в мертвую тишину. В сознании заворочались сомнения, страхи и опасения, постепенно превращавшиеся в торнадо. Тэрин потерла пальцем ребристую рукоятку скальпеля, выругалась и бросила его в стену комнаты. С таким же успехом она могла прятаться под одеялом, как семилетний ребенок, — конечно, ведь монстры ни за что не догадаются под него заглянуть. Неужели она точно так же обманывала себя насчет Локхид? Может, это была просто актриса, разыгравшая небольшой спектакль?

Тэрин опустилась на пол, обняла колени и вздрогнула. На Либерталии жили тысячи людей, однако она никогда еще

не чувствовала себя настолько одинокой. Персонажи вроде доктора Квика составляли здесь исчезающе малое меньшинство, а ценность человека определялась деньгами в карманах да силой мышц — и ничем больше.

Когда дверь начала открываться, Тэрин словно окаменела, не в силах сдвинуться с места, пока та не распахнулась целиком. На пороге оказался не штурмовой отряд, а доктор Локхид, державшая в руке мешок. Внутри оказалась одежда Тэрин.

— Ну что ж... подождите, давайте я помогу, — предложила Локхид. Нет, Элизабет. Ее зовут Элизабет, напомнила себе Тэрин. Она вернулась одна с ее вещами, сдержала свое слово и поспешила назад к Тэрин, пока та боролась со своими страхами.

— Не будьте такой, — попросила ее собеседница, помогая Тэрин подняться на ноги. — Вы дали мне надежду. Мы придумаем, как все исправить, и это приблизит меня к разгадке.

* * *

Хоть Тэрин и волновалась за свой побег из «Новых Горизонтов», она все же решила вернуться в знакомую пирамиду. В конце концов, для всех, кроме Себастьяна Кросса, она — всего лишь очередной соискатель. Да и сам Кросс не захочет, чтобы она начала нести околесицу возле его клиники. Слухи на Либерталии разлетаются быстро, а разговоры о клиентах, превращающихся в овощи, могут сильно повредить бизнесу. Конечно, предприниматель, который сжег слишком много мостов, может просто начать все заново под другим именем, но Кросс не из таких. Он ни за что не наденет маску.

Два дня она разыскивала, угрожала, давила, вручала банкноты в скользкие руки — все ради того, чтобы выявить эту слабость. Конечно, она могла бы арестовать Кросса за финансирование незаконных исследований, но благодаря его высокопоставленным друзьям обвинение продержалось бы не дольше снеговика

на солнечном пляже. Нет, сперва нужно выбить у него почву из-под ног, ведь его власть зиждется на свободе Либерталии. И они с Элизабет придумали, как избавиться от Кросса навсегда.

— Ты уверена, что все готово? — спросила Элизабет, когда Тэрин закрыла за собой дверь. Для специалиста по когнитивным технологиям жила она весьма скромно. Вся обстановка состояла из старого стола с терминалом да койки с изношенной простыней и тощей подушкой. — Какая-то часть меня по-прежнему хочет бросить это дело и оставить все как есть.

— Надеюсь, лишь малая часть? — Тэрин улыбнулась. — Все будет в порядке. Запускай наживку.

— Готово, — ответила Элизабет пару мгновений спустя. Пока Тэрин занималась своей частью ловушки, доктор Локхид составляла фиктивный отчет. — Через пару минут этот мерзавец решит, что вот-вот лишится своей власти над миром, и тут же примчится сюда. Он уверен в том, что все остальные помещения на корабле утыканы жучками.

— Хорошо, что для подслушивания нам не нужен жучок, — заметила Тэрин, поправляя очки. Этим очкам предстояло записывать все происходящее в комнате. — Что бы ни произошло, знай, что я буду рекомендовать держать твои исследования под тщательным наблюдением. После того что случилось в воскресенье, люди стали очень серьезно относиться к таким вещам.

— Главное, чтобы никто не попытался посадить меня под замок за попытку спастись, — ответила Элизабет. — Знаешь, почему я затеяла все это? Я не хотела убивать сон, я просто хотела, чтобы отсутствие сна не убило меня.

И тут Тэрин все поняла. Страх, отчаяние, очевидные признаки истощения — дело не в том, что она не могла обрести свободу в городе, именуемом Либерталия. Когда-то в школе она дружила с девочкой с точно такими же глазами, как у Элизабет.

— У тебя летальная форма наследственной бессонницы, да? Когда ты в последний раз спала? — спросила Тэрин.

— Не знаю, — ответила Элизабет. — Это относится к обоим вопросам. Мой отец умер от этого два года назад. Брось жребий. Может, я тоже умру, а может, и нет. Честно говоря, меня это не очень заботит.

Наступившая тишина стала почти осязаемой. Тэрин села и уставилась на свои руки, пытаясь не волноваться. Оставалось слишком много непредсказуемых факторов, которые могли повлиять на исход дела. Манипулировать Кроссом — еще полбеды, а вот как отреагирует Либерталия... Даже Квик не отважился делать прогнозы, когда она рассказала ему о своем плане. Все будет зависеть от того, что произойдет в этой комнате.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Себастьян Кросс собственной персоной: незабываемые усы, рубашка с леопардовыми пятнами и крупные руки боксера. Из ножен выглядывал короткий зазубренный меч. Тэрин моргнула четыре раза подряд, начиная передачу данных, а Кросс, не говоря ни слова, пересек комнату и ударил Элизабет в живот. Тэрин потребовалась вся ее выдержка, чтобы не броситься на него прямо сейчас. Она старалась не смотреть на Элизабет, чтобы никто не решил, что она сама во всем виновата.

— Тупая овца! — кричал Кросс, пока Элизабет кашляла и пыталась вдохнуть немного воздуха. — Ты что, забыла, зачем ты здесь? Полтора года назад ты клялась и божилась, что справишься. Так где результаты? В чем дело?

— Вчера ко мне пришла эта подопытная с жалобами на побочные эффекты, — Элизабет кивнула на Тэрин. На самом деле та приходила, чтобы засветиться на камерах и успокоить ее. — У нее расстройство психики. Боюсь, с остальными подопытными может произойти то же самое.

— Зенит, — произнесла Тэрин, вспоминая Алонзо Брилла. Ужасное, наверное, ощущение — стать пленником в собственном черепе, не иметь возможности никому ничего объяснить. — Правильно ли закручены винты?

— Не понимаю, почему это должно беспокоить меня, — зарычал Кросс. Элизабет боязливо съежилась. — Ученый здесь ты. Если не разберешься с этим — значит, ты ни черта не стоишь и я тебя вышвырну.

— Я не могу проводить исследования, не обладая всей информацией, — ответила Элизабет. — По условиям нашего договора я должна получать все отчеты о состоянии пациентов, чтобы убедиться в их безопасности.

— Да к черту этих подопытных! — Кросс ударил кулаком по столу. — В этой мусорной куче полно идиотов, ищущих легких денег. Думаешь, кому-то есть дело до того, скольких из них ты перепортишь, пока не добьешься успеха? Условия нашего договора предполагают, что ты заткнешься и выдашь мне результат. Мне плевать, что ты делаешь недочеловеками их, можешь хоть мозг без наркоза вырезать, если тебе кажется, что это поможет. Черт, да можешь хоть каждого на этой посудине превратить в овощ, просто сделай то, что от тебя требуется!

— Нет, это мне пора сделать, что требуется, — произнесла Тэрин. Пока Себастьян кричал на Элизабет, она встала между ним и дверью, перекрывая путь к отступлению. В руке она держала станнер. — Себастьян Кросс, властью, данной мне Советом Безопасности ООН, я заключаю вас под стражу за проведение незаконных научных исследований. Вы имеете право...

Договорить Тэрин не удалось, потому что Кросс схватился за меч и бросился на нее. Курок она спустила без колебаний — раздался громкий треск, в комнате запахло озоном, а Кросс рухнул на пол у ее ног. Наклонившись, она с удовлетворением нащупала пульс, а затем вздрогнула от безразличия.

— Как я и говорила... — она довела свою речь до конца строго по учебнику, чтобы ни один умник не смог подкопаться, когда дело дойдет до суда. Когда Кросс проснется, у него будет много времени, чтобы во всех подробностях изучить свои права. Закончив, Тэрин моргнула четыре раза и сняла очки. —

А теперь, доктор, советую как можно скорее положить этого джентльмена в отдельную палату для дальнейшего наблюдения. Не стоит ему пока знать, что он стал новой телезвездой Либерталии.

— Значит, вы отравили колодец, не так ли? — усмехнулась Элизабет. — Остается только надеяться, что это сработает.

— Сработает, — заверила ее Тэрин. — Квик устроил собрание в самом большом баре «Кувордена». Там полно людей, верящих в идею этого города. Завтра в это же время на улицах только и будут говорить, что о Кроссе, скупавшем все подряд, чтобы организовать тут правительство, а его дружки на материке скормят его акулам.

— Ладно, с ним все понятно, — сказала Элизабет. — Но что насчет меня? Как ни крути, а ведь это я проводила эксперименты. Он лишь подвел меня к кнопке, но нажимала на нее я. Знаю, ты говорила, что замолвишь за меня словечко, но поможет ли это?

— Ни о чем не беспокойся, — успокоила ее Тэрин. — По крайней мере, ты не занималась фракталами Лэнгфорда. В конце концов, есть куча людей, которые хотят отменить ограничения на исследования вроде твоих. Ты же просто мечтала вдохнуть в Либерталию новую жизнь... не знаю, правда, поможет ли это тебе спать по ночам.

— Поможет, когда я окажусь на твердой земле, — сказала Элизабет. — Думаю, все дело в здешнем воздухе.

Перевод с англ.
Алексея Колосова

© Andrew Barton. Each
Night I Dream of Liberty.
2014.

Печатается с разрешения
автора. Рассказ впервые
опубликован в журнале
Analog.

Эндрю БАРТОН (Andrew Barton)

(р. 1983)

Канадский писатель-фантаст, активно печатающийся с 2008 года. Его работы публиковались в американском журнале Analog, канадском On Spec и многочисленных антологиях. Работает в коммуникационной компании и, как любит шутить: «живет с роботом в небе над Торонто».

Сайт автора: actsofminortreason.blogspot.com

ВИДЕОДРОМ

▲ В основу «Земли будущего»
положен концепт EPCOT
(Experimental Prototype City
Of Tomorrow)

ТЕНИ МЕТРО- ПОЛИСА: ГОРОДА БУДУЩЕГО В МИРОВОМ КИНО

/фантастика
/города

 Александр ЧЕКУЛАЕВ

Конгломераты сияющих небоскребов размером с Эверест. Киберпанковские трущобы хаотичной застройки. Глобальная экодеревня с построенной на биотехнологиях архитектурой. Тоталитарный неоампир жестко структурированных обществ. Игривое фьюче барокко либерально-гедонистических обществ...

Кинематографисты десятилетиями рисовали и продолжают рисовать самые разнообразные варианты урбанистических структур будущего, придумывая все более эффектные и необычные декорации мегаполисов завтрашнего дня. Но сколь бы они ни изощрялись в деталях, в одном их фантазии схожи. В том, что даже через века концепция города как административного, производственно-экономического и жилого локуса останется востребованной цивилизацией.

Сумрачный немецкий гений

Если рассматривать историю кинематографа через фильтр футуристической урбанистики, без труда выявляется фильм, оказавший наибольшее влияние на все последующие поколения художников экрана. Разумеется, это «Метрополис» (1927) Фрица Ланга — шедевр немецкого экспрессионизма.

В представлении авторов ленты город 2027 года — это циклопический архитектурный ансамбль утилитарного Баухаус-дизайна. И если верхние этажи, где обитает правящая элита, слегка облагорожены элементами артдеко, то нижние, предназначенные для бесправного пролетариата, ставшего придатком могучих и равнодушных машин, выглядят как серые бетонные казармы. Как бы мрачно это ни звучало в описании, декорации «Метрополиса» до сих пор впечатляют — в первую очередь, за счет революционной концепции многоуровневой транспортной системы, которая ныне прочно

Увидев **«Метрополис»**, авторы Супермена ввели одноименный город в свои комиксы

Дворец Советов из **«Космического рейса»** должен был иметь высоту 495 метров

прописалась в каждом втором фильме о будущем. Сквозь исполинские небоскребы на разной высоте пробиты автодороги, а меж зданиями снуют пассажирские аэропланы. Даже те, кто не видел антиутопии Ланга, наверняка знакомы с характерными кадрами из нее благодаря клипам группы Queen на песни «Radio Ga Ga» и «Love Kills».

Облик Метрополиса сформировал столь влиятельный культурный код, что его цепочки обнаруживаются в ДНК множества канонических картин о завтрашнем дне. Например, в нуарном Лос-Анджелесе 2019 года, показанном в «Бегущем по лезвию» (1982) Ридли Скотта. Или в суматошном Нью-Йорке 2263 года, фигурирующем в «Пятом элементе» (1997) Люка Бессона. И даже в «Матрице» (1999) Ларри и Энди Вачовски владения машин и Зион людей содержат в себе узнаваемые черты верхних и нижних уровней свержгорода из немого эпика Ланга.

Прекрасное далеко

Стоит заметить, что у раннего советского кино были все шансы запустить альтернативные, яркие концепты видения урбанистики будущего. Многообещающим почином можно считать «Аэлиту» (1924) Якова Протазанова,

для которой художники возвели дивные декорации марсианского города в стиле конструктивизма.

К сожалению, постепенное «закручивание гаек» в тридцатых годах XX века подрезало крылья полету фантазии кинематографистов, вынужденных согласовывать свои взгляды с линией партии. Как всякая прямая, линия была незамысловата. Панорама Москвы светлого завтра (отнесенного к 1946 году), показанная в фильме Василия Журавлева «Космический рейс» (1935), — образчик избыточного сталинского ампира с гигантским Дворцом Советов в качестве архитектурной доминанты. В реальности постройка этого стоэтажного зиккурата со статуей Ленина на вершине хоть и началась в 1937 году, была свернута с началом войны.

Как бы там ни было, в СССР на угрюмый немецкий футуризм смотрели неодобрительно, заполучив по этой части в союзники англичан. В частности — великого Герберта Уэллса, изложившего свои представления о городе завтрашнего дня в фильме «Облик грядущего» (1936). Знаменитый фантаст выдал команде режиссера Уильяма Кэмерона Мензиса меморандум, в коем обозначил художественную задачу так: «Галиматью, вроде той, что мы находим в таком фильме, как «Метрополис» Фрица Ланга с его роботами — механическими рабочими, сверхнебоскребами и проч., — нужно раз и навсегда выбросить из головы перед тем, как приступить к работе над данным фильмом. Как общее правило вы должны усвоить себе, что то, что сделал Ланг в «Метрополисе», прямо противоположно тому, чего добиваемся мы...»

В итоге видение Уэллса занятным образом напоминает мечты советских кинохудожников. Только вместо дисциплинирующего неоампира — буржуазный неоклассицизм. Эвритаун 2036 года представляет собой в «Облике грядущего» утопию технократа: обширные светлые пространства, много зелени, скоростные уличные лифты, все те же протянутые между билдингами путепроводы, колоссальные, но при этом изящные инженерные сооружения — и все ходят в таких миленьких, хорошо проветриваемых туниках. Идеальные

декорации для общества меритократического (управляемого лучшими спецами в своей области) социализма.

В тисках реализма

После Второй мировой войны мода на социально-футуристические обобщения в НФ-кино заметно схлынула. Концептуальные дизайны грядущих мегаполисов сменили декорации вполне обычных городов, живописно обращаемых в руины титаническими монстрами, злыми пришельцами и атомным оружием. Какой-никакой исторический оптимизм обеспечивали лишь ленты об освоении космоса.

На довольно долгое время кинематографисты позабыли о масштабных декорациях — урбанистика завтрашнего дня в представлении авторов новой волны практически ничем не отличалась

◀ Декорации «Бегущего по лезвию» оказали большое влияние на авторов киберпанка

◀ «Облик грядущего» был экранизирован под личным контролем Герберта Дж. Уэллса

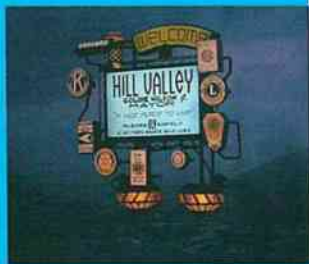
▶ «Пятый элемент»: облик Нью-Йорка будущего создал художник Жан Жиро (Мебиус)

от современной им картинки. Доходило до настоящего издевательства над зрителем: в «Альфавилле» (1965) Жан-Люка Годара управляемый кибермозгом полис ничем не отличается от ночного Парижа. «Заводной апельсин» (1971) Стэнли Кубрика и «Солярис» (1972) Андрея Тарковского содержат кадры городской жизни, просто снятые на обычных улицах.

Ситуация изменилась в сторону утерянной было зрелищности с приходом в кино во второй половине 70-х больших бюджетов и появления формата блокбастера. Однако это также означало, что фантастические фильмы в своей массе утратили значительную часть социально-прогностических функций и мигрировали в область чистого зрелища. Просто в силу того, что основной аудиторией стали подростки, жаждавшие развлечений, а не поучений.

«Назад в будущее II»: добро пожаловать в город Хилл-Вэлли образца 2015 года!

Мир мегалополиса 2054 года в «Особом мнении» моделировали 16 ученых-футурологов

Декоративно-прикладное творчество

В любом случае, прекрасные картины о будущем продолжали выходить, просто футуристический элемент, касающийся жизни городов, в них уже не провоцировал дискуссии или серьезный анализ, сместив акценты с общественного устройства на инфраструктуру и пропаганду научно-технического прогресса.

Вспомните «Назад в будущее II» (1989) Роберта Земекиса. Как был Хилл-Вэлли образчиком «одноэтажной Америки» в 1955 году, так им и остался в 2015-м. Ну, автомобили стали летающими, мода — экстравагантной, люди научились управлять погодой да на домах повесили 3D-рекламу. Все.

В эпопее «Звездные войны» Джордж Лукас продемонстрировал невероятное разнообразие городов далекой-далекой Галактики. Тут и убогий глинобитный поселок у космопорта Мос-Айсли на Татуине, и раскинувшийся на всю планету суперполис Корусант-сити, и подводное царство гунганов на Набу, и парящий в небе Беспина Облачный город. Он даже подвел под устройство многих из них социально-политическую базу. И все равно это богатство основано на уже существующих общественных моделях и не может быть использовано в качестве ориентира для футуристического прогноза. Это детально продуманные, но всего лишь декорации.

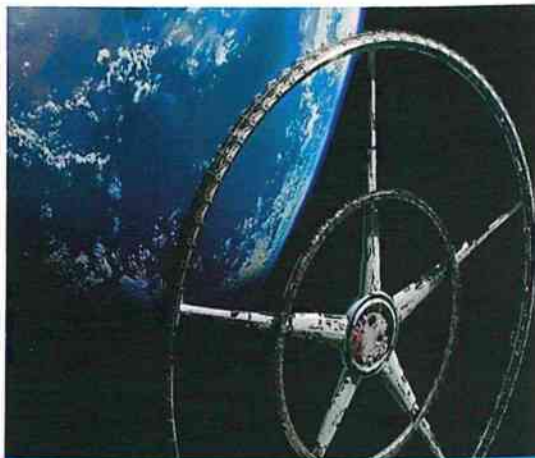
Земля жестко стелет

Из сравнительно недавних лент, в которых урбанистический аспект грядущего продуман несколько подробнее, чем обычно, уместно назвать «Особое мнение» (2002) Стивена Спилберга, римейк «Вспомнить все» (2012) Лена Уайзмана и «Элизиум: Рай не на Земле» (2013) Нила Бломкампа.

Если оставить за скобками ересь про предвидение преступлений с помощью медиумов, Спилберг делает толковые прогнозы устройства городов 2054 года. Тут и транспортная система, объединяющая черты автомобиля и лифта (очень удобно для многоуровневой структуры мегаполиса). И джетпаки в виде индивидуального транспорта быстрого реагирования. И полная победа концепции «умного дома». И вездесущие системы безопасности с функцией идентификации граждан.

Уайзмен менее оптимистичен: он не только упоенно рисует частоколы небоскребов, магнитодинамические хайвеи и пронизывающие земное ядро гравитационные лифты, но и громоздящиеся колоссальными друзьями фавелы пролетариев, а также крайне жесткую систему безопасности, основу которой составляют безжалостные робокопы, слухом не слышавшие о Трех законах Азимова.

Еще больше скепсиса демонстрирует Бломкамп. Этот режиссер уверен, что наземная городская структура в 2154 году деградирует под влиянием экологической катастрофы и истощения ресурсов. «Золотой миллиард» переедет в орбитальный сити Элизиум, средоточие всех

По фильму «Элизиум: Рай не на Земле» грядущая элита заселит города на орбите

инфраструктурных благ, а нищее большинство останется на истощенной, превращенной в свалку Земле.

Дивный новый мир

Как ни прискорбно, ни один из современных фильмов о будущем не поднимается до системных обобщений и не рисует по-настоящему внятную, целостную картину светлого завтра. Часть картин вообще источает пессимизм и предлагает разные варианты урбанистической антиутопии («Эквилибриум», 2002; «Судья Дредд», 1995 и 2012). Те же ленты, где у человечества все хорошо (вселенная «Стартрек»), страдают декларативностью и декоративностью: зрителю показывают блестящие многокилометровые шпили жилых комплексов и счастливых горожан, обвешанных гаджетами, но про общественное устройство, позволившее достичь эдакой гармонии, авторы говорить избегают.

Примером максимального высказывания в оптимистическом ключе, на которое отваживаются киношники в отношении завтрашнего дня, может послужить свежая «Земля будущего» (2015) Брэда Берда. Следуя за чаяниями ретрофутуристов, воплощенными еще в диснеевском аттракционе 50-х, постановщик согласен с тем, что к сияющим мегаполисам грядущего ведет тропа, которую должны проложить легионы пассионариев — мечтателей, энтузиастов,

◀ **«Судья Дредд»:**
сверхпереселенный
Мега-сити растянулся
от Бостона
до Вашингтона

▶ **«Стартрек:
Возмездие»:**
прототипом полиса
будущего послужил
Сан-Франциско

изобретателей и новаторов. Только они способны преодолеть давление энтропии, усугубляемое нехитрыми идеалами общества потребления, и повести за собой массы.

Что ж, несколько наивная, но вполне привлекательная технократическая стратегия. Осталось решить вопрос, где взять столько талантов? Ведь без коренной переделки человеческой психологии и смены экономической формации вряд ли получится вырастить поколение, способное построить все эти великолепные города будущего — по крайней мере те, в которых хочется жить, а не выживать в тисках жесткой конкуренции за место под солнцем. На данный момент кино по этой части явно не советчик, а лишь зеркало, отражающее наши опасения и надежды. Чтобы выбраться из мрачной тени «Метрополиса», придется строить дивный новый мир самим.

▲ **«Звездные войны»:** Облачный Город Беспина — самый известный в кино летающий сити

КРУПНЫЙ ПЛАН

КОНТИНУУМ ГИБСОНА

Новый, 2014 года, роман Уильяма Гибсона содержит характерные для творчества писателя черты: плотная фактура будущей повседневности, пересечения культуры и контркультуры, бренды и гаджеты, потоки информации и женщин с характером. И все же «Периферийные устройства» преподносят читателю сюрприз. Можно ли было предположить, что классик киберпанка обратится к такой магистральной жанровой теме, как путешествия во времени?

Идея нового романа, по признанию самого Гибсона, восходит к рассказу Брюса Стерлинга и Льюиса Шайнера «Моцарт в зеркальных очках», который впервые был опубликован в 1986 году в классической и даже культовой антологии киберпанков «Зеркальные очки». Вот только в отличие от задиристого и хулиганствующего панковского повествования об эксплуатации прошлого, извлечении из него ресурсов и в конечном счете прибыли «Периферийные устройства» куда как серьезнее. И обычных путешествий во времени с временными же парадоксами и петлями от Гибсона ждать не стоит. Писатель остается верен себе и позволяет путешествовать во времени не вещам и существам, а информации.

История, рассказанная в коротких главах (своеобразная дань автора

клиповому мышлению), начинается с подмены. Ветеран неизвестной будущей войны из американской глубинки просит младшую сестру заменить его на бета-тестировании новой игры, и, когда та становится свидетелем загадочного происшествия, выясняется, что это совсем не игра. По мере развития действия две сюжетные линии, описывающие американскую глубинку и аристократическое общество Лондона, пересекаются и главным препятствием, разделяющим персонажей, оказывается не пространство, а время.

Но любое информационное воздействие на прошлое приводит не к изменению будущего, а к появлению нового мира-«среза». Таково научно-фантастическое переложение многомировой интерпретации квантовой физики.

Впрочем, вопросами «высокой науки» Гибсон не задается. Куда больше

писателя интересует повседневность будущего. Легальные и нелегальные «фабы» — фабрикатеры материи, гаптика — военные татуировки, управляющие поведением солдата в бою, дроны и высокоскоростные трейдинговые алгоритмы. Будущее, отстоящее от современности на несколько десятилетий, в изложении Гибсона кажется совершенно реалистичным. Не менее реалистичным, но более фантастическим выглядит и один из вариантов развития этого будущего.

Чудодейственные медицинские модули и искусственные тела — периферали («Виттон делает только блондинок») для удаленного присутствия, ассемблеры материи и когнитивные импланты, семейства клептархов и хорошо вооруженные детские коляски русского, между прочим, производства — вот приметы двадцать второго века по Гибсону.

Прежде писатель не заглядывал так далеко в будущее, предпочитая более близкие и знакомые территории, с развитием технологий и течением времени оказывающиеся привычной читателю реальностью. Предпринятую в романе вылазку на территорию «нашего постчеловеческого будущего» следует признать успешной.

При этом настроен Гибсон не слишком оптимистично. В семидесятилетнюю паузу между двумя временами действия в книге поместилось не только взрывное развитие технологий, но и так называемый

джекпот — продолжительный и полномасштабный экологический и экономический кризис, результатом которого стала гибель большей части населения Земли.

Да и само название можно трактовать в рамках мир-системной экономической теории Валлерстайна со товарищи как «периферию», используемую как средство и источник обогащения для стран «ядра». И если прежде таковыми были страны третьего мира, то для Лондона будущего «периферией» становятся Соединенные Штаты. Например, один из «срезов» становится полигоном для испытания новых видов оружия.

Примечательно, что спасти положение можно, предотвратив убийство президента Фелиции Гонсалес. Схожую попытку спасения страны предпринимал и герой недавнего романа Стивена Кинга «11/22/63» — только в этой книге речь шла о президенте из прошлого, а не из будущего. Совпадение (случайное ли?) весьма любопытное.

Несмотря на медово-сладкий и кажущийся инородным финал, роман, безусловно, удался. Неожиданный выбор классической для фантастики темы и ее исполнение (русскому читателю повезло с переводом Доброхотовой-Майковой), яркие и достоверно распознанные образы будущего напоминают, что Гибсон не только отменный писатель, но и фантаст хоть куда.

Сергей Шикарев

РЕЦЕНЗИИ

**Александр
и Людмила Белаш**

**ТЕМНЫЕ
ЗВЕЗДЫ**

СПб.: Издательский
дом «Ленинград»,
2014. — 384 с. Тираж:
3040 экз.

**Александр
и Людмила Белаш**

**КЛЮЧ
ВЛАСТИ**

СПб.: Издательский
дом «Ленинград»,
2014. — 400 с. Тираж:
2840 экз.

Главная сюжетная коллизия тетралогии — а планируется именно тетралогия, — борьба двух миров. Холодная планета с чрезвычайно высоким уровнем биотехнологии против планеты, во всем похожей на Землю, достигшую приблизительно стимпанковской стадии развития.

Причудливое сочетание биоэкзотики, вылезавшей из черных десантных кораблей, с танками, дирижаблями, пушками и саблями «принимавшей стороны» позволяет авторам создавать оригинальные, захватывающие батальные сцены. Как боевик дилогии Александра и Людмилы Белаш — вещь высокого качества.

Но это не только боевик. В оба романа вложена философия, близкая ранней Урсуле Ле Гуин, — когда «бабушка-медведица» увлекалась прекрасными экспериментами по соединению того, что кажется несоединимым. Главным двигателем такого соединения становилась любовь. Точно так же и в дилогии пензенских фантастов. Казалось бы, какое может быть слияние двух миров, когда они безжалостно уничтожают друг друга? Но ведь это — лишь в массовых столкновениях... Стоит созданиям двух миров встретиться лицом к лицу в обстоятельствах, не предполагающих грызню на смерть, и они отлично находят общий язык. Их ведет дружба или любовь, желание поучиться друг у друга. И постепенно взаимное вращение двух миров набирает ход — неофициально, втихую. Вот лейтмотив дилогии, как ни парадоксально, наполняющий боевик пацифистским смыслом.

Сюжет обоих романов, особенно первого, построен так, что главные роли играют девочки и женщины. Они преобладают, они вершат историю, они побеждают. Мужчины там, конечно, тоже есть. Иногда некоторые из них даже обозначают претензию на то, чтобы войти в обойму центральных персонажей, но... как-то неуверенно. Этот мир не им принадлежит.

Ключевой пассаж первого романа: «Ты славный любовник, но девушек ты никогда не понимал! Может, стоило дать мне капельку внимания, немножко ласки — и все было бы иначе. И что теперь? Что значат все твои армии и самоходки, если я обижена?»

Дмитрий Володихин

Дэн Симмонс

**ФАЗЫ
ГРАВИТАЦИИ**

Пер. с англ. А. Круглова, А. Петрушиной. М.: Эксмо, 2015. – 384 с. (Серия «Современная зарубежная фантастика. Только бестселлеры»). 3000 экз.

Теперь, после выхода этого романа на русском, становится ясно, почему наши издатели не торопились с его переводом. Боялись расстроить читателей.

И действительно — большое недоумение и неудовольствие я испытал, только прочитав «Бритву Дарвина» и осознав, что так нравившийся мне автор сложной космической НФ вдруг ни с того ни с сего принялся клепать детективы про русскую мафию.

С «Фазами гравитации» столь сильного разочарования не было. Хотя бы потому, что я попытался читать его на языке оригинала. Попытался... и бросил. Потому что это уже такой «ближний прицел», что ближе не бывает.

Роман Симмонса — лишь в самой малой степени фантастика. Выдуманы в нем только члены экипажа очередного «Аполлона», якобы летавшего на Луну: главный герой астронавт Ричард Бедекер и его соратники — Том Гэвин и Дейв Малдорф. В остальном весь текст, изданный в США в 1989 г., добротное психологическое описание жизненных проблем Бедекера, прерываемое флешбэками о лунном полете (основанными, конечно же, на реальных мемуарах участников лунной программы «Аполлон»).

На протяжении книги ее герой проходит через полную трансформацию восприятия реальности — от ощущения ненужности бывшего астронавта на Земле до торжественного видения будущих городов на лунной поверхности. Что ж, в 1989 г. подобные упования выглядели вполне оптимистично. Это сейчас понятно, что прозрения Бедекера оказались самой настоящей бредовой галлюцинацией...

Еще в романе раздражают шаблонные филиппики в адрес советской космической техники и советской космической программы, чуть ли не на века отставшей от американской. Это особенно комично читать в наше время, после закрытия программы «Шаттл» и полной зависимости НАСА от российских ракетоносителей для полетов на МКС...

В общем, роман «Фазы гравитации» будет интересен только законченным фэнам творчества Симмонса. Очень ленивым фэнам не прочитавшим его на английском.

Глеб Елисеев

Питер Уоттс ВОДОВОРОТ

Пер. с англ. Н. Кудрявцева. М.: АСТ, 2015. — 480 с. (Серия «Сны разума»). 2000 экз.

Есть авторы, которые просто не умеют писать циклы книг. В общем-то, ничего зазорного тут нет — это не умел даже великий Толкин. Его «Властелин колец» — всего лишь непомерных размеров роман, для публикации расколотый на три книги.

Вот и канадский фантаст Питер Уоттс явно не понимает — как надо сочинять «роман из цикла». Его «Водоворот», формально являющийся второй частью сериала «Рифтеры», на самом деле только вторая книга единого произведения.

Поэтому читателю, не знакомому с первой книгой «Рифтеров» — «Морские звезды», будет трудно включиться в повествование. Зато осилившие ее почувствуют себя как рыба в воде, потому что вторая книга начинается ровнехонько там, где закончилась предыдущая.

В романе «Водоворот» Уоттс лишь слегка конкретизирует картину мира грядущего, постоянно балансирующего на грани возможной катастрофы. Мира, где всем, как и положено в киберпанке, заправляют транснациональные корпорации, где почва и вода отравлены, а в биосфере торжествуют всевозможные мутанты, где в глубинах компьютерной сети вот-вот зародится искусственный разум...

Казалось бы, ничего нового. Но, во-первых, сделаем скидку на запоздалость перевода — на языке оригинала роман «Водоворот» (в «девичестве» — «Мальстрим») вышел еще в 2001 г. (Кстати, к реальному водовороту у Лофоденских островов название книги отношения не имеет. У Уоттса Мальстрим — это просто жаргонное наименование мировой Сети.) А во-вторых, на текст накладывает своеобразный отпечаток то, что Уоттс по профессии — гидробиолог. Поэтому восприятие и Сети, и грядущего, и человеческих взаимоотношений через «духовные очки» биолога-эволюциониста придает произведению определенную оригинальность.

Итак, повторюсь: тем, кто уже ознакомился ранее с «Морскими звездами» все будет внятно, и они даже разрешат часть загадок, оставшихся нераскрытыми ранее.

А вот читателям, впервые взявшим в руки книгу цикла, лучше дождаться покупки последней части трилогии — романа «Бетагемот».

Глеб Елисеев

Майкл Суэзвик

**ОДНАЖДЫ
НА КРАЮ
ВРЕМЕНИ**

М., СПб.: Азбука–
Азбука-Аттикус,
2015. – 544 с.
(Серия: «Звёзды новой
фантастики»). 4000 экз.

Рассказы в авторском сборнике знаменитого фантаста расположены в хронологическом порядке. От раннего «Празднества Святой Дженис» (The Feast of Saint Janis), датированного 1980 г., и до «Лета с трицератопсами» (Triceratops Summer), увидевшего свет в 2006-м. В кратком предисловии Майкл Суэзвик привязывает некоторые произведения сборника к событиям из своей биографии. Таким образом, нашему вниманию предлагаются «этапы большого пути», запечатленные в ретроспективе художественной прозы. Следствием чего является пестрота и разноплановость историй и, что уж греха таить, неровность качества текстов.

Вне всякого сомнения, Суэзвик – выдающийся фантаст. Однако ни один из рассказов сборника нельзя назвать безупречным. В каждом имеется нечто интересное, захватывающее воображение или трогательное душу, но одной искры мало, чтобы разжечь пламя. Куда бы ни обращал свой взор мистер Суэзвик, в космические дали – «Гинунгагап» (Ginungagar, 1980), глубины ада – «К северу от Дидди-Ва-Дидди» (North of Diddy-Wah-Diddy, 1995) или на юдоль земную – «Край мира» (The Edge of the World, 1989), его всюду преследует проклятие неброских концовок. Этот же недуг можно заметить и в крупных произведениях писателя. Например, в «Дочери железного дракона» (Iron Dragon's Daughter, 1993). Правда, в случае с романом Суэзвику удалось настолько захватить читателя экстравагантностью выдуманного мира, что скомканное неуверенное «Dixi» никого особенно не смутило. С рассказами этот недостаток заметнее. В результате мы просто дочитываем историю и переворачиваем страницу. В сознании остаются лишь разрозненные образы: жутковатые, как идеальные хищники ларлы из «Зимней сказки» (A Midwinter's Tale, 1988), или симпатичные, как честный лунный работяга Гюнтер Уэйл из «Яйца грифона» (Griffi n's Egg, 1991).

Этот сборник будет интересен читателям, желающим проследить за становлением фантаста Суэзвика. Прочие – рискуют не получить удовольствия, на которое, вероятно, рассчитывают.

Николай Калиниченко

Мир без воспоминаний

Оно Йоичиро

В 2038 году ослепительный белый свет сошел на центр Токио и стер воспоминания более чем у миллиона человек. Причина трагического явления не выяснена, и исцеления нет. По приказу правительства все жертвы были переселены в подземный город и получили наименование KIDz, так как вне зависимости от возраста они ведут себя словно малые дети и вынуждены вновь научиться всему, что когда-либо знали. Мало кто понимает, что колония людей, утративших воспоминания, становится основой для создания новой цивилизации Земли...

Подземный город Токийский геофронт находится на глубине 1200 метров под землей и похож на театр. По внешнему периметру вдоль промышленных предприятий ходят скоростные поезда. К центру города ступенчато спускаются жилые кварталы, погруженные в зелень. В центре «часи» башня высотой 1400 метров — это конденсор солнечного света, который собирает свет наверху, а затем передает вниз. Вокруг «подземного солнца» располагаются правительственные здания. В громадный купол города через шестьдесят мощных вентиляционных шахт накачивается воздух, а через пятьдесят восемь труб — пресная вода. Город поделен на пронумерованные секторы, по границам которых проложены воздухопроводные трубы. Тридцать лифтов связывают подземный город с поверхностью...

Впервые в России!
Манга о подземном городе,
где рождается новая цивилизация

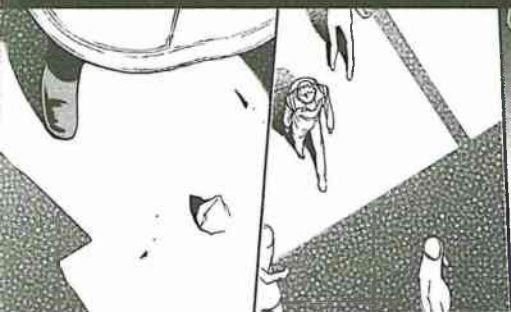

В ДЕНЬ, КОГДА НЕБО
ОКРАСИЛОСЬ БЕЛЫМ...

ЛЮДИ ЗАБЫЛИ ВСЁ...

...КРОМЕ СЛОВ.

Токийский геофронт (Токио)

Воздуховоды.
Их насчитывается
60 штук, так же они служат
вентиляционными шахтами.

Лифты

Соединенные со станцией,
они служат в качестве
транспортной системы
геофронта. Все 30 уста-
новлены вдоль стены.

Внешний район

В спирально расположенных
районах, начиная с нижнего первого
уровня и до четвертого, находятся
промышленные сооружения.
К ним примыкает жилая зона, что
сделало внешний район основным
местом проживания людей.

Водопроводные трубы.
Их насчитывается 58,
и они снабжают водой
оросительные каналы.

Оросительный канал / Зеленая зона

Соединяющая центральный и
внешний районы, эта зона так же
служит оросительным каналом.
Вы можете увидеть там здания,
но в первую очередь это зеленая
зона. Так же эта зона служит
разделителем двух районов.

Центральная башня

Высота 1 400 метров. 1 200 метров этой башни находятся под землей, а 200 метров возвышаются над землей. Основная функция – конденсирование солнечного света с поверхности земли и переправка его в подземный город. Благодаря этому в геодолоне поддерживается такой же суточный цикл, как на поверхности.

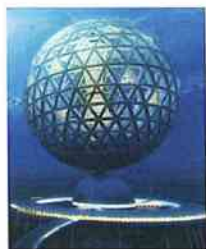
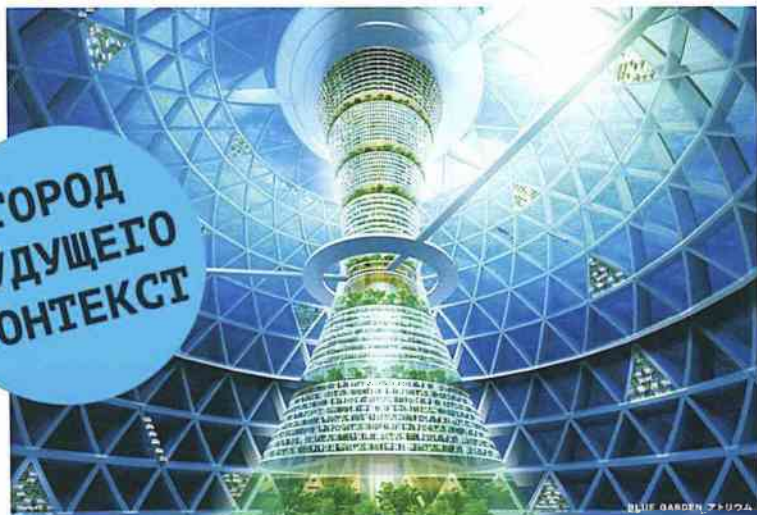
Все железнодорожные пути примакают к поверхности через этот туннель.

Центральный район острова

Часть купола вокруг центральной башни. Здесь располагаются правительственные органы, научно-исследовательский центр, полицейский участок, все государственные и общественные учреждения. Помимо этого, это так же деловой район, в котором собрано множество компаний.

Станция / Кольцевая линия

Железнодорожная линия проложена по спирали вдоль внешней стены купола. Через туннель сообщается с поверхностью. Каждая станция связана с одним из тридцати лифтов, установленных на наружной стене купола, что дает возможность свободно попасть в любой из районов.

ПРОЕКТ ПОДВОДНОГО ГОРОДА В ЯПОНИИ

Японская строительная корпорация Shimizu представила план глубоководного жилого комплекса «Ocean Spiral» («Океанская спираль»), состоящего из трех секций: верхней сферы 500-метрового диаметра, центральной спирали длиной 15 км, где разместятся жилые блоки, гостиницы и офисы, и научно-исследовательского / производственного центра, уходящего в глубь океана на 3–4 км. Подводный город сможет разместить около 5 тысяч жителей. Несмотря на то что необходимые для строительства технологии по большей части пока находятся в разработке, специалисты Shimizu планируют реализацию проекта «Океанская спираль» уже в 2030 году. По предварительным оценкам, строительство комплекса займет 5 лет и потребует 25,6 миллиардов долларов.

Подготовлено
исследовательской
группой
«Конструирование
будущего»

Мост, очищающий воздух, в Испании

Городской совет Барселоны планирует обновление моста Sarajevo и превращение его в новый «парадный вход» в столицу Каталонии. Проект предус-

матривает замену обычного дорожно-го покрытия на фотокаталитический бетон — самоочищающийся материал, который также нейтрализует загрязняющие вещества в воздухе, поглощая оксиды азота. Стены обновленного моста украсят зеленые насаждения. Освещаться сооружение будет работающими на солнечной энергии фотолюминесцентными элементами, так называемыми светящимися камнями. В результате невзрачный мост превратится в зеленую аллею, привлекательную и удобную как для автомобилей, так и для пешеходов.

Вертикальная ферма в Чикаго

Заброшенный завод на юго-востоке Чикаго, принадлежащий компании Peer Foods, в 2016 году будет переоборудован в «зеленую» ферму, специализирующуюся на выращивании свежей зелени и грибов. В здании также планируется открыть пивоварню. Новое, полностью безотходное производство отличает высокая энергоэффективность. К реализации проекта приступили в 2010 году, зелень здесь уже выращивается, а параллельно ведется обустройство остальных площадей. Подобные фермы уже существуют в Японии, Южной Корее и Сингапуре.

«Зеленые» крыши во Франции

Крыши новых зданий в коммерческих районах Франции будут частично покрыты растениями или солнечными панелями. Такую форму экологической ответственности бизнеса закрепили законодательно в марте этого года. «Зеленые» крыши, впитывающие дождевую воду, отчасти решат проблемы сточных вод и помогут сохранению биоразнообразия, предоставив возможность птицам гнездиться в го-

родских джунглях. Кроме того, подобные крыши будут способствовать улучшению теплоизоляции, что сократит расходы на отопление и кондиционирование.

Подземный парк с солнечным освещением в Нью-Йорке

Lowline — это необычный проект создания закрытого парка с естественным освещением. Территорию неиспользуемой подземной станции Williamsburg Bridge Trolley Terminal в Нижнем Ист-Сайде в Нью-Йорке собираются превратить в зеленый оазис. Необходимый для жизни растений солнечный свет будет передаваться под землю с помощью специальной системы коллекторов. В 2012 году на заброшенном складе был построен прототип, демонстрирующий возможности проекта. Завершение работ и открытие парка планируется в 2018 году.

Автомобили без водителя

Беспилотные автомобили — неотъемлемый элемент представлений о городах будущего — уже выходят на дороги. Обновленное ПО электрокаров Tesla, анонсированное к выходу летом этого года, будет включать в себя автопилот. О готовности с 2016 года начать производство автономных транспортных средств объявил японский автомобильный кон-

церн Nissan. Зимой 2015 года компания Volvo завершила проектные работы по созданию автомобиля с автопилотом. Испытания этой модели в реальных условиях планируются в 2017 году на дорогах шведского города Гетеборг.

А уже летом 2015 года на дорогах в штате Калифорния пройдут испытания в городской среде новых автомобилей Google Self-Driving Car.

«Умные города» захватывают мир

Рост численности населения, плотности и сложности городской жизни вынуждает городскую инфраструктуру стремительно «умнеть». Среди современных городов, внедряющих в жизнь «умные» элементы, — Нью-Йорк, Чикаго, Ницца, Барселона, Копенгаген и другие. Наиболее комплексным подходом, интегрирующим системы освещения, транспорта, утилизации отходов и т.д. в единую сеть, отличается Барселона. В Нью-Йорке действует единая система датчиков, контролирующая дорожную ситуацию, отслеживающих энергопотребление и расходование воды. Один из крупнейших проектов подобного рода — международная экономическая зона Сонгдо в Южной Корее.

В Японии в ноябре 2014 года началось заселение «умного города» Фудзисава. Проект, реализованный под руководством компании Panasonic, представляет собой «умный» район, занимающий территорию бывшего завода по производству электроники и бытовой техники. Более 30% потребности в электричестве обеспечивается за счет

альтернативных источников энергии. Электрокары, скутеры и велосипеды заменяют традиционные автомобили. Объекты городской инфраструктуры снабжены системой датчиков и сенсоров. Всего в Фудзисаве будет проживать около 3000 человек. Завершение работ планируется в 2018 году. А в 2016 году в Японии начнется строительство второго «умного города», и опять по инициативе Panasonic. Передовые технологии преобразят жизнь в районе Цунасима.

В 2015 году в Индии запускается программа городского развития Smart Cities Mission. Она направлена на создание 100 «умных городов». При этом внимание концентрируется на повышении эффективности городского управления. А в июне 2015 года подразделение для реализации проектов по усовершенствованию городов создала корпорация Google. Новое подразделение — Sidewalk Labs — сфокусируется на улучшении жизни в городе за счет развития и внедрения технологий для решения таких вопросов, как стоимость жизни, эффективность транспортных систем и использование электроэнергии.

НИДЕРЛАНДЫ-2040

Составил и перевел
Иннокентий АНДРЕЕВ

/форсайт /высокотехнологичный город
/город для жизни /цифровой город

На фоне стандартных форсайтов, описывающих прекрасное, но тривиальное будущее, «Нидерланды-2040» стоит особняком – развитие страны в нем рассматривается в зависимости от главенствующего формата городских поселений в ближайшие тридцать лет.

СЦЕНАРИЙ I. Города талантов

В сценарии «Города талантов» доминируют малые города (100–200 тыс. человек) с узкой специализацией. Благодаря развитию ИКТ предметные специалисты работают удаленно в «виртуальных коллективах» и могут не встречаться с коллегами лично. При этом для поддержания своего профессионального уровня и обмена идеями специалисты предпочитают селиться рядом друг с другом.

Мир сценария «Города талантов» крайне конкурентен. Преимущества городов Нидерландов и иных европейских стран лежат в сфере бизнес-услуг. Услугами нидерландских консалтеров, финансовых специалистов, дизайнеров и специалистов по рекламе пользуются во всем мире. Экономические колебания постоянно создают новых победителей и проигравших. Страны, не способные стать лидерами, будут находиться под соблазном введения протекционистских мер.

Сценарий «Города талантов» крайне динамичен и несет в себе колоссальные возможности развития, но его риски также велики.

В случае развития новых технологий или новых, более эффективных технологических центров сегодняшние высокооплачиваемые специалисты могут оказаться не у дел, что приведет к краху экономической активности.

Мир сценария парадоксальным образом отличается чрезвычайно высокой потребностью в социальной защите и перераспределении общественных благ, но эта потребность практически не удовлетворяется. Высокая мобильность населения, капиталов и деятельностей накладывает значительные ограничения на возможность перераспределения общественных благ. Введение налогов, необходимых для поддержания развитой системы социальной защиты, автоматически приводит к миграции высокооплачиваемых специалистов — наиболее важного экономического актива. Общество в сценарии «Города талантов» крайне уязвимо, социальное неравенство велико, а общественная солидарность низка.

СЦЕНАРИЙ II. Космополитические центры

В сценарии «Космополитические центры» в мире доминируют большие города (2–8 млн человек). В мире «космополитических центров» специалисты разных стран вместе работают в сфере высоких технологий, программного обеспечения для бизнеса и отдыха, а также принципиально новых продуктов и услуг. Компании, действующие в космополитических центрах, интегрируют в своей деятельности промежуточные продукты и вспомогательные услуги со всего мира. Глобальное разделение труда облегчается благодаря дешевым и эффективным коммуникационным технологиям, позволяющим координировать деятельность на всех стадиях производственного процесса.

Важной характеристикой такого «составного» производства является система поставок по принципу «строго вовремя», из-за чего исключительную важность приобретает стабильность системы международных отношений. Города превращаются в *специализированные кластеры* — развивающиеся био- и нанотехнологии требуют плотной кооперации между университетскими исследователями

и коммерческими фирмами. Географическая концентрация облегчает обмен идеями, совместное использование исследовательских мощностей и налаживание социальных связей.

Нидерландские «космополитические города» могут специализироваться на использовании водных ресурсов, технологиях биомассы, производстве медицинского оборудования, креативных деятельности и логистических услугах.

Риском для благосостояния таких городов может быть развитие новых, более конкурентоспособных центров. Неблагоприятной чертой сценария являются значительные различия в благосостоянии космополитического центра и прилегающей к нему местности, а также значительное социальное неравенство внутри городов. Передовая экономика больших городов все равно требует значительного количества вспомогательных низкооплачиваемых работников.

СЦЕНАРИЙ III. Эгалитарные экологичные города

В сценарии «Эгалитарные экологичные города» преобладают города среднего размера (100–500 тыс. человек).

Из-за распространенности удаленной работы и недостаточного обмена знаниями между компаниями коммерческие структуры не имеют каких-либо преимуществ от расположения рядом друг с другом. В таких условиях бизнес переезжает из больших городов в города среднего размера, предлагающие благоприятную жилую среду для работников. Успешные города являются своеобразными «парниками» для высококачественных производств и оазисами креативного взаимодействия.

Города восточных и южных Нидерландов процветают за счет успехов в таких областях, как креативные деятельности, сельскохозяйственные услуги, медицинская продукция, мода и дизайн.

В долгосрочной перспективе эгалитарные экологичные города сталкиваются с риском стагнации в силу замыкания жителей и компаний и ограниченных возможностей по перениманию опыта внешних компаний. Мир «Экологичных эгалитарных городов»

отличается низким ростом доходов и умеренными социальными контрастами.

СЦЕНАРИЙ IV. Метрополии

В сценарии «Метрополии» преобладают города с населением свыше 10 млн жителей, служащие местом размещения крупных фабрик, огромных бизнес-комплексов и высотных многоквартирных домов. Экономическая активность сосредоточивается в компактных районах, где оптимально обеспечивается экономия благодаря пространству и разнообразию. Периферийные территории и малые города находятся в кризисе. В мире «Метрополий» города-победители получают все.

В технологическом плане сценарий «Метрополии» характеризуется прорывами в области нано- и биотехнологий. Большая сложность этих направлений требует масштабных исследовательских мощностей и значительного обмена компетенциями внутри больших корпораций для создания успешных продуктов. Несмотря на развитие информационных технологий, управленцы нуждаются в личных контактах с экспертами и инженерами для оценки технологического потенциала продуктов компаний. Такая схема требует географической близости между различными департаментами компаний.

В метрополиях компаниям легко найти деловых партнеров, центры знаний, работников и потребителей. Специалисты переезжают в метрополии для того, чтобы получить лучшую работу, найти наиболее интересные социальные связи и получить доступ к лучшим культурным и рекреационным услугам. В то время как метрополии расцветают, периферия отстает. Общественное неравенство крайне велико как между метрополиями и периферией, так и внутри метрополий, что создает большую проблему для эгалитаристского нидерландского общества. Для Нидерландов реализация сценария «Метрополии» несет в себе серьезный риск — в том случае, если на территории страны не будет сформирован свой город-метрополия, вся страна может стать периферией по отношению к городам-метрополиям других стран.

Алексей Козьмин:

ШАГ ИЗ ПОЗАВЧЕРА ВО ВЧЕРА

Беседовал
Артем ЖЕЛТОВ

/экспертное мнение /городская среда
/город для жизни

Алексей Козьмин — практик, работающий со стратегиями, генеральными планами и проектами застройки городов России, — как никто другой знает, чем действительность отличается от утопий. Он поделился с журналом «Если» своим видением реальных, а не выдуманных перспектив развития российских городов.

Алексей Павлович Козьмин — директор НИЦ Урбанистики и регионального развития Томского государственного университета, руководитель экспертного совета Сибирской лаборатории урбанистики. Урбанист, эксперт по региональному и городскому стратегическому развитию. Является членом экспертного совета лаборатории IMM DesignLab Миланского политехнического университета. Автор проекта развития Иркутской агломерации. Среди других проектов — создание промышленного парка ЗАТО Северск и рекреационной зоны Томской агломерации.

Индекс walkability (индекс пешеходной доступности) — качественный показатель, характеризующий удобство и безопасность территории для пешеходов.

Что для вас «город будущего» и каким вы его видите?

Для меня город будущего — это не футуристический город, а город ближайших 10–15 лет. У нас генпланы делаются на 20 лет, соответственно, можно говорить о городе через 20 лет.

Так вот, для меня город будущего — это зеленый город с маленьким количеством машин. Буквально, чтобы вышел на улицу — и не воняло. Это достаточно большие зеленые пространства, закрытые от машин, где можно ходить, думать, играть, работать. Для того чтобы работать, гуляя по городу, он должен быть еще и пешеходным, чтобы его индекс *walkability* был высоким. Я не люблю зарубежные фразеологизмы, но тут трудно подобрать термин — «*пешеходопригодность*»? Вроде ничего сверхреволюционного

и нового, но такой город сильно отличается от того, что есть сейчас в России.

Произойдут существенные изменения в городском хозяйстве. Поменяются электричество, вода, стоки, тепло — все, что мы называем ЖКХ. Управление этими процессами полностью автоматизируется. Будут широко применяться альтернативные источники энергии. Убираются угольные ТЭЦ, улучшается экология. И на лаге в 20 лет я вижу, что это реально.

Городской транспорт через 20 лет должен стать другим. Я удивляюсь, что Россия при такой цене на электроэнергию, особенно Сибирь, городами которой я занимаюсь, не уделяет внимания электротранспорту. Учитывая стоимость энергии в Красноярске или Иркутске, уже можно было бы развивать сеть электрических автозаправочных станций в расчете на рост производства электромобилей в ближайшие 5 лет. Амстердам, например, строит сеть электрозаправок и снижает тарифы, хотя там процент электротранспорта незначительно выше, чем в России. Города, которые вкладываются сейчас в электрические заправки, вкладываются в будущее своих транспортных решений.

Общественный транспорт тоже должен преобразиться, но здесь не будет сверхреволюционных решений. Будет совершенствоваться электрический общественный транспорт, например в Швейцарии эксплуатируется троллейбус с быстрой подзарядкой компании АВВ. В ближайшие 5–7 лет это войдет в общую практику. Распространится низковольтный трамвай, как в Ницце и Страсбурге.

В настоящее время в Соединенных Штатах, по данным Министерства энергетики, насчитывается 9650 станций для зарядки электромобилей, и это число продолжает увеличиваться. Рекордсмен по количеству электрозаправочных станций — Япония, где в начале 2015 года число электрозаправок превысило количество традиционных АЗС и составило 40 000.

В начале июня 2015 года на закрытом полигоне в Подмоскowie начались испытания первого российского беспилотного грузового автомобиля. Проект реализуется ОАО «КамАЗ» совместно с компаниями Cognitive Technologies и ОАО «ВИСТ Групп».

Надо присмотреться к беспилотным транспортным средствам и проследить, как они будут влиять на город. Регламенты их использования пока не разработаны, хотя эксперименты ведутся и в США, и в России. Массовый выход беспилотных транспортных средств в России — вопрос 15 лет.

Развитие технологий 3D-печати в строительстве уже сейчас позволяет печатать за сутки двухэтажный дом. Китай идет по этому пути, совершенствует технологию и будет печатать дешевые дома. Но в России в ближайшее время они вряд ли появятся: у нас колоссальная инерция строительной отрасли, до сих пор массово строятся типовые дома 1970-х гг. Понятно, что с такой инерцией сложно говорить о том, что в ближайшее время будут применяться новые технологии, потому что 3D-печать — это замещающие технологии для всей строительной отрасли. Если у нас в Красноярском крае или в Крыму начнет развиваться 3D-печать в строительстве, то целая отрасль производства стройматериалов останется не у дел. Но в индивидуальном строительстве в горизонте 7–10 лет подобные решения вполне возможны.

Какими станут города, с которыми работаете, — Томск, Красноярск — через 15 лет?

В новом генплане Красноярска многое сделано, чтобы создать зеленый каркас города. Там должны вырасти бульвары, которые соединят зеленые массивы и общественные пространства. Должен появиться скоростной общественный транспорт, хотя пока стоит вопрос выбора — скоростной

автобус или на трамвае останоятся. Появятся объекты Универсиады с красивой архитектурой, возможно — канатные дороги как вид транспорта, перешагивающий Енисей. Во всяком случае, они заложены в Генплан. Что касается жилья, ЖКХ — все находится в старой логике.

В Томске главный проект развития — университетский комплекс. Но пока каких-то мегановинок там нет. Система выстроена в советской градостроительной логике, на первом плане трубы, а не люди. Должно пройти много времени, чтобы стали видны результаты пересборки исторического центра города. В 2020 году мы сможем увидеть, как изменился Томск с развитием университетского кампуса. Но это очень небыстрый процесс.

Где, как, в каких формах сейчас зарождается «город будущего» в России?

Будущее формируется везде, даже там, где развития нет. Вопрос — какое и насколько оно соответствует представлениям о будущем тех, кто там живет, и нас, экспертов и практиков.

Прогноз у меня пессимистичный. Москва и Московская область будут продолжать расти, а города в других регионах — сжиматься. Малые города преимущественно вымрут, за исключением тех, что включены в крупные агломерации. Сохранятся те города, что обеспечивают предприятия — но только на перспективу работы предприятий. Чтобы система расселения была устойчивой, нужно, чтобы людям было выгодно жить и работать в конкретных местах. Ориентироваться надо на население, которое занимается сложной деятельностью: знаниями, новой экономикой, инновациями. Только тогда города и территории будут развиваться.

Если говорить о футуристичном подходе, инновационных технологиях, я думаю, сейчас их нет нигде в России. Была надежда на Сколково, но оно двинулось в другом направлении. Даже проекты, которые мы делаем в Томске и Иркутске — реновация городской среды, кампусы, новые кварталы, — это шаг из позавчера во вчера, а не в сегодня. Для нас все это новое, конечно, но если мы посмотрим на Шанхай, понятно, что он формирует образ будущего.

А Москва — не формирует. И я считаю, что если город — любой город — будет внедрять хотя бы небольшие элементы инноваций, футуризма (например, в Томске возьмут и запустят в историческом центре электрический автобус и покрасят его в зеленый цвет), это уже будет выглядеть как будущее.

Мы используем решения из прошлого. И надо сказать, что по-скольку заказчиком на городское хозяйство, транспорт и в целом городское развитие у нас в 95% случаев является городская администрация, это их вина. Потому что требования к продукту зашиваются в техническом задании. Например, ставить при ремонте или строительстве сетей пластиковые трубы или металлические? Ставить датчики автоматического учета с обратной связью по температуре теплоносителя или не ставить? Ставить инновационные решения по мониторингу ЖКХ или не ставить? Это зависит от города и от компании-поставщика энергии, и хотя их позиции часто совпадают, это административные решения. Пока политики перехода к новым технологиям нет, вряд ли что-то случится.

Шаблонные решения для модернизации городов существуют, просто они пока в России в наших условиях не окупаемы. Вот в чем проблема... поэтому бизнес в них не вкладывается, государство — тоже, хотя и по другим причинам. Разговор идет лет десять, но ничего в этом направлении не сдвинулось. У нас не запущены механизмы, обеспечивающие приход новых технологий в городское хозяйство.

Можно ли создать «город будущего» проектным образом?

Как показывает общая практика, все выбирают строительство города с нуля, «гринфилд». Потому что с нуля строить город будущего проще, чем модернизировать существующие города. Из известных проектов «умных городов» большинство — новые города: Масдар в ОАЭ, Сонгдо в Южной Корее, а из российских — Сколково и казанский Иннополис.

Но я-то считаю, что надо менять существующие города. Потому что новые города мы для всех не построим.

Женевьева Уильямс

Спасение Кип Банджери

Кип бежит.

Не успел отзвучать последний звонок Гимназиума, а она уже несется через весь город, скользя по крышам домов, небесным мостикам и скоростным поездам. Она прыгает с карниза Алмазной Башни, оскальзывается на поверхности гладуара, падает, успевает ухватиться за перила, подтягивает туловище, просачивается сквозь ограждение и использует остаток перенаправленного импульса, чтобы приземлиться на ноги. Перед Кип в глухой серой стене — полупрозрачный стеклянный цилиндр с отражением Башни, мерцающей за спиной. Кип здесь по приглашению. К чему именно — она не знает.

Может быть, Кроха и Ахмад хотят быть ее спонсорами. *Может быть.* Кип входит в число лучших фрираннеров города, она из тех, для кого архитектура — игровая площадка. А Кроха с Ахмадом, как известно, *обожают* фрираннерские гонки. И они в курсе, что в прошлом месяце Кип одолела Нарцисо — ну или, по крайней мере, ее спорт-личина это сделала. Узнать ее настоящее имя для Крохи с Ахмадом не проблема. Тем более что кое-какие программки она покупала в их магазине. В Гараже, где гнездуются изготовители мозгухи и великие хакеры от биоинженерии.

Цилиндр открывается. Кип заходит внутрь и терпеливо ждет, пока ее бомбардируют рентгеновские лучи и воздушные вихри. Следуя инструкции, она кладет ладонь на ридер и вздрагивает, когда тот впивается в нее, чтобы взять генопробу. Она тарашит глаза перед сканером сетчатки, с готовностью перечисляет свои приставки и усилки для доступа в Гараж, кашляет в синтетическую мембрану, которая, с вакуумным всхлипом заглотив образец, моментально переправляет его куда-то по пневмотрубе. Наконец, стекло перед Кип расходитя, и она выходит из цилиндра в необъятный Гараж.

Он действительно огромен, размеры не показаны даже на симуле. Гараж необъятен и ощущается пустым, невзирая на ученых, художников и генжинеров, которым повезло войти в кластер избранных: они трудятся в голографических рабстранствах, играют на эзотерических музыкальных инструментах, творят собственные визуализации, смотрят, как пузырятся и сочатся влагой биохимические водоемы в угаре размножения. Атмосфера насыщена машинным маслом и биологией. Когда зрение Кип, усиленное до почти кошачьей чувствительности, приспособливается, она понимает, что, за вычетом голограмм, освещен Гараж тускло. Еще тут очень тихо: уши улавливают лишь фоновое низкочастотное гудение и липкие, влажные звуки непонятно откуда.

Она отдала бы все на свете — ну, почти, — чтобы здесь оказаться. Круть в мультитриллионной степени. Не говоря о факторе финансов, менее эротичном, но более актуальном: Кип заканчивает Гимназиум через месяц и паникует при мысли о том, что ей придется жить в доме и под надзором родителей. Нерешительно — в конце концов, ее сюда пригласили — она шлет приветствие в местную амбиенту:

<<Привет?>>

Ни один творческий хмырь в луче обзора даже не глядит в ее сторону.

<<Отличное приземление. Прошу сюда>> На визоре мигает желтая стрелка, показывающая направление.

Кип шагает через лес колонн, впитывая инфу по максимуму, хотя, разумеется, ничего по-настоящему важного ей не покажут. Только пиар.

Кроха с Ахмадом опираются о край смутно освещенного резервуара в половину человеческого роста и глядят внутрь, на заполняющий резервуар гель. Тот идет пузырями, как кипящий рис. Кроха — невысокий, рыжеволосый, весь в татухах; телосложение у него вроде хрупкое, но мышцы прокачаны — итог либо серьезных тренировок, либо корневого ремастеринга. Вероятно, того и другого, ведь Кроха занимается в числе прочего телоинженерией. Ахмад высок и худ, с длинными ресницами, порхающими, как у модели, всякий раз, когда он моргает. Личные аспекты отношений Крохи и Ахмада — тайна для всех; кажется, эти двое не имеют ничего против. Однако их работа — и работа современных чародеев, которых они собрали вокруг себя, — породила серьезный гвалт и, что важнее, принесла им контракты с фантастическими барышами.

Их спонсорство было бы *такой* везухой.

Ни Кроха, ни Ахмад не поднимают взгляд, хотя явно знают, что она здесь. Подсветка генетического супа придает обоим неземную бледность. Лицо Крохи белесо, как у созданий, всю жизнь проведших под Улицей. Ахмад выглядит так, будто не спал неделю. В порядке эксперимента Кип пробует оттранслировать эти наблюдения в общую амбиенту.

Ничего не выходит. Они и в самом деле обнесли Гараж абсолютной защитой. Ни фига себе.

— Правило пиара номер один, — говорит Ахмад, не отрывая темных глаз от подсвеченного зеленым резервуара. — Контролируй весь гвалт. Ты можешь сообщить миру, что я не спал неделю, но не стоит доводить до сведения народа, что именно так я выгляжу.

Кип молчит. Что она может ответить? Она просто стоит на месте, позволяя им оценить себя.

— Есть работа, — говорит Кроха. Он тоже продолжает глядеть в резервуар. Отчужденность обоих настолько расходится с их пиаром — дружелюбие, открытость, зрительный контакт, — что Кип становится противно. — Курьерская халтура. На другой конец города.

Кип разочарована. Никакого тебе спонсорства. Мечта о легких деньгах, о спокойном освобождении от нависающей угрозы родительского контроля и окончания Гимназиума испаряется. Потом до Кип доходит, что именно они предлагают. Не спонсорство, нет... но почти такую же круть, как говорили когда-то и снова говорят сегодня.

— Наше предложение, — объявляет Ахмад, транслируя ей номер в амбиенте. — Можешь сравнить с действующими расценками. Мы подождем.

Кип сравнивает. Конечно, расценки на курьерские услуги очень разнятся, а идеальный поиск занял бы больше времени, чем позволяет вежливость. Но то, что Кип видит в амбиенте, ее радует, особенно когда Ахмад прибавляет:

— Сорок процентов авансом. Перешли нам свой счет.

— Что нужно переправить? — спрашивает она, уже готовая сказать «да».

Ей в лицо летит что-то маленькое. Она ловит предмет в воздухе.

— Вот это, — говорит Ахмад. Они так и не взглянули на нее, ни тот ни другой. В амбиенте между ними бежит поток болтовни, толстый, как труба, но, само собой, он зашифрован до чертиков — даже здесь, в святилище Гаража, — и Кип не может разобрать ни слова.

Она смотрит на предмет в руке и пробует его пинговать. Какое-то устройство для хранения инфы, конечно же. Что бы это ни было, на пинг оно не отзывается. С таким же успехом можно пинговать камень.

Разумно. Раз уж они не доверяют секрет амбиенте, значит, он охраняется лучше Гаража. Кип кладет предмет в потайной карман. Потайной для всех, кроме — теперь — Крохи и Ахмада, но у них есть все резоны никому о нем не рассказывать. Кроме этого предмета и ножа-бабочки с алмазным лезвием — Кип называет его «на-всякий-пожарный», — у нее с собой ничего нет.

— Бонус в двадцать пять процентов, если доставка займет менее получаса, — говорит Кроха.

Кип понимает намеки и уже бежит к выходу.

Цилиндр выбрасывает ее на один из полузакрытых переулков, змеящихся по средним ярусам города. Прежде чем отпустить Кип, цилиндр вытягивает авторуку, чтобы вколоть ей микс прививок от амбиентных вирусов и хаков, — стандартная процедура для всякого посетителя Гаража.

Тоже неплохо. Едва Кип выскакивает под дождь, как в амбиенте на нее нападают полчища запросов, зондов, коммерс-логанов, медийщиков, прилипал, трендоведов, гвалт-серферов и охотников за крутью. Разозлившись — почему ей не вкололи защиту от *всей этой дряни?* — она запахивает собственные фильтры.

Блаженная тишина.

Ноги в руки и вперед! Даже пары минут видимости, пусть Кип и хранила анонимность, достаточно, чтобы плотину прорвало. Никому не интересны неизвестные чуваки, заходящие в Гараж, но теперь, когда она оттуда вышла, по амбиенте разносится гвалт — «раннер покидает Гараж взяв что-то у Крохи и Ахмада глянем что происходит», — растворяющийся в непрекращающемся фоновом шуме десяти миллиардов онлайн-мозгов. Кип спешит на ближайшую маглев-станцию, совершает головокружительный прыжок на крышу платформы и приземляется почти как перышко.

Прибывающий с характерным гудением поезд сбрасывает скорость и порождает порыв ветра. Кип заскакивает

на крышу вагона, перчатки с гекко-пальцами и таби-кеды цепляются к поверхности.

Кроха и Ахмад не сказали, что ей надо ехать зайцем. Но билет — это инфа, а инфа — это внимание.

Кроме того, прыгать по поездам — *весело*. Ветер жестоко треплет ее короткие волосы, поезд разгоняется по каньону глубиной в милю, иглы дождя колют лицо и леденят кожу даже сквозь маску. Кип моргает, и на роговицы опускаются защитные линзы. Справа и слева мелькают блистающие стеклостены сверхнебоскребов. Кип ухмыляется, и ветер холодит ее зубы. Ехать еще двадцать семь минут и семнадцать секунд. Далеко впереди — открытое пространство и проблеск белизны: оvoid Облачного Шпиля на коротком кривом стебле. Цель Кип — адрес в верхнем городе по соседству. Недешевая недвижимость. Видно, Кроха с Ахмадом заполучили дьявольски выгодный контракт.

Это поручение нельзя запороть.

Бум. Крыша вагона позади Кип вибрирует от удара. Она оглядывается.

За ее спиной — стройная женщина в облегающем глянцево-черном костюме, прилепившаяся к металлу крыши магнитными туфлями. Зеркальные линзы женщины подкрашены голубым в тон губной помаде — ретро, но стильно. Темные лоснящиеся волосы собраны в плотный пучок на затылке.

Может быть, она — еще один курьер на задании. Или даже развлекающийся фрираннер вроде Кип.

Кип почему-то гложут сомнения.

Женщина улыбается, будто читает ее мысли.

Поезд сбрасывает скорость с затихающим воем. Все медленнее мелькают таблички «Бэттери / Южное Кольцо». Над платформой изгибается колея Кольцевой Линии — та опоясывает Облачный Шпиль, нигде его не касаясь.

Не успевают двери поезда открыться, как Кип соскальзывает с крыши направо, вливается в толпу, роящуюся на платформе,

и надевает одну из своих фальш-личин. Тщательного осмотра личина не выдержит, но для того, чтобы сбить женщину со следа, сойдет. Теперь — вверх и вниз по спиральным переходам, прочь с платформы в завитые улиточными домиками галереи, которые соединяют маглев-линии, пересекающиеся и расходящиеся на манер хромосом... Кольцевая Линия состоит из двух концентрических окружностей, внешней и внутренней. Следующий внутренний поезд, петляющий над заливом и затем идущий обратно в Магнолию и к озеру Юнион, прибудет через две минуты.

Кип шагает в толпе к одной из направленных вверх спиралей. Слишком медленно. Она бросает взгляд через плечо. Женщина стоит на крыше поезда. Зеркальные очки не позволяют увидеть, куда она смотрит, но голова женщины вертится из стороны в сторону.

Кип запрыгивает на поручень и, небрежно оттапывая чужие кисти и локти, кружит по спирали все выше и выше, до самой платформы. Люди видят Кип, но это ничего: через пару минут они все забудут. Амбиента помогает человеческой памяти и заботится о ней — кроме случаев, конечно, когда вы этого не желаете.

Наверху проносится тень. Кип вскидывает голову. Ничего.

Поручень выносит ее прямо на верхнюю платформу. До следующего состава — минута шесть секунд; Кип огибает несущую колонну, чтобы выбраться на крышу — оттуда будет легче запрыгнуть на поезд, — и оказывается лицом к лицу с женщиной в черном костюме и зеркальных очках.

Женщина глядит на нее сверху вниз и улыбается. Толпа, разделившись, огибает препятствие. Никто не обращает на них никакого внимания.

Кип ныряет обратно в толпу. Пятьдесят шесть секунд до поезда. Если женщина поставила на ней метку, затеряться в скопище людей не удастся. Но, может быть...

— Эй. Эйты.

Она реагирует, ошибка номер один, и усугубляет прокол, глядя по сторонам в поисках того, кто это сказал. Кип видит своего ровесника — худого паренька в солнечных очках, сильно смахивающего на Нарцисо, которого она побила на гонках месяц назад — и который тем не менее увел у нее девушку и больше с Кип соревноваться не будет.

— Ты перехватила инфу? Кроха и Ахмадда? Серьезное дельцеда? Расскажешь про это?

Черт. Скороговоруны.

— Шагай отсюда, — говорит она, уходя. Скороговоруны отвлекают тебя словами и пытаются хакнуть твой мозг. Кип не слишком переживает по поводу хака — Кроха с Ахмадом привили ее *неплохо*, — но парень ее *заметил*. А также распознал как курьера, работающего на Гараж. Какого черта? Неужто фильтры не работают?

— Даладнотебе, — протестует он, будто они флиртуют, хотя на флирт это совсем не похоже. — Мне просто помощь нужна, ты понимаешь да? Ты же умная да? Перваяходка?

Скороговоруны всегда словно задают вопросы. Это одна из их уловок, чтобы ты их слушал, а не врезал им как следует. Три минуты тридцать пять секунд. Кип идет быстрее и бросает быстрый взгляд поверх паренька.

От толпы отделяется женщина в глянцевом черном костюме.

— Нучтоты в самом деле. Подожди минутку? Эй знаешь ты клеваая, давай поболтаем пять минут? Десять? Как тебя зовут?

Ну хоть *этого* он не знает.

— Я сказала. Шагай. Отсюда.

Тридцать две секунды.

— Ну гляди сучка. Чертовасучка, я жестобой похорошему.

Он поносит ее на чем свет стоит, а она ныряет в толпу и уносится прочь.

Едва оказавшись вне видимости скороговоруна, Кип изготавливает одноразовую маску. Чистую, без фильтров, без личины,

но с ее внешностью: тонкая, смуглая брюнетка. Кип бросает луч обзора в толпу на платформе, находит пятно в AMBIENTE и запускает маску. И одновременно надевает свой самый тяжелый, самый непрозрачный фильтр.

И словно бы слепнет.

Дубликат Кип появляется в пятнадцати метрах поодаль, полностью видимый, но без меток; Кип надеется, что этого будет достаточно — она понятия не имеет, сколько инфы успел выудить из нее скороговорун. Люди рядом с допделем инстинктивно его избегают, хотя тот существует лишь в AMBIENTE. Скороговорун направляется к допделю. Ни его, ни женщину дубликат долго обманывать не сможет. Но, может, Кип этого времени хватит. Двадцать пять секунд.

Она разворачивается и быстро идет в противоположном направлении. Люди врезаются в нее, толкаясь в ожидании поезда. Проскользнув мимо пары нагруженных пакетами мужчин с ослепительными прическами и высокого андрогина, который, глядя вверх, декламирует стихи, Кип протискивается между людьми, толпящимися там, где откроются двери поезда. Активизированная защита не пропускает даже основные маркеры направления, не говоря об AMBIENTНОМ объявлении о прибытии поезда. Кип напрягается, только заслышав усиливающийся вой и свист ветра. Поезд приближается, а из толпы, даря допделю ноль внимания, выходит женщина в глянцевом черном костюме.

Не лучшая была идея.

Замедляясь и скуля, поезд влетает на станцию. Напротив Кип оказывается вагонный стык; она карабкается вверх, цепляясь пальцами рук и ног за металлическую поверхность, и расплывается на крыше. Поезд трогается. Кип чувствует облегчение.

Через край крыши перехлестывает тонкий черный шнур. Магнит на его конце с характерным звуком припечатывается к металлу. Через пару секунд появляется женщина, перебирающая шнур руками. Шнур очень тонок, костюм

женщины переливается, ее очки сверкают. Пальцы ложатся на шнур так изящно, что Кип невольно представляет женщину паучихой.

Кип сбрасывает фильтры на предыдущий уровень; прятаться в ambiente — значит оставаться ослепшей. Она моргает один раз, чтобы зафиксировать изображение, и запускает поиск по шаблону. Кольцевой поезд ускоряется, следуя в западном направлении. В дымке разноцветных огней мерцают последние сверхнебоскребы Сити. На этой скорости капли дождя превращаются в иглы, колющие Кип сквозь костюм. Ее преследовательницу дождь, похоже, вообще не волнует. Поезд закладывает вираж, огибая залив Эллиота. Кип сильнее вжимает пальцы в металл, чтобы ее не снесло на повороте. Женщина припадает к крыше, втягивая шнур.

Кип невольно ухмыляется. Это все по правде. По самой-самой правде. Она — курьер, работающая на Кроху и Ахмада, и кто-то пытается отобрать у нее груз. Офигеть.

Женщина крадется к ней. Кип щелкает еще один кадр.

Поезд закладывает очередной вираж. Вылетает шнур, впирается в крышу магнит, на повороте женщина переносит вес тела на бедро и, соскользнув, оказывается на три метра ближе к Кип.

Фрираннер. Трассер. Бывшая участница городских гонок. Это очевидно — с такими-то движениями. Однако поиск по шаблону пока ничего не выдает. Что невозможно — женщина должна быть похожей *хоть на кого-то*.

Состав замедляется. Элкай-Пойнт. Кип напрягается. Двадцать две минуты шестнадцать секунд. Когда поезд сбрасывает скорость, Кип распрямляется, как фрираннер на старте, и бежит. Сзади слышны шаги: сапоги не дают женщине передвигаться так же быстро, хотя пассажиры, которыми кишит платформа внизу, не замечают ни ее, ни Кип. А если и замечают, то забывают обеих через пять секунд. Лишь звук шагов напоминает Кип о том, от чего она бежит.

Поезд трогается. Кип падает на четыре точки, поворачивается вокруг оси на коленях, чтобы увидеть женщину, и цепляется за крышу, когда поезд берет разгон. Она моргает, делая еще один кадр, а женщина фиксирует оба сапога на металлической крыше вагона и выпрямляется.

«Соответствие. Достоверность: 67%. Код: Фидиппус Аудакс».

Кип снова моргает, но уже не потому, что хочет запечатлеть что-либо, хотя в комплекте с кодом получает пугающее изображение прыгающего паука, который дал имя ее преследовательнице. Просто это имя Кип знакомо. Оно несет с собой поток дополнительной инфы — частично из запоминающего устройства Кип, частично из общей амбиенты. Фидиппус Аудакс — личность легендарная, более того, она была первым трассером, которого Кип когда-то увидела. Малютка Кип стояла на платформе с родителями, держась за руку матери, случайно подняла взгляд — и увидела черную молнию, которая перескочила с крыши на поезд.

Пару лет назад, как раз когда Кип стала серьезнее относиться к жизни, Фидиппус Аудакс потерпела сокрушительное фиаско и исчезла.

<<Итак, ты меня узнала>> Голос, доносящийся до Кип из амбиенты, казалось, звучит внутри головы. <<Я еще сомневалась, узнаешь или нет. Шри Ганеша, ты всего-навсего малолетка>>

Кип мечет в Фидиппус Аудакс возмущенный взгляд. Боги, да мне скоро шестнадцать! Женщина хохочет, но встречный ветер моментально уносит все звуки.

<<Я не ребенок>>

<<Да ладно. Ты ведь даже не знаешь, что за груз несешь, верно? Давай его сюда, уладим дело без эксцессов>>

Настает очередь Кип смеяться. Она играла в трилл-погони с диалогами получше этого. <<Шутишь? Если я потеряю груз в первую же доставку, как это будет выглядеть?>>

<<Ты будешь не первой>> Фидиппус Аудакс поднимает руку, и Кип видит нацеленное на нее запястье. Женщина движется столь плавно, что Кип едва успевает поднырнуть под высокоточный шнур, летящий ей в голову. Обнаружив на месте цели пустоту, шнур так же быстро вытягивается. <<Мне тоже приходилось несладко>> Шнур бьет вновь. На этот раз Кип не успевает отклониться. Что-то жалит ее в щеку.

Она отшатывается, намеренно подавшись вправо в тот момент, когда поезд делает вираж. Дождь не перестает, и тело скользит по мокрому металлу легко — даже слишком легко. Кип перекачивается на спину. Пальцы ее рук и ног отлепляются от крыши. Кип срывается и падает.

Шнур оплетает ее левую руку, потом перехватывает талию, и Кип повисает в воздухе, глядя на волны внизу. Опоры проносятся мимо со скоростью 160 километров в час. Впереди проступает залитая светом громада Сиэтл-Центра; кажется, что бледная арка станции и синие огни притягивают поезд, даже когда он замедляется.

Крутя головой, Кип рассматривает днище вагона, парящее над магнитным рельсом так, будто вот-вот его обнимет. Шнур исчезает за формованным изгибом верхней части поезда. Фидиппус Аудакс отсюда не видно — только панораму города, проносящуюся над вагоном.

<<Не волнуйся, милая, я тебя держу>> Шнур вытягивается. Кип ударяется о стену вагона и прилепляется к ней. Пассажиры, смотрящие в окно, ничего не замечают. <<Вот так. Вообще-то я спасла тебе жизнь. По мне, эта услуга стоит мелкой инфы, которую ты несешь>>

Кип даже и не думает отвечать. Дотянувшись свободной рукой до правой ноги, она вытаскивает алмазный нож-бабочку и режет шнур.

Ничего не происходит. Она давит на лезвие. Шнур тянет ее вверх. Фидиппус Аудакс смеется. Кип смотрит на нее, а лезвие

ее ножа — алмазное лезвие, лучшее, которое она могла достать, — не устает терзать проклятый шнур.

Тот поддается, и Кип оказывается в воздухе. Она почти успевает поджать ноги для твердой посадки на платформе станции Сиэтл-Центр и по инерции катится кувырком. Поезд скулит, останавливаясь. Сапоги Фидиппус Аудак касаются платформы.

— Серьезно? — говорит она, шагая к Кип. Ее живой голос поражает — он глубже и резче, чем в ambiente.

Кип встает и бежит, взбирается по бетонной декоративной стене, окружающей часть платформы, показывает Фидиппус Аудак фигу и перемахивает через стену. Архитектура тут блочная, со множеством геометрических бетонных глыб и орнаментов. Лучшего рельефа для фрианнера и представить нельзя: бегай по стенам, карабкайся, перескакивай, прыгай... Кип прокладывает маршрут к цели — до нее уже близко, никаких больше поездов, — и переходит в суперскоростной режим. Остается семнадцать минут.

На бегу она сканирует ambiente, надеясь, что ничего не найдет. Она даже пару раз оборачивается, пусть это и рискованно. Фидиппус Аудак нигде не видно.

Через восемь минут сорок секунд — до вожделенного бонуса Кип остается восемь двадцать — она мчится в стеклянном пузыре вверх по стене одного из сверхнебоскребов, которые опоясывают Облачный Шпиль: они кучкуются у тонкого стебля в основании конструкции и изгибаются, подобно листьям цветущего растения, по мере того как расширяется овоид. Водопады и фонтаны света струятся между зданиями, логотипами, абстрактными узорами и гигантскими улыбками Моны Лизы. Раз клиент Крохи и Ахмада может позволить себе недвижимость в этом месте, значит, он располагает серьезными ресурсами. В виртуал с концами уходят только те, кому не по карману бетон.

Пузырь довозит Кип до площадки с тремя стенами; с четвертой стороны — перила в метр высотой, защищающие от падения

с шестьдесят пятого этажа. Стены тут — черные стеклянные листы, по которым метеорами бегут сверкающие световые потоки; дверь в стене напротив перил неотличима от окружающего ее стекла. На площадке никого нет. Кип направляется к двери.

С громким щелчком за перила цепляется шнур. Следом появляется Фидиппус Аудакс: втягивая шнур, она перебрасывает ногу через перила и, помогая себе рукой, прыгает на площадку.

Пять минут тридцать пять секунд. Неважно.

Амбиента трещит от смеха. <<Ты умна и быстра, но это финиш. Давай сюда чип>>

«Черта с два!» На площадке царит тишина, если не считать дождя; говорить живым голосом в амбиенте ни к чему.

<<Я могу просто убить тебя и забрать чип>>

«После того как ты спасла мне жизнь?»

<<Может, я не хотела нырять с аквалангом в залив>>

Кип бьет озноб — дождь словно превратился в лед. В амбиенте она лучше всего умеет прятаться и убегать. Но, кажется, Фидиппус Аудакс безо всяких усилий запоминает ее... и находит.

Дрожа, Кип готовит новую одноразовую маску. Ничего лучше она придумать не в состоянии. Кип выбирает точку в географии амбиенты чуть дальше от того места, где стоит сама, и запускает маску. Та мгновенно перемещается в избранную точку.

Кип отпрыгивает, скрываясь в амбиенте за маской; ее тело камуфлируется голограммой, которую женщина теперь принимает за Кип.

Шнур обвивает запястье Кип, сбивая ее с ног. Она кружится и валится на пол. Женщина втягивает шнур. Тело Кип скользит по гладкой площадке. Фидиппус Аудакс подтягивает Кип к своим ногам, тянется к карману, о котором никто не знает, и вытаскивает чип.

Кип достает нож. Рука, держащая чип, бьет стремительно. Пальцы Кип немеют. Нож отлетает в сторону.

<<И это все?>> Женщина подносит добычу к глазам, без труда удерживая пленницу одной рукой. <<Они записали инфу на гадский чип?>>

Кип пожимает плечами. <<Больше мне ничего дали>>

<<Ну конечно>> Фидиппус Аудакс наклоняется к Кип и целует ее. Кип вырывается, но язык Фидиппус Аудакс тщательно обследует ее рот.

<<Вот оно. Не держи обиды, дорогая>> Три минуты двадцать три секунды, хотя какая теперь разница. <<Фокус с маской мог удасться, если бы не я его придумала>> Она отпускает Кип и исчезает за перилами, оставляя ту в одиночестве под дождем.

Бесконечный миг — <<две минуты шестнадцать секунд>> — Кип стоит не двигаясь. Ее руки превратились в свинцовые гири. Дождь холодит ей лицо, сейчас он холоднее, чем на протяжении всей ночи.

Ей никогда не стать курьером. Одна простая доставка с одного конца города на другой — и Кип села в лужу. В глубокую, холодную лужу.

Она не представляет, как пойдет теперь домой. Ей хочется сбежать, может, даже за пределы сети, прочь от новости о провале, гвалт о которой вскоре пойдет по амбиенте. Неважно, сколько гонок она теперь выиграет, — никто никогда не забудет, что ее наняли Кроха с Ахмадом, а она все запорола.

Что-то щекочет ее в амбиенте. Она поворачивается.

Дверь открыта. <<Заходи>>

Оцепеневшая Кип проходит через две двери и попадает в переднюю, ярко освещаемую логотипом весьма известной городской корпорации. Здесь никого нет, кроме нее и маленького мужчины, стоящего у медицинского робота.

— Вот ты где. — У мужчины мягкий, приятный голос, как у координатора яслей в Гимназиуме. Он ниже Кип и бледнее даже Крохи. — Подойди-ка, если хочешь заработать бонус, у нас мало времени.

Кип не двигается.

— Я потеряла груз. Я ничего не заработаю.

— Ну что ты такое говоришь, — мужчина тихо смеется. У Кип мурашки бегут по телу. — Это же похищенное письмо¹, дорогая. Иди сюда, ну.

Он машет рукой роботу, тот крутит головой и шевелит антеннами.

— Откуда вы знали, что я доберусь до цели? Эта женщина могла дать мне утонуть.

<<Ты раннер>> Голос принадлежит не мужчине. Это чей-то еще голос, доносящийся из какого-то другого места. <<Мы знали, что ты доберешься, даже если «пустышка» не сможет>>

«Пустышка». Черт подери.

Игла робота быстро колет ее и всасывает немного крови. Лицо робота светится. <<Получение подтверждено>> В ambiente робот кажется довольным. Того, кто наделил роботов возможностью выражать эмоции, стоило пристрелить.

И остаток договоренной суммы, включая бонус, падает на счет Кип. Она этого почти не замечает.

— Что эти два придурка мне вкололи?

<<Что это было, черт подери>>

Мужчина удивляется.

— Ключ. Только и всего.

— Ключ.

С этим ответом в Кип вливается знание, расшифровать которое она не может. Цепочки ДНК, геномы, генетические коды... <<Что>>

— Ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться, — мужчина улыбается, будто стараясь в чем-то ее убедить. — Твои друзья располагали важной инфой, которую хотели переслать. Они использовали твой геном, чтобы спрятать инфу от других друзей,

¹ Намек на рассказ Э.А. По «Похищенное письмо» (примеч. пер.).

которые очень хотели бы ее заполучить. Потом они превратили тебя в ключ.

Она глядит на ранку на руке.

— М-да.

Можно было передать груз «пустышке» и не лезть вон из кожи, пытаюсь убежать...

<<Нет. Ты должна была думать, что иначе нельзя>>

— Ну и к черту.

Руки чешутся дать этому добренькому маленькому доктору или кто он там, по роже. Беда в том, что стоит Кип сдвинуться с места, как робот стрельнет в нее анестетиком. Кстати говоря...

— Эта женщина. Фидиппус Аудакс. Она меня поцеловала. Значит, она знает все про мои гены.

Доктор пожимает плечами.

— А это неважно. Твой геном есть в амбиенте, как и геномы всех людей. Она украла ключ, но не сможет добраться до почтового ящика, так сказать. И никто не сможет, кроме законного получателя письма. Не беспокойся, — повторяет он. — Ты передала груз. Твоя работа выполнена.

За спиной Кип шипит выходящий воздух.

— Ты можешь идти.

Кип понимает, что ее гонят, и идет к двери.

— Разве что, — продолжает мужчина, — такая работа тебе по нраву.

Кип замирает. Разворачивается. Глядит на мужчину.

— Что?

— Ты талантлива. Мы это понимаем. Возможно, мы могли бы сотрудничать... на постоянной основе.

Кип таращит глаза.

— Но я запоролла задание.

— Я же сказал: это не так.

Она понимает. Кроха с Ахмадом обдурили всех. Они такие. Она ничего не запоролла, не по-настоящему, даже если ей

кажется иначе. История о том, как она почти добралась до места и была остановлена в последнюю секунду, уже распространяется по ambiente. Но это всего-навсего история. У клиента Гаража есть какой-то код, или какая-то инфа, или что-то такое, о чем не знает никто, кроме Кип. Кто станет ее слушать, если с точки зрения ambiente она проиграла?

Чертов пиар.

И она знает, что ей сейчас предлагают. Бегать она может. Но они хотят знать, по силам ли ей стать курьером, а это уже совсем другое дело. Все будут считать ее неудачницей, и она исчезнет.

Они хотят, чтобы она была как Фидиппус Аудакс.

И это — решающий довод.

— Где расписываться?

© Даниил «ДАНР»
Кузьмичев, илл., 2015

Перевод с англ.
Николая Караева

© Genevieve Williams.
The Redemption of
Kip Vanjeree. 2014.
Печатается с разрешения
автора. Рассказ впервые
опубликован в журнале
Azimov's.

Женестьева УИЛЬЯМС (Genevieve Williams)

Известна читателям по публикациям в таких популярных журналах, как *Strange Horizons* и *Asimov's Science Fiction*, и антологиях *Future Games* и *Beyond the Pillars*. Живет в Сизтле и работает академическим библиотекарем в Тихоокеанском лютеранском университете. Пишет в самых разнообразных направлениях научной фантастики, от проблем распространения информации до классических греко-римских тем. Будучи выпускницей известного писательского семинара *Clarion West*, недавно получила звание Магистра изящных наук (MFA) по специальности «Популярная литература» в Университете Южного Мэна.
Сайт: welltemperedwriter.wordpress.com

О ИОИЧИРО

В 2038 году ослепительный белый свет опустился на центр Токио и стер воспоминания более чем у миллиона человек. Причина трагического явления не выяснена, и исцеления нет. По приказу правительства все жертвы были переселены в подземный город. Мало кто понимает, что колония людей, утративших воспоминания, становится основой для создания новой цивилизации...

Издательство Terra Fantastica представляет Самые фантастические истории в мире!

Когда легендарный король воров Ишикава Гоэмон узнает, что из императорского дворца под усиленной охраной будет вывезено некое сокровище – древний артефакт «шкатулка Лунной мелодии», – он не может удержаться, чтобы не украсть его. Захотеть-то легко, гораздо труднее исполнить задуманное, а еще сложнее – справиться с содержимым шкатулки! Учитывая, что коробочка имеет способность «выхватывать» людей и предметы из будущего...

Олег Дивов

Мы — трактористы

Мы — трактористы, других таких нет. Редкие люди, штучный товар. Ребята с добрыми глазами, собачьим нюхом, крепкими нервами и особыми умениями.

Я в профессии один из старейшин и отцов-основателей, уважаемый человек. Сейчас я сижу в кафе на втором этаже торгового центра «Мономах» — вот же тупое название — и таращусь в окно другого торгового центра с еще более тупым названием. Наблюдаю за парнем, которого тихо ненавижу. Он ни в чем не виноват, просто самим фактом своего существования губит мой бизнес и убивает нашу профессию напрочь.

Молл «Золотой век» ничем не лучше других, но уличный поток заметно тормозит перед ним. И прохожие здесь — обычные горожане: очки на глазах, затычки в ушах, торопливый шаг. Но каждый сбивается с шага на подходе к огромной стеклянной коробке. И если у человека хотя бы пять минут в запасе, его будто пылесосом втянет в магазин.

Я-то знаю, кто творит это невинное колдовство.

Ресторан на втором этаже «Золотого века» забит до отказа. В углу, спиной к залу, сидит Яценко и монотонно работает суповой ложкой. Борщ там вкуснейший, к нему бы еще графинчик водочки со льда, но трактору на работе выпивать не положено. Яценко буквально с одной рюмки впадает в меланхолию, начи-

нает жалеть себя — творческая натура, гений непризнанный, — а для трактора это гроб. Трактор должен твердо помнить, что он симпатяга, несет радость людям и все его обожают...

— У нас на третьем открылся слот.

— Ну и закрой его.

Будь моя воля, этот Яценко не просыхал бы.

— Хочет Ефимова на третий.

— Раз сама хочет, ей виднее, пускай идет. Время не забудь проставить.

Трижды я подкатывал к Яценко с предложением вписаться ко мне в бригаду, и трижды он меня посылал, весьма презрительно. Его понять можно. У меня пахнут обычные трактора, а этот тип, если идти по аналогии — карьерный самосвал. Ему каждый день твердят, что он уникал. И ведь не врут.

«Аттрактор» термин расплывчатый, так называют мастеров активной рекламы, способных формировать и транслировать позитивные образы на местности. Мы работаем, что называется, «в поле», физически подтягивая клиента к товарам и услугам. Даем людям мягкий посыл: «Не проходите мимо». Как именно мы это организуем, наши заказчики в общем и целом знают, но не очень верят, ибо магия и колдунство. А нам все равно, была бы честь предложена. Поэтому для клиентов я тоже просто «аттрактор», и пускай, мне не жалко. Но внутри профессии мы четко разделяем, кто здесь трактор, а кто тракторист.

Трактор, он машина добрая, но туповатая, сдуру задавить может.

Тракторист делает так, чтобы трактор давил кого надо и не насмерть.

Были у меня в бригаде, еще в первом составе, два напарника, Лёха и Лёха, узкие специалисты — вызывали у прохожего народа стойкое желание развлечься и отвлечься от суеты будней. Шарашили позитивом метров на пятьдесят во все стороны. Если в торговом центре был кинотеатр, я их туда сажал прямо с утра, и они,

что называется, кассу делали. А потом Лёхе с Лёхой подбросили халтурку на стороне — пригласили открывать ирландский паб. Я не возражал: пусть ребята подработают в выходные и расслабятся заодно. Они и расслабились: отпахали в том пабе лишних трое суток по собственному почину и за свои деньги, с короткими паузами на пьяную драку и визит в полицейский участок. Дрались эти балбесы со мной, когда я приехал их вытаскивать. Из участка их вызволял тоже я, естественно. После чего две неблагодарных скотины завалились обратно в паб, и вскоре он закрылся навсегда, потому что Лёха и Лёха разнесли его в клочья. Спасибо, не своими руками. Просто им стало в какой-то момент окончательно хорошо, и парни сгенерировали атмосферу типично ирландского буйного веселья, как они это себе представляли, да еще с поправкой на русский колорит. Поблизости хватало питейных заведений, и Лёхи собрали теплую компанию: еврей со скрипочкой, цыгане с медведем, голые бабы (изначально это был стриптиз), свадьба, поминки, футбольные болельщики, компания байкеров и бухой в дымину экипаж дорожно-патрульной службы: гулять так гулять.

Медведь, бедняга, как сообразил, чего творится, все удрать порывался — на него наше тракторное колдунство не действует. Говорят, едва откачали потом несчастное животное.

Я бы после такого сам себя уволил за потерю бдительности, но успел проявить оную бдительность раньше и своевременно уволить этих двоих. Прямо как вышел из полиции, увидал, куда Лёха и Лёха опять намылились, попросил их одуматься, выслушал ответ, так и побежал увольнять, пока не началось.

Нам даром не нужны добрые волшебники, несущие радость людям в приказном порядке. Это всегда плохо кончается. У нас в контракте записано: сиди, зараза, смирно и наслаждайся жизнью, избегай контактов, никого не провоцируй, никем не манипулируй. Ты — активная реклама, вот и прикидывайся биллбордом. А не психотронной пушкой, каковая ты есть в реальности. Тебе запрещено на работе нервничать и напиваться, впадать

в тоску и влюбляться. Иначе, куда ты стрельнешь и как именно, неизвестно, но точно мало не будет. Никто ничего не докажет, поскольку сам факт существования тракторов наукой не признан, но совесть-то надо иметь...

— Ефимова на месте.

— Понял. Свистни Чуркиной, чтобы готовилась тоже идти на третий.

— Почему?

— По кочану. Увидишь.

Два молла, два одинаковых стеклянных ящика, разделяет широкий бульвар. В «Мономахе» моя тракторная бригада орудует уже несколько лет, это наша территория. Пока что наша. Год назад «Золотой век» тоже был наш. Потом они наняли Яценко, и мне вежливо, с извинениями, предложили выметаться. Пришлось четверых из бригады перевести в резерв. Думаете, так просто человека списать, если для тебя каждый трактор — почти дитя родное? Ты их всех отыскал, натренировал, замотивировал, регулярно кому слезы утирал, а кому и сопли... Держимся теперь за «Мономаха» зубами. Постоянно кто-то из моих на ступеньках ошиивается, чтобы прохожих с улицы цеплять.

Мономах, трам-тарарам. Золотой век, растуды его туды. Я так привык к этой всепобеждающей пошлятине, что названия торговых центров уже почти не бесят. О том, что во мне осталось еще нечто человеческое, вспоминаю, только когда вижу на ближайшей помойке надпись: «ООО „Тайфун“», вывоз мусора». Прямо душа отдыхает...

Я слежу за Яценко через бинокль с лазерным дальномером и жалею, что это не оптический прицел. Ох, запустил бы ему прямо в тарелку. Думаете, господин Яценко борщ кушает с невинным видом? Он мои деньги пожирает и мою профессиональную репутацию заодно.

Сейчас в радиусе ста метров от этого милого господина всякая живая тварь испытывает неосознаваемое желание замедлить

шаг и оглядеться: нет ли в поле зрения чего интересенького? Вкусненького? Симпатичненького? Что можно купить за деньги и тем порадовать себя?

А ресторан, где Яценко наслаждается борщом, не абы где, он вблизи геометрического центра молла, но вынесен к наружной стене. И один-единственный Яценко весь молл накрывает, да еще с улицы тянет публику.

Моих людей на молл такого размера нужно шесть-семь лучших, продуманно расставленных по слотам. И элемент удачи в нашей работе тоже никто не отменял. Мы об этом твердим заказчикам каждый день.

Тем временем на рынке активной рекламы возникают отку-да ни возмись такие персонажи, как Яценко, и в одиночку кроют мою бригаду, как бык овцу. Рекрутеры надувают щеки: вот мы молодцы! А меня начальство спрашивает: дядя Вова, дорогой ты наш, почему твои люди не умеют так? Чтобы в одну харю — да целый торговый центр осчастливить? Или они просто лузеры? Или ты не умеешь с ними работать? Или просто ты уже не тот?

И возникает у начальства естественное подозрение: разумно ли нанимать целую банду лоботрясов при менеджере, секретаре, охраннике, враче и водителе — на работу, которую может, оказывается, делать один талантливый от природы человек.

По счастью, тракторных бригад в городе с десяток, а талантливых одиночек на сегодня выявлено трое, и как все творческие личности, ценник они ломают зверский, но стабильностью не отличаются. А отличаются, напротив, замашками непризнанных гениев, то есть склонностью к задиранию носа и творческим кризисам, сиречь запоям. У меня в бригаде если случится, например, черная меланхолия или припадок алкоголизма на рабочем месте, я всегда могу человека заменить. Бригада — это надежность. Собственно, на чем держатся наши теплые отношения с дирекцией «Мономаха»: день за днем мы уверенно засасываем с улицы народ и обеспечиваем его движение по моллу. Иначе

было бы в «Мономахе» хоть шаром покати: место исходно неудачное, тут не торговый центр, а офисный надо ставить. Меня такая ерунда давно не удивляет, как и пафосные названия. Мое дело маленькое: гони волну, создавай толпу...

— А мы обедать сегодня будем?

Снимаю очки, тру переносицу, гляжу на своего помощника. Мы час назад плотно перекусили. Не может такого быть, чтобы Яценко парня достал аж через бульвар. Но проверить надо.

— А посмотри-ка сюда, молодой человек...

Ваня послушно задирает очки на лоб, а глаза хитрые-хитрые. Нормально все, живой взгляд, разумный, как раз по нему я парня выбрал. Молодой просто, вот и голодный постоянно. И шутки любит дурацкие.

Ну, это пока. Это на него еще ни разу мощный трактор не наехал, так чтобы в блинчик раскатало. Когда очухаешься, полным идиотом себя чувствуешь: головка бо-бо, денежки тю-тю и желания прикалываться ни малейшего.

— Ты меня не пугай, — говорю.

— Да я пошутил. Он ведь бьет на сто метров, а тут сто тридцать.

— Не зарекайся. У тракторов бывают иногда такие... Выхлопы. Протуберанцы. Вот Ефимова, которую ты на третий этаж двинул. В ее файле записано: она работает стабильно на двадцать метров. Только у нее поле — будто амеба, шевелит ложноножками... Какой там слот открылся? Це-пять, верно?

— Верно, три-це-пять, это...

— ... кофейня, я помню. Вокруг ничего интересного, зацепить ей там некого, кроме случайных прохожих. А теперь, как говорится, следи за руками. Думаешь, Ефимова просто кофе с пирожным захотела? Фигушки, она опытная и цену себе знает. Видишь, там вдоль стены точки с фастфудом? До которых Ефимова, если верить ее файлу, не достанет? Ничего-ничего, сейчас она кофейку долбанет, эклерчик слопает, еще полчаса —

и изо всех этих гамбургерных народ потянется на другую сторону, хлестать кофе ведрами. А когда откроется це-семь, Ефимова нам позвонит и напомнит, что надо туда сажать Чуркину. А я вежливо отвечаю, что не вчера родился и Чуркина уже идет. Она, кстати, долбит строго на двадцать метров. Очень стабильная дама...

Ваня глядит в карту, прикидывая взаимное расположение слотов це-пять и це-семь. Ничего не понимает. Я молчу. Парень не выдерживает:

— Ну и?..

— Сам увидишь, как эти две слабачки войдут в резонанс и всю линию «Ц» накроют от стены до стены. Из таких мелочей наша работа и состоит: знать, что могут сотрудники, как они между собой взаимодействуют. Запоминай.

— А почему в файле этого нет?

— Потому что нестабильные факторы никого не интересуют — ни начальство, ни клиента.

Суровая правда жизни. Клиент хочет твердых гарантий. И начальство хочет твердых гарантий. Но мы с тобой, друг мой Ваня, живем не гарантиями, а процентом с оборота. И у нас другая суровая правда: умей вертеться.

И еще — люби свой персонал. Распоследнюю заразу — люби всем сердцем. Тогда и зараза к тебе проникнется рано или поздно. И начнет выдавать результаты, о которых в личном файле не написано, потому что их таких не может быть. И запомнит твоя любимая зараза, что это ты ее выпестовал, раскрыл ее способности: товарищ, друг, учитель, кормилец и вообще отец родной.

А заразе это умереть как важно — чтобы был у нее отец родной, поскольку девять из десяти тракторов несчастнейшие по жизни существа, неприкаянные и неустроенные, застенчивые и неуверенные в себе, несмотря на весь свой бешеный животный магнетизм.

Человеку нужен друг, трактору нужен тракторист...

— Открылся це-семь!

— Посылай Чуркину и передай от меня, чтобы не стеснялась. Ну, в разумных пределах...

Центр слота це-семь — литературный салон, а Чуркина у нас запойная читательница. Я испытываю почти физическое наслаждение от того, что могу послать человека туда, где ему нравится быть, и это не винный магазин.

Алкоголь для моей бригады запретная тема в принципе. Могу посадить человека в кабак, но пить он не будет; могу отправить в винный, но что там купишь, честно сдашь до окончания смены, потом хоть залейся, а на работе — ни грамма. Закон такой, а кому не нравится, увольняйся. Есть бригадиры, которые не боятся связываться с бухлом и позволяют своим тракторам его рекламировать, а у меня опыт тяжелый: спасибо, не надо. У меня после Лёхи и Лёхи еще Бородадзе случился. Как я его профукал — до сих пор стыдно.

Золотой был дядька Саша Харадзе по кличке Бородадзе — с бородой потому что, сами догадались уже. Тоже узкий специалист, товары общего потребления так себе продвигал, а пусти его в зоомагазин — вся округа побежит за собачьим кормом и кошачьим наполнителем. Мы пытались замеры делать, вышло до полукилометра. Ну вот любил мужик зверушек. А потом у него проблемы в семье начались, он загрустил, мне ничего не сказал, я только смотрю: выработка упала резко. Я его и так и сяк расспрашиваю — да нет, говорит, нормально, справлюсь. Не подведу бригаду. Ну и справился, не подвел: начал фляжку с виски на работу таскать для поднятия настроения. Приходит нормальный, доктор его допускает, к обеду Бородадзе уже отлично себя чувствует, зоомагазин буквально выносят, все прекрасно. Ну прошляпил я это дело, прошляпил. А через неделю бросили нас на усиление в только что открывшийся «Золотой век», и угораздило меня попросить Бородадзе отстоять пару часов в винном отделе. И через означенную пару часов публика туда рванула, будто на распродажу. И увидел я, как выносят

винный отдел, в центре которого развеселый трактор хлещет прямо с витрины «Джемисон» из горлышка, а вокруг еще человек пять таких же присосавшихся, кто с простонародной белой лошадю, а кто и с благородным макалланом, и перепуганная охрана пытается их оттаскивать, да не на тех напала. Я челюсть подобрать не успел, а этот клуб любителей виски уже настучал охране бутылками по головам на изрядную сумму, а конкретно Бородадзе — на уголовное дело, каковое просто чудом закрыли по соглашению сторон. После чего убитый горем Саша ушел в глубокий штопор, и больше мы его не видели, а меня наконец-то с работы выгнали. Правда, через пару месяцев я уже в другом рекламном агентстве числился, и с той же самой бригадой под началом — потому что, говорил уже, любить надо своих людей, а они тебе сторицей отплатят, — и окучивали мы «Мономах», но это к делу не относится.

Тяжела и неказиста жизнь простого тракториста.

У нас есть методика выявления аттракторов, есть несколько схем типовой расстановки, есть удачный бренд «активная реклама» — лично придумал, горжусь, — и есть наконец опыт впаривания нашего колдовства заказчикам. Больше нет ничего, все на интуиции. Мы даже не представляем толком, как объяснить механизм воздействия аттрактора на потребителей. Сами не знаем. Мы просто говорим: поверьте, они работают. И они работают. Люди к аттракторам тянутся, им хорошо там, где аттракторы есть, люди стараются задержаться поблизости — и что-нибудь в эpsilon окрестности непременно производит на них приятное впечатление. Тогда люди это покупают... Какие ваши доказательства? Сугубо материальные. Разница между оборотом торговой точки самой по себе и той же точки, усиленной аттрактором, настолько ощутима, что игнорировать ее нельзя. Тем и живем, на том и стоим.

А потом так вышло, что, продвигая активную рекламу, делая ее модной, мы сами выкопали себе яму: рекрутеры стали

наткаться на уникамов вроде Яценко, способных в одиночку переплюнуть лучшую тракторную бригаду.

Да, Яценко недешев, и на него работает такая же группа поддержки, как у целой бригады. Но Яценко один, а у меня тракторов штатно десять, да плюс резерв, который в трудные дни выходит на линию весь, итого до пятнадцати. И каждому вынь да положь «представительский» бюджет, чтобы человек не болтался по магазину неприкаянный — иначе он не удовольствие будет у посетителей вызывать, а подозрение и раздражение, несмотря на всю свою харизму... И минимальная зарплата, и соцпакет, и налоги, и черт знает что еще. В копеечку влетает бригада.

Поэтому негласно, чтобы трактористы не знали — ха-ха три раза, все мы прекрасно знаем, — дана команда: искать, искать и еще раз искать мощных аттракторов-одиночек. Чтобы работу бригадами потихоньку свернуть.

Особенно такая перспектива угнетает сегодня, когда «Мономах» должен перезаключать контракт с нашим агентством. Вот прямо сейчас они с моим начальником разговаривать должны. Почему я не нервничаю — да потому что бесполезно. Мы свою работу делаем четко, а чего этому мономаху в его шапку взбредет, от меня не зависит...

Звонок в левом ухе, значит, не по работе, личный.

— Вовик! Дружище!

Старый мой приятель Бобик — и, похоже, нетрезвый.

— Роберт! — говорю строго. — Я на боевом посту, значит, если что-то срочное — излагай, а если до вечера подождет...

— Вовик! Представь себе, меня баба бросила!

Бобик у нас, понимаете ли, большой ученый, доктор философии, поэтому в быту изъясняется предельно четко и ясно.

— Представляю, — говорю. — Они тебя постоянно бросают, мог бы уже привыкнуть, тем более, немедленно появляются новые и каждая следующая моложе и симпатичнее.

— Моложе — это да... Дальше уже только малолетка. Это у меня от неуверенности в себе... Вовик, как же мне хреново...

Бобику всегда хреново, и вокруг него перманентный апокалипсис. У него под окнами на светофоре что ни день авария, а соседи если не пьют горькую, так дерутся. Уточняю: все соседи, весь дом на двести квартир. Говорят, место проклятое. Ага, поверил. Я же тракторист, дорогие вы мои. Я Бобика насквозь вижу. И слишком давно его знаю — набрал статистику. Ему достаточно куда-нибудь прийти, чтобы там все посыпалось. Молодые и неустойчивые структуры он просто уничтожает, старые и крепкие — расшатывает. Попросите Роберта написать статью для вашего нового сайта — сайту конец. Публикуйте его почаще в вашем научном журнале, чтобы журнал загнулся. Бобик — убийца розничной торговли в радиусе трехсот метров от места прописки, там ни один магазин дольше года не живет. Он свой родной институт почти до закрытия добил, но пока не справляется, институту все-таки под сотню лет, почтенное учебное заведение с богатыми традициями, поди такое знавали, это же нарочно стараться надо. А Бобик добрейшее существо и против института ничего не имеет. Но пожар и затопление там уже были.

Нельзя даже сказать, что у Бобика отрицательная харизма — напротив, харизмы там хоть отбавляй, и она самая положительная. Женщины у него молоденькие — потому что по юности лет покупаются на широкоплечесть, брутальную звероватую красоту, ученую степень и хорошо подвешенный язык. Бобик выглядит надежным и старается таким быть, только эта надежность с отрицательным знаком. Вы от него надежно остервеенеете, а потом осатанеете, абсолютно не понимая, чем он вас бесит. Да ничем. Просто бесит.

Я, кажется, единственный, кто выносит этого типа спокойно и не попадает в его разрушительную волну. Мы, что называется, друзья по песочнице. У маленького Бобика были проблемы с дикцией, и я его невнятную речь переводил остальным детишкам.

Уже тогда был трактористом, сам того не подозревая, — тем, у кого нюх на особенных людей и кто умеет с ними ладить.

— Вовик, мы же друзья!

— У меня тут десять человек. Я не могу их бросить, извини.

— Понимаю. Ты молодец. Ты добрый. Ты всегда меня выручал... Как же мне хреново...

Мне Бобика искренне жаль — он умеет и любит убиваться горем и вот-вот начнет это делать в полную силу. Но я действительно не могу все бросить и кинуться его утешать. Тем более, он просто меня напоит до положения риз, вот и все утешение. Нет уж, пускай страдает в одиночестве. Главное, потолок у него не рухнет, раз не рухнул до сего дня, а все остальное поправимо. Соседей он и так уже довел до состояния, когда им сам черт не брат. Они сами черти конкретные. Их многоэтажку можно брать и в полном составе десантировать в горячие точки планеты, чтобы там стало очень и очень холодно.

Ураган нынче будет, форменный ураган с мордобоем, это к гадалке не ходи.

— Я тебе вечером позвоню.

— Врешь ведь, зараза.

— Я тебе вечером позвоню! Все, пока.

Отдуваюсь, гляжу на Ваню. Хочу послать его по этажам, но не могу, какая-то мысль неясная свербит в голове — нечто, связанное с Бобиком.

Что-то важное я поймал, важное по работе — и упустил.

Ладно, если это действительно важно — само всплывет.

— Скоро будем обедать, а пока ты пройдишь по слотам, улыбнись бригаде. Пусть знают, что мы рядом. Спроси, не нужно ли чего. У дверей сейчас Тарасов стоит, ему особое внимание, у него слот трудный. Заодно купишь там в цветочном большую темно-красную розу и отнесешь Кате Мироновой. Ей пора взять цветок в руки. Это тоже в файле не записано.

— А она от цветка — что?.. Активизируется?

— Ей просто будет приятно.

Помощник мой напряженно обдумывает услышанное, аж мозги скрипят. Привыкай, молодой человек, тракторист думает о своих тракторах, даже когда спит.

— А что сказать? Что это от вас?

— Ну не от тебя же, ты ведь сам не догадался. Ваня, послушай, ну естественно, она активизируется. Потому что будет лучше себя чувствовать. Но цветок — не для этого. Цветок именно для того, чтобы Катя лучше себя чувствовала. Понимаешь разницу?

— Э-э...

— Мы зовем их тракторами, но они живые люди. Если тракторист на секунду забудет об этом, он уже никакой не тракторист, а очень посредственный менеджер, который быстро развалит бригаду. Поймал себя на том, что сотрудники не волнуют тебя как люди, а тебе важна только выработка — сразу уходи с поля в офис. Потому что бригада почувствует это мгновенно и упадет духом. Работа в поле — только для трактористов, друг мой.

Ваня кивает и уходит. Будем надеяться, что понял. Он быстро схватывает, просто еще не привык к нашей специфике. Ну и как заходит разговор про Катю, Ване становится трудновато соображать.

Звонок в правом ухе — служебный.

— Владимир Сергеевич?

— Какие новости, Миша?

— По бригаде все в порядке. У нас в целом... Проблема.

Миша в штате бригады обозначен как «консультант по внешним связям», попросту говоря — отвечает за охрану. У него в «Монмахе» схвачено все, он знает в лицо каждую неприметную бабульку, которая на самом деле соглядатай и «пасет» воришек. Естественно, на короткой ноге с начальником службы безопасности. Со мной тот за руку здоровается, а с Мишей-то они говорят на одном языке. Миша в некотором смысле тоже тракторист, просто узконаправленный — влезет без мыла прямо в душу любой силовой структуре.

— Сливают нас, Владимир Сергеевич.

— Это начальник местной СБ сказал? — спрашиваю, а сам к ощущениям своим прислушиваюсь. Вроде бы не грустно мне и не больно. Ждал я чего-то подобного.

— Так точно. Контракт продлен не будет. И самое интересное — знаете, кто заступает вместо нас?

— Дай угадаю.

— Не угадаете.

— Они перекупили Яценко, — говорю я так спокойно, будто меня это совсем не волнует.

А действительно — волнует? Не особенно. Мне интересно, куда агентство поставит бригаду. Не возьмут же нас в «Золотой век». Там слишком хорошо запомнили, как мои сотрудники лупят охрану по головам дорогими бутылками.

— Угадали... Ну да, вы же тракторист, еще бы не угадали. Яценко заступает прямо завтра. А в «Золотой век», по слухам, приходит какой-то одиночка из молодых.

— Спасибо, Миша. Кто предупрежден, тот вооружен.

— Есть идеи? — спрашивает Миша с надеждой в голосе.

Он давно со мной, он мне верит, он не трактор, но тоже постоянно в зоне моего внимания и чувствует эту теплую добрую волну. А еще он знает, как все непросто на рынке активной рекламы, и очень надеется, что я бригаду не брошу, вытяну.

— На всякий случай готовься, что месячишко посидим без работы, — сообщаю я бодро.

Я всегда так говорю, и однажды мы действительно болтались между небом и землей целых два месяца — после драки в «Золотом веке». Но то был единственный раз, и бригада сама так решила: что без любимого тракториста ей работать скучно. А обычно мы простаивали максимум неделю между контрактами. Это Миша тоже помнит.

— Ну хоть отдохнем, — говорит он. — Желаю успеха и разрешите завершить разговор.

— Продолжай нести службу.

Как все плохо-то. Сразу позвонить в агентство — или до вечера помучиться? К концу рабочего дня они обязаны сообщить мне плохие новости и объяснить, что будет дальше. Я ведь должен что-то людям сказать. Бедные мои люди...

Аттракторы обычно смолоду подозревают, что необычным образом привлекательны, но реагируют на это очень по-разному. В девяти случаях из десяти они не успевают нормально сжиться со своим даром — аттракторов сильно давят в семье, подрубают самооценку, вколачивают комплексы, иногда ломают психику необратимо.

Мне повезло в этом смысле: я не трактор, а тракторист. Меня тоже ломали, но я умею влюблять в себя все, что шевелится, вполне осознанно. Такого не доломаешь. А трактор просто несет миру тепло и свет. Пока до трактора дойдет, насколько он особенный, его уже мама с папой два раза убедили, что он лузер и его место в прихожей на коврике. И он вырастает либо очаровательным лузером, что случается, увы, редко, либо мрачным чудовищем, направляющим всю энергию на саморазрушение. Каждый второй трактор — суицидник.

И вот таких сложных людей мы, трактористы, буквально на себе вытягиваем, за счет своих нервов и способности любить, просто любить. Ну и как я после этого оставлю бригаду на произвол судьбы? Никак.

Яценко, между прочим, в детстве на руках носили и облизывали. Я про него много знаю, едва ли не больше, чем он сам. Яценко был очень счастливым ребенком. Может, в этом все дело? Правда, он вырос не особенно счастливым мужчиной, но какой шикарный экземпляр!

Вот к нему я отношусь как к функции. Он для меня не трактор. Что-то другое. Я могу ему чисто по-человечески сочувствовать — примерно как Бобику... Но не смогу полюбить. Он для этого слишком любит себя. Не то что мои бедолаги.

Кстати, Яценко презирает мою бригаду. Это он отдельно высказал в последнюю нашу встречу: Владимир, неужели вы всерьез думаете, я буду работать с вашими убогими?.. Я только усмехнулся — и пожалел несчастного. Всех-то мне жалко. Бобик за такие слова в морду сунул бы.

Бобик, снова Бобик. Какая тут связь?

Ну да, жалко Бобика. Тухло ему сейчас, и окружающим я не завидую...

Стоп!

Нет, ну так нельзя. Это будет, как говорится, неспортивное поведение...

Звонок в правом ухе.

— Володя, говорить можешь?

— С тобой, дорогой шеф, всегда.

— «Мономах» не продлил контракт.

— Знаю.

— Откуда?

— Ну так я в «Мономахе» который год. Скажи пожалуйста, есть по моей бригаде какие-то планы?

— Через месяц автосалон, потом осенью книжная ярмарка, пока это все.

— То есть постоянной работы...

— Нет и... Давай честно, до конца года я ничего для вас не вижу.

— Вот она, молодая шпана, что сотрет нас с лица земли... — тяну негромко как бы в сторону.

— В смысле? — настораживается шеф.

— Поговаривают, что в «Золотой век» взяли молодого одиночку.

— Да, такой Акопян, ты его не знаешь. Способный парнишка.

— Наш Акопян?

— Какой наш, почему наш? Ты все-таки знаешь его?

— Я спрашиваю — это ты его «Золотому веку» продал? Сделка прошла через наше агентство?

— Ну и что? — интересуется шеф агрессивно.

Стыдно ему, значит. Начальство всегда злится, когда ему стыдно.

— Никаких проблем, шеф. Не забудь — автосалон и книжная ярмарка за мной, ты сам сказал.

— Естественно, Володя, это вопрос решенный. Слушай, ты своим пока не говори, ладно? Вы до конца дня должны отработать, а то с «Мономахом» станется нам неустойку выкатить.

— У меня с «Мономахом» большая человеческая любовь, — говорю. — У нас с ним серьезно.

— Ты там выпил, что ли, с горя? Брось, Володя, уж тебе-то мы всегда... Обещаю. Даже не думай. С бригадой, честно скажу, трудно будет. Ты ее готовь потихоньку к переходу на разовые заказы. Но твое персональное будущее, прости за пафос, безоблачно. Ты уникальный специалист, другого такого нет. Куда мы без тебя.

— Спасибо, дорогой. Я это ценю. Все будет нормально, обещаю.

— Точно? Володя, что-то я волнуюсь. Заезжай-ка вечером в офис. Посидим, поговорим, как в старые добрые времена...

— Спасибо большое, но мне надо с «Мономахом» по-доброму разойтись, а то мало ли, как все сложится. Значит, сидеть и говорить я сегодня буду здесь.

— Тоже правильно. Тогда давай на неделе, только обязательно. Я вообще по тебе соскучился. И умоляю, без глупостей. Ни о чем плохом даже не думай!

— Еще раз спасибо, не волнуйся, я не подведу.

— Очень на тебя надеюсь, — говорит шеф и пропадает.

Надейся, конечно.

Слил мою бригаду — и на кого теперь надеяться?

Только на меня.

Подзываю официанта и заказываю двойной виски. Сейчас я себя чуток раскатаю, и будет вам Бородадзе в полный рост. Будет вам такая сволочь харизматичная — пожалеете, что не запре-

щено пускать меня в общественные места. Ох я вам поганку заверну, люди добрые, ручки мне целовать будете, чтобы перестал.

Хлоп! Повторить.

Завершающего штриха не хватает. Я все же слишком чело-
веколюбив. Алкоголь тут не влияет, он просто снимает контроль.
Сделайте мне еще гадость какую-нибудь. Разозлите, а? Ну что
вам, уродам, трудно?

Черта с два. Тишина и благодать. Никто не хочет мне помочь.

Вот же сволочи, а?! Ну я вам сейчас...

Звоню Бобику. Тот еще вменяем.

— Слушай, у меня хорошие новости. Я потерял работу!

— Ой...

— Тихо! По этому случаю объявляю завтра праздник. Прямо
с утра идем в «Мономах», тут есть ресторан, мы в нем садимся
и начинаем ЖРАТЬ, ты понял?

— Ох...

— Значит, сегодня постарайся особо не надираться, ты мне
завтра нужен живой, мы стартуем в одиннадцать.

— Ты уверен, что у тебя все хорошо, Вовик? — спрашивает
Бобик голосом, полным сострадания.

— А будет еще лучше, если ты сможешь. Завтра же.

— Конечно помогу, мы же друзья!

Вторую половину дня я провожу в кабинете директора
«Мономаха», там со мной тепло прощаются и по этому случаю
угощают вкусными напитками. Объясняют, что «ничего личного,
только бизнес». А на самом деле стараются вытянуть макси-
мум информации по Яценко — знают, кого спросить. Опасаются,
не переплатили ли, и вообще опасаются. Я честно предупреждаю,
что одиночки нестабильны, и неспроста у Яценко все время под
боком психолог. Кроме того, не факт, что одиночка легко сживет-
ся с новым местом. Доказываю на пальцах, что только бригада
может гарантировать результат. Но раз вы решили попробовать
одиночку — ради бога, мы-то не пропадем...

Поздно вечером бригада стоит на парковке. Все уже знают, что с завтрашнего дня мы без работы, но настроение — деловое и собранное. Лица у большинства хмурые, однако ни одного признака паники. Всякое уже бывало, выкрутимся и на этот раз. Верой в своего тракториста бригада закрывается от страхов. Теперь главное, чтобы тракторист верил в себя. Катя улыбается мне, теребя в длинных нервных пальцах красную розу... Кате было восемнадцать, когда она приняла смертельную дозу снотворного, действительно смертельную, обычно после такой не откачивают. Но в девушке, видимо, очнулся трактор — и случилось чудо. Выжила.

Я видел, как ты работала на цветочной ярмарке, буквально затопив ее счастьем ради тысяч людей — неужели я тебя брошу? Я специально под тебя Ваню взял в бригаду, чтобы на руках носил, и если вы через полгода не будете вместе, очень удивлюсь...

— Миша, на пару слов.

Отходим в сторону.

— Ты мне в частном порядке нужен завтра тут. Сможешь?

— Не вопрос. Какая задача?

— Прикрывать. Я буду пьянствовать с одним человеком — и не могу предсказать, как на него отреагируют простые граждане. Сам-то он совершенно безобиден. Но...

Миша думает секунд десять, разглядывая меня неприлично пристально. И расплывается в ухмылке.

— Я, кажется, понял, — говорит он. — Но если местной СБ прикажут вас выставить, будет сложно. Мы с завтрашнего дня вроде как не сотрудничаем. Я, конечно, постараюсь... Ну вы дадите, Владимир Сергеевич! Между прочим, вас подвезти? Вам нынче за руль не надо бы.

Всю дорогу я размышляю, как поласковее объяснить жене, что если завтра приду в совершенно непотребном состоянии, это не повод задавать вопросы. Завтра у меня еще не будет ответов.

Утром Бобик жалуется на проклятых соседей, устроивших во дворе побоище типа «подъезд на подъезд» и перевернувших

зачем-то полицейскую машину. Он хочет переехать, я его отговариваю. Бобик твердо стоит на ногах и смотрится бодрячком, ему просто надоело жить в дурдоме и отдельно надоело, что от него женщины бегут. Это он тоже связывает с дурдомом. Эх ты, философ...

Уже на подходе к «Мономаху» я чувствую, как все изменилось. Яценко превзошел самого себя. То ли на радостях, то ли ему просто тут нравится. Молл будто накрыт куполом, выдающимся за границы здания на полсотни шагов. Это поле добродушия и самодовольства. Не совсем то, что надо для торговли, но впечатляет. Бригада может сделать нечто подобное, если очень ее попросить, но долго не удержит и красоты такой не получится.

Ишь как тебя растопырило, уникам ты наш. Ну-ну.

Где именно сидит Яценко, я не очень понимаю. Кажется, ему выделили кабинет в административной зоне и создали там максимально комфортную обстановку.

Мы заходим в ресторан на втором этаже, садимся за столик у окна, выпиваем по маленькой, заказываем поесть, выпиваем по второй.

— А теперь, дружище, рассказывай.

У Бобика сначала не очень получается, но через час он ловит нужную волну и раскрывает передо мной душу. Я стараюсь не скучать, поскольку выслушиваю это примерно раз в год.

В углу у самой двери плотно завтракает и очень не любит Бобика незаметный Миша. Бобик его почти что пугает. Миша ни капельки не удивится, если этот неприятный тип сейчас пришибет кого-нибудь.

А неприятный тип, вывалив на меня порцию негатива, заметно веселеет и принимается, как и было обещано, ЖРАТЬ.

Я нарочно сел у окна, чтобы контролировать улицу. За последние десять минут ни одна живая душа не зашла в «Мономах». Народ еще не шарахается от крыльца, но уверенно топает мимо.

Я старался «половинить», но последующие события отложались в памяти обрывками. Вот официант уронил поднос. Два раза. Дети плачут — такое впечатление, будто по всем этажам. Куда-то спешат охранники с озабоченными лицами. Выходит Миша, возвращается, подмигивает мне и показывает большой палец. Никого не вижу в проходе, давно уже, этаж вымер. В ресторане только мы трое, обслуга попряталась. А мы ведь ничего не делаем, просто сидим!

Бобик рассказывает студенческие байки. Я нарочно каждый раз их забываю, чтобы было потом опять весело. Когда нам надо добавить, за обслугой ходит Миша: высовываться в зал по доброй воле официанты не рискуют.

С первого этажа доносится громкий стеклянный звон. И по-моему, кого-то там бьют. Взгляд за окно: ничего себе публика валит из «Мономаха», прямо как на учениях по срочной эвакуации.

Публики немного, просто она идет плотным косяком. Это удаляются самые стойкие к тракторному наезду. Бобик ведь тоже по сути трактор.

— Плохой трактор, — объясняю я ему. — Не в том смысле, что плохой, а в том смысле, что нехороший!

— Да что ты в этом понимаешь, гуманитарий! — наезжает Бобик.

Прежде чем стать доктором флософии, он пытался стать физиком и заработал на этой почве непробиваемый комплекс превосходства технаря над гуманитариями. Все остальные комплексы у него со знаком «минус», да и этот тоже, честно говоря.

В дверях ресторана стоит начальник СБ и на меня смотрит. Я приветственно машу ему и жестом приглашаю к нам. Он вздыхает, замечает Мишу, недовольно качает головой и уходит.

— А здесь нормально, — говорит Бобик. — Завтра приду сюда похмеляться.

Чудо ты мое, спасибо тебе большое.

«Мономах» сейчас пуст, зуб даю. Все разбежались, кто мог. Признаться, не ждал такого мощного эффекта.

Последнее, что помню: Бобик пытается залезть к Мише в багажник. Ну и супруга потом рассказала: я всю ночь ей объяснял, какая она хорошая, и достал этим невероятно.

На следующий день мы зашли в «Мономах» через подземный гараж, чтобы не светиться на входе, а то мало ли. Изнутри молл выглядел, прямо не знаю как сказать, морально потрепанным. Нет, он пытался сверкать и блестеть, но у него не получалось. Я попробовал унюхать поле Яценко, у меня тоже не получилось. Еще бы, после вчерашнего. Но то, что народу поразительно мало, я углядел.

Ресторан оказался закрыт, мы уселись в моей привычной кафешке, взяли похмелиться, а потом как-то случайно нам захорошело, и мы принялись ЖРАТЬ, да с таким задором, будто завтра конец света.

Часа примерно через полтора дико завывала пожарная сирена, в углу вскочил Миша, но мы даже испугаться не успели: сразу вслед за этим на нас с Бобиком рухнул потолок.

* * *

Я сижу в кафе на втором этаже торгового центра «Мономах» — не самое тупое название, бывают хуже, — и гляжу в окно другого торгового центра, у которого название тоже не очень. Бинокль сейчас у Вани, но я и без бинокля знаю, что там, за окном, происходит: Гарик Акопян распускает хвост перед Катей Мироновой.

Мой помощник уже обещал надавать Гарику по шее, а тот на Ваню посмотрел ласково — и Ваня решил: Акопян хороший парень, и все мы хорошие ребята, и зачем нам драться? Тем более что Гарик через два месяца закрывает свой контракт досрочно и приходит в бригаду.

Куда тебе, друг ты мой, против влюбленного трактора. Извини. У них с Катей волна совпадает. Ей больше не нужны мои цветы и моя забота, у нее все будет прекрасно.

Мы работаем по прямому договору с «Мономахом» — независимая бригада активной рекламы. Нас двадцать пять человек, мы скоро забираем под себя «Золотой век», после чего объединяем подконтрольную территорию и закручиваем потоки так, чтобы два молла не рвали друг у друга клиентов, а выгодно ими обменивались, дополняя один другой. Никто больше не воюет, все сотрудничают.

Нами остались недовольны только двое — Яценко и Бобик.

Яценко заявил, что мы его выдавили, ни много ни мало, из страны. Ну, есть такие люди, да — ты ему на ногу наступил случайно, а он орет: прощай, немытая Россия. Укатил куда-то в Европу. Говорят, ничего у него там не получается. От себя могу добавить: у него больше нигде не получится. Жалко, конечно, человека. И мы действительно ничего такого не хотели. Нелепая случайность.

Бобик, когда на него упал подвесной потолок, оцарапал ухо и выставил за это «Мономаху» несуразный счет. Директор пытался договориться по-хорошему, Бобик полез в бутылку, директор обозлился. Мне только этого не хватало, и тогда я директора познакомил с Акопяном, а Бобику чисто по-дружески приказал заткнуться. В «Мономахе» сразу настало всеобщее счастье и вечная любовь к тракторам с трактористами, а Бобик заткнулся, но обиделся.

Его тоже понять можно: непросто привыкнуть к новой жизни. Сорок пять лет вокруг Бобика все рушилось и постоянно кого-то били. А теперь затишье. Где-то на бессознательном уровне наш герой подозревает, что просто временно угодил в центр циклона, — и ждет вскорости неприятностей сразу отовсюду.

Он мне так и не поверил, что они с Яценко столкнулись, как материя с антиматерией — бабах! — и один больше не трактор,

а другой не «плохой трактор». Он во все эти гуманитарные бредни не верит принципиально.

А с Акоюном вообще хорошо получилось. Я после погрома в «Мономахе» так завелся, что хотел и «Золотой век» Бобиком припугнуть, не зная еще, что дружок мой больше не пугало. Зашел на разведку, увидел парня, а парень-то — добрый. Такой же, как мои. Поговорили раз, поговорили два, я ему нашу профессию разъяснил, и как-то легко установилось взаимопонимание. Потом он сам явился с бригадой познакомиться, увидел Катю — и вопросы отпали.

А я на радостях собрался с духом и отыскал Бородадзе, си-него уже от пьянки. Всю бригаду к нему привел, и через пару месяцев Саша у нас был свеж как огурчик. И тогда я его продавцом в зоомагазин устроил.

Бородадзе там вроде сам по себе работает, но магазин регулярно посещает с черного хода наш Ваня и получает для бригады скромную долю, от которой и Саша тоже имеет свой процент.

Нам же надо о тракторах заботиться.

Ведь мы — трактористы.

ДИВОВ Олег Игоревич

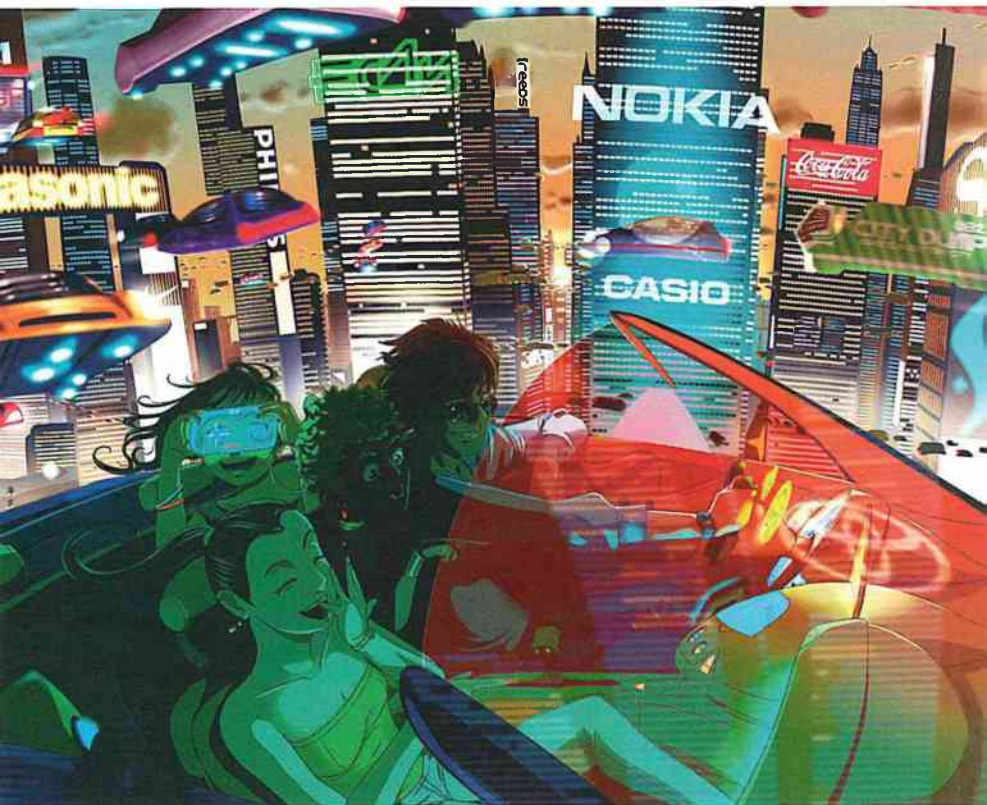
(р. 1968, Москва).

Учился на факультете журналистики МГУ, служил в армии. В 1997 г. вышел первый роман О. Дивова «Мастер собак». В том же году — еще два романа «Стальное сердце» и «Братья по разуму». Но подлинную популярность писателю принесли книги в жанре социально-приключенческой НФ: «Лучший экипаж Солнечной» (1998), «Закон фронта» (1998), скандально известный роман «Выборка» (1999), «Саботажник» (2002), роман-манифест «Толкование сновидений» (2000), «Ночной смотрящий» (2004), «Храбр» (2006), «Консультант по дурацким вопросам» (2012), «Объекты в зеркале заднего вида» (2013), цикл «Профессия: Инквизитор» (2013–2015). Отмечен практически всеми НФ-наградами. В «Если» опубликовано более десяти его произведений.

Наталья
АНДРЕЕВА

...ЭТО ГОРОД ВИНОВАТ

/экспертное мнение
/информационные технологии
/образование
/цифровой город

На протяжении всей бурной истории человечества города обвиняли в массе вещей: в смерти духовности (о, эти ужасные люди из вольных городов, придумавшие печатный станок и Реформацию!..), в смерти деревни и сельского хозяйства, в загрязнении окружающей среды и, наконец, в смерти человечности и насаждении тотального безразличия. Мельничный жернов, плавильный котел, словом, помесь мясорубки с бетономешалкой. И есть подозрение, что список преступлений города против человечества далеко не полон. Например, в ближайшие годы придется обвинить город еще в одной скоропостижной смерти, а именно — в смерти университетов.

Все потому что города стремительно «отращивают» себе функции, которые раньше выполнялись университетами, а сейчас к университетам, пусть и расположенным в городах, отношения фактически не имеют.

Во-первых, город почти буквально стоит над университетами с тяжелой бейсбольной битой. Потому что города — центры современной экономики, именно там производится львиная доля ВВП в развитых, да и в развивающихся странах. При этом университеты с завидным упорством игнорируют потребности городов в специалистах и производят вовсе не тех, кого нужно, а тех, за которых кто-нибудь с удовольствием заплатит. История с перепроизводством юристов-экономистов-менеджеров — далеко не только российская: наши зарубежные друзья где-то с начала 2000-х носятся с проблемой дефицита инженеров и технарей, реформируют образовательные программы, проводят медийные кампании по популяризации технических специальностей и вообще делают все, чтобы хоть как-то привести потребительский спрос на образование в соответствие с потребностями экономики. Причем занимаются этим далеко не только (и не столько) университеты, сколько заинтересованные стороны: корпорации, муниципалитеты, школы, наконец, отчаявшиеся дожидаться каких-то продуктивных мер от учреждений высшего образования.

Во-вторых, город вынужденно оттягивает на себя образовательную функцию, которую раньше выполняли университеты. Как учат нас классики английской литературы, мир изменился. И, более того, продолжает это делать, причем ускоренными темпами. Растут сложность и плотность всех деятельностей, глобализация приводит к появлению таких странных вещей, как глобальный малый бизнес, дауншифтинг на Гоа и венские кофейни в поселках городского типа. Научные монографии устаревают за 9 лет, а в новых областях знания — за 5–7 лет, то есть стремительно, особенно по сравнению с предыдущим сроком годности больших текстов. Новые IT-продукты для сверхсложного анализа появляются каждые 5 лет. Новые «городские» бизнесы (в общепите, развлечениях и досуге) — чуть ли не каждый год вместе с продуктами, бизнес-моделями и прочей суетой. Развитие умных сетей превращает город в сложнейшую систему, которая реагирует на изменения в пользовательских запросах — ну, или потребительском спросе — в режиме реального времени — и изменяется, подстраивается, усложняется... При этом на создание полноценной образовательной программы, усиленной «научной школой» и квалифицированным преподавательским составом, университету средней руки нужно лет десять. Комментарии излишни: громоздкие, зарегулированные, забюрократизированные системы не успевают за развитием, за стремительными изменениями, происходящими в мире.

Город же — успевает. Потому что эти изменения происходят благодаря ему и, на минуточку, непосредственно в нем.

Умная сеть

(англ. *smart grid*) — система производства, передачи и распределения электроэнергии нового поколения, снабженная системами двусторонней коммуникации; основная особенность системы — возможность обратной связи в режиме реального времени, гибкость контроля и мониторинга, автоматизация большей части процессов в энергосистеме. Для потребителей умные сети означают возможность гибкого регулирования потребления электроэнергии как в ручном, так и в автоматическом режиме.

Умный город

(англ. *smart city*) – новая платформа городских инфраструктурных технологий, предполагающая повсеместное использование телекоммуникационных систем (сенсоры и датчики, постоянный мониторинг и контроль состояния зданий, сооружений и механизмов); включает в себя умные сети, умный транспорт (в перспективе – беспилотный), умные дома и пр. с возможностью обеспечения коммуникации всех объектов с пользователем в рамках «интернета вещей» или «интернета всего».

В-третьих, город обучает человека куда эффективнее, чем университет. Аннотированная / дополненная реальность, возникающая на стыке городского «интернета всего», персональных гаджетов и социального плагина Facebook'a, обеспечивает моментальное поступление нужной информации. Огромное число навыков, которые еще 10–15 лет назад казались неотделимыми от человека, сейчас вынесены вовне человеческого мозга, начиная с проверки правописания и заканчивая навигацией в пространстве и времени. Город обучает пользователя (или его гаджет, что в данном случае одно и то же) самому себе – городским социальным практикам и навыкам. Картинка со смартфоном, регулирующим поведение хозяина с помощью нежных ударов током, выглядит смешно и апокалиптично одновременно. А вот навигатор, который нежным женским басом советует свернуть на несуществующую дорогу, уже не столько смешон, сколько апокалиптичен. Потому что многие так внимают басу и сворачивают. Или, если коротко, учат жизни нынче не мама с папой и не лектор с указкой, а гаджет с городом.

Наглядное подтверждение этого тезиса – судьба концепции «умной классной комнаты» (англ. *smart classroom*), которая должна была быть напичкана технологическими решениями для управления вниманием, управления взглядом и пр. Идея умного класса разрабатывалась с начала 2000-х, и не написал о ней только ленивый. А реализовать эту идею так и не удалось, поскольку стало понятно, что точкой сборки новых образовательных технологий

будет гаджет / носитель этого гаджета в паре с умным городом, а вовсе не ограниченное пределами классной комнаты образовательное пространство.

Помимо связки «гаджет и город» есть еще публичные пространства, общепит, сфера развлечений и прочие городские явления, которые, теоретически, поддерживают специфические образы жизни и ценности через форматы потребления. Очевидно, что фриланс, игработа, краудсорсинг и прочие форматы деятельности класса «все включено» растут как грибы именно благодаря городам и городским пространствам. И что характерно, появляются люди, которые включаются в эти пространства и эти форматы деятельности и потребления. Потому что это «модно», или «удобно», или в конечном итоге «все делают это».

В-четвертых, именно города производят «граждан человечества» — мобильных космополитов с активной жизненной позицией, комфортно чувствующих себя в любой точке земного шара. Уже упомянутая аннотированная реальность в паре с гаджетом позволяют оперативно «переводить» образ жизни одного города в образ жизни другого. Сервисы онлайн-бронирования и «о'кей, Гугл» дают ощущение готовности к любым неожиданностям... Если вы, конечно, не нежная восторженная дева, в одиночестве едущая автостопом по Афганистану. В этом смысле современный город может принять человека любой степени уникальности, от слегка эксцентричного университетского лектора до городского сумасшедшего, пытающегося спасти человечество от атаки мозговых слизней-мутантов. Лишь бы гаджеты у них нормально работали.

В-пятых, университеты в отличие от городов утратили функцию создания нового. Например, в России на долю университетов приходится всего около 2% финансирования, связанного с исследованиями и разработками; в так называемых развитых странах ситуация получше, но не намного (в среднем 15%), и это при том, что на западе никто не «выносил» науку из университетов, как это было сделано в СССР. Среди университетов, конечно, есть исключения, по-прежнему производящие инновации, — Массачусетский

технологический институт, Калифорнийский технический университет, Оксфорд или Кембридж, — но их мало. Возможно, именно поэтому они — мировые лидеры.

Все это — низкие объемы производства инноваций, утрата функции по «производству» граждан человечества, катастрофическая неспособность угнаться за изменяющимся миром и пр. — приводит к тому, что университеты перестают быть агентами создания будущего. Хотя вроде бы это их прямая обязанность: именно университеты готовят людей, которым предстоит в этом будущем жить или, в идеале, это будущее строить. Когда-то университеты были основными точками, где возникало будущее. Именно университеты дали нам революционеров всех мастей, от политических экстремистов до светил науки, а также атом, космос и прочие великие проекты создания будущего.

Никакого светлого будущего мы от университетов больше не получим. Потому что «техническое задание» на создание будущего сейчас формируют города. Они подогревают спрос на новые технологии, новых людей и новые навыки. Благодаря городу и его развитию появляются и умные сети, и умное ЖКХ, и рекламный геотаргетинг, и мобильная медицина, и прочие прекрасные вещи. Беспилотные автомобили, изменение концепции искусственного интеллекта, социализированные роботы, городские ролевые игры и электроовцы — из этой же оперы.

То, что города — это агенты создания будущего, подозревали и наши далекие предки, когда все дороги вели в Рим. Поэтому базовый функционал города неизменен во всех художественных произведениях, во всех интерпретациях и почти во всех эпохах: это — точка, где происходят изменения, «всех впускать, никого не выпускать», рывок в будущее, путешествия из Петербурга в Москву и трагические судьбы провинциалов в столицах. Град на Холме, кстати, — не исключение.

...На этой радостной ноте хочу передать привет многочисленным, как офисный планктон, и дорогим, как Звезда Смерти, проектам новых университетских кампусов.

Похороны за свой счет.

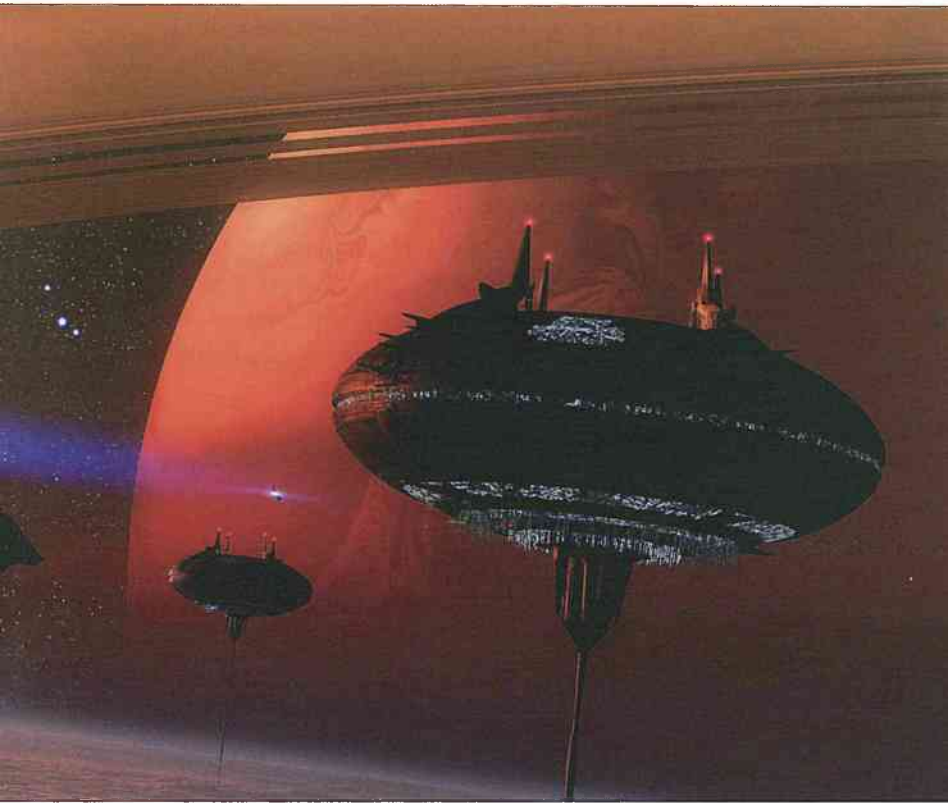
ГОРОДА ДЛЯ КОСМОСА, КОСМОС ДЛЯ ГОРОДОВ

Макар СЛАВОВ

/экспертное мнение
/космические полеты
/города

К 2000–2010 годам космические технологии, а точнее, те из них, которые были обозначены как перспективные еще в 1960-х, подошли к финальному этапу развития — формированию продуктов и услуг для конечного пользователя — человека. Спутниковая навигация и связь, а также космический мониторинг земной поверхности уже достигли своего максимального развития: включения технологии в «инфраструктуру жизни» («как мы могли без этого жить?»). В том же направлении движутся стремительно развивающиеся индивидуальные сервисы, предоставляемые частными спутниками. Дальнейшее движение человечества в космос неизбежно означает запуск линейки новых технических

© Glenn Clovis, илл., 2015

решений, по сути создание новой технологической платформы для освоения космоса, нового пакета космических технологий. Но экспансия в космос потребует четкого обоснования, зачем космос человечеству — причем не только и не столько в философской логике, сколько в логике экономики, потребительских рынков, запросов на новые технологические решения, продукты, услуги. Источником таких запросов могут стать только современные города.

Центрами современной цивилизации во всех ее проявлениях являются города. Они представляют собой основу современной системы расселения (причем как отдельных стран, так и в глобальном масштабе), их развитие во многом определяет новый облик глобального

разделения труда. Наконец, в городах проживает большая часть населения Земли. В крупных городах, мегаполисах, создаются новые продукты и услуги, там задается мода на инновации, там развиваются новые образы жизни. Будущее планеты создается в мегаполисах — и другого будущего, кроме будущего через призму мегагородов, нет ни у Земли, ни у космоса. Города — это основные центры потребления продуктов и услуг космоса, они же — основные центры производства для задач космоса. В этом смысле, говоря о том, кто и как закажет и оплатит новую космическую экспансию — коммерческий космос, мы должны задать вопрос: какие задачи решает новый виток космической экспансии с точки зрения крупных городов?

Для мегаполисов космическая экспансия — это в первую очередь способ создания высокотехнологичных рабочих мест и развития высокотехнологической экономики. Здесь и космические и высокотехнологические кластеры, и нано- и биотехнологии, и сложное передовое машиностроение, и постановка актуальных задач развития образования и науки и т.д. В этом же русле лежит конверсия космических технологий в понятные потребительские продукты и услуги, а также создание «космических стартапов» как формы подключения городской инновационной экономики к освоению космоса. Немаловажную роль играет космос и как способ работы с капитализацией и развитием территорий. Как минимум развитие космических кластеров явным образом повышает заметность и экономическую активность городов. А как максимум в перспективе космопорт, окруженный кольцом инновационных предприятий, может стать таким же центром развития, новым городом, как сейчас — крупные аэропорты.

Кроме экономических соображений наличие «собственного выхода в космос» может стать для мегаполисов инструментом культурной и социальной политики. Речь может идти о создании дополнительной системы социальных и карьерных «лифтов в космос» — причем в буквальном смысле. Космос обеспечивает горожанам мощную эмоциональную подпитку — нахождение на острие прогресса, на фронтире человеческого познания, шанс на приключения. И в этом смысле он может играть огромную роль в борьбе со скукой

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЛАНС

В рамках геоэкономической схематизации системы мирового хозяйствования (В. Княгинин, А. Неклесса, С. Переслегин) рассматриваются четыре части света, четыре основных типа глобальной специализации территории:

- «Юг», который специализируется на доиндустриальном (сырьевом и сельскохозяйственном) производстве; предельная форма — «Дальний Юг», где расположены формально запрещенные сырьевые производства (наркотики, экологически «грязная» добыча полезных ископаемых и т.п.);
- «Восток», развивающий классическую индустрию (лоу-тек); при этом «Дальний Восток» производит формально запрещенную промышленную продукцию;
- «Запад», царство высоких технологий; «Дальний Запад» — производство стандартов, создание рынков;
- «Север», занятый выпуском интеллектуального сырья; «Дальний Север» занят противозаконными операциями с информацией.

и тоской, столь часто встречающейся у жителей мегаполисов, измученных навязчивой экономикой услуг.

Мегаполисы уже плотно освоили все предложенные ранее космосом услуги — глобальную связь, геопозиционирование, а также инвестиционные возможности. Новая волна освоения космоса требует ответа, чем станет космос для новых городов и новых горожан, какие услуги, возможности и впечатления предложит. В свою очередь, космос, в его привычном (в том числе по научной фантастике) индустриальном прочтении, может предоставить городам новые ресурсы и уникальные производства. Но в конкуренции за предоставление этих вещей участвуют и другие, куда более легкодоступные территории. Новым шагом в развитии космоса должен быть переход к его «постиндустриальному» освоению: созданию уникальностей, инноваций, в конечном итоге новых пространств для людей. А поскольку никаких других форматов постиндустриального освоения, кроме создания современных городов, человечеству неизвестно, если мы хотим совершить качественно новый шаг в космос, нам придется сделать космос «городом». Или построить в космосе современные города.

Базовые версии развития космических городов могут быть получены в логике «геоэкономического баланса», описывающего разные типы хозяйствования на территориях — и, как следствие, разные характерные типы городских поселений.

КОСМОС КАК ЮГ. Это во многом привычный для развитого человечества формат освоения Украины: колонизация, добыча сырья, ловля астероидов, борьба за ресурсы. Лунная база в этой версии освоения представляет собой знакомый по классическим вестернам «притон на дальней границе», ведь с Луны выдачи нет. Космические города Юга широко представлены в фантастике. В космогородах Юга не следует ожидать безопасности, комфорта и «креативных пространств», зато в изобилии представлены возможности для обогащения — рискованные и не всегда законные. В определенном смысле космические города в этом варианте освоения напоминают рабочие поселки.

«Дети Митрофана»

2034 год. Последователи учения пророка Митрофана (образовавшаяся в 2017 году в России радикальная ветвь неоязычества) после нескольких неудачных попыток построить «независимое от греха» поселение на Земле через краудфандинг собирают средства и основывают колонию на Луне. Формально основу экономики колонии составляют добыча и переработка особо ценных минералов, но есть мнение, что на самом деле доход поселение получает от производства ряда запрещенных наркотических препаратов и выполнения функции особо секретной тюрьмы. Впрочем, все это слухи, поскольку попасть в колонию и провести расследование никому не удавалось, а долгие споры о юрисдикции затрудняют вмешательство государств.

КОСМОС КАК ВОСТОК. Это производственные базы на орбите, гигантские станции, словом, хорошо знакомое по советской фантастике индустриальное освоение. Космические города в этой версии освоения будут напоминать современные промышленные моногорода со всеми сопутствующими форматами жизни. В случае кризиса основного производства космический моногород потребует огромных вложений, перепрофилирования. Впрочем, может быть и оптимистичный вариант того же формата: «космический корпус» одного из современных глобальных университетов, скажем MIT*. В любом случае, данный формат освоения космоса крайне затратен и по силам, скорее, государству, нежели корпорациям.

* Массачусетский технологический институт (США), один из современных глобальных центров передового образования в области технологий.

«Космическое Пикалево»**

2040 год. Гигантская орбитальная станция, созданная под задачу обеспечения амбициозного проекта промышленной площадки по переработке ценных металлов из астероидов, вследствие очередного финансового кризиса оказывается невостребованной. По здравому размышлению станцию нужно расселить и перепрофилировать, но совершенно непонятно, кто и зачем это будет делать и за это платить. К тому же персонал, памятью о некогда высоких зарплатах и прочих бонусах, не спешит ее покидать, шантажируя Землю экологическими и прочими последствиями. После долгих и тяжелых переговоров, многочисленных судов и поисков виноватых станцию продают в Китай, который под эгидой развития космического туризма превращает ее в военную базу.

**Пикалево – промышленный моногород в Ленинградской области, много лет страдающий от глубокого кризиса основного производства.

КОСМОС КАК ЗАПАД. В фантастике подобный тип освоения представлен в отдельных мирах вселенной Л.-М. Буджолд. Размещение в космосе высокотехнологичных производств и лабораторий порождает много вопросов: например, почему их следует размещать именно в космосе? В чем будут заключаться их уникальные услуги и конкурентные преимущества? Пока что космический хай-тек получается сильно дороже земного. Где и как размещать необходимых для подобных производств высококвалифицированных специалистов — или все будет делаться дистанционно, с Земли? Автоматизированные космические лаборатории выглядят вполне правдоподобно. Но в идеале полноценный высокотехнологический кластер на орбите или на Луне потребует наличия там же достаточно крупного современного постиндустриального города с современными форматами жизни, отдыха и работы. В качестве примера подобного «города на орбите» в научной фантастике вспомним «Веретено» из романов У. Гибсона.

«Архипелаг Джексона – Веника»

2055 год. После ряда неприятных инцидентов, связанных с временным выходом из-под контроля продуктов высоких био- и нанотехнологий, на Земле приняты сверхжесткие меры по ограничению размещения опасных высокотехнологичных лабораторий в трехсоткилометровой зоне городов. Исследовательские центры вынуждены искать новые площадки: в Восточной Сибири, Антарктиде, в Канаде, в Африке — и в космосе. На орбите образуется конгломерат исследовательских станций и лабораторий (частью обитаемых, частью — нет), куда вынесены запрещенные виды деятельности. Его основу составляют европейские компании. Это дорого, но стоимость производимых продуктов и услуг (в том числе в биотехе, медицине, военной сфере) оправдывает затраты. Через десяток лет консорциум космических лабораторий, получивший название «Архипелаг Джексона – Веника» (по именам политиков, продавших систему соответствующих запретов), начинает играть неформальную, но крайне заметную роль в научно-технологическом развитии планеты.

КОСМОС КАК СЕВЕР. С одной стороны, это самый маловероятный вариант освоения, поскольку создание уникальных интеллектуальных продуктов и услуг в настоящее время существует только в сверхкрупных городах и нет никаких оснований считать, что в горизонте 30 и более лет эта ситуация хоть как-то изменится. А разворачивание на орбите современного мегаполиса — задача нетривиальная, если не фантастическая. С другой стороны, версией подобного формата освоения является, например, всерьез обсуждаемый уже сейчас вынос серверов Интернета на орбиту.

«Великое кольцо»

2060 год. Усилиями частных компаний на геостационарной орбите создается плотное кольцо спутников, обслуживающих функционирование глобальной информационной системы планеты. Со временем там появляются обитаемые станции (для ремонта), системы хранения данных, лаборатории (самого разнообразного профиля), даже «космические курорты». Космическая инфраструктура Интернета достаточно быстро становится независимой от происходящего на планете, но от ее бесперебойного функционирования начинает зависеть нормальная жизнь целых городов. Для сохранения контроля за «Космонетом» этот инфраструктурный комплекс решено объявить очередным чудом света, изъять из-под юрисдикции корпораций и сделать достоянием человечества. Удалось все, кроме смены собственности. Но дополнительное финансирование со стороны государств придало комплексу дополнительный стимул развития, в результате чего вокруг планеты появилось самое настоящее кольцо.

В зависимости от формата освоения космоса будет различаться и та рента, которую он будет платить Земле. Для развитых стран коммерческий космос может стать источником «ренты развития» — платы за пользование идеями, информацией и технологиями, а также за допуск менее развитых стран к космическим инфраструктурам. В ряде случаев для отдельных стран новое освоение космоса может включать в себя «ренту отсталости» — например, предоставление развитым странам территорий, инфраструктур, иных ресурсов за право доступа к современным космическим технологиям и услугам. А совсем в дальней перспективе космос должен рассматриваться как новый центр развития, по отношению к которому уже Земле, в свою очередь, придется выбирать свою геоэкономическую специализацию — и выплачивать ренту. Детальное описание подобной ситуации можно найти, например, в произведениях А. Азимова.

Освоение космического пространства и строительство там городов в перспективе 20–40 лет удобно рассматривать как «монопрофильное». Другими словами, рассматривать космос как вынесенную территорию, типа заокеанской колонии. Но в долгосрочной перспективе нам следует воспринимать космос как самостоятельный мир, в котором будут свои территории с разным геоэкономическим типом освоения. За горизонтом 2050-х годов будут и «шахтерские городки», и автоматизированные исследовательские станции, и «университетские города», и глобальная космическая информационная оболочка Земли, новое чудо света и достояние человечества.

Строительство городов, тем более в космосе, процесс долгий и ресурсоемкий. В начале пути человечеству придется довольствоваться упрощенными, усеченными формами космических городов. Впрочем, многие города на Земле начинались с крепостей и рабочих поселков. По сути орбитальная станция, выполняющая функции крупного сборочного производства (например, для марсианской программы), и есть небольшой моногород. В качестве художественных примеров можно привести станцию «Вавилон-5» из одноименного сериала и станцию «Веретено» из романа У. Гибсона «Нейромант». В случае реализации проекта крупной космической

станции, туда неизбежно будут перенесены форматы городских отношений. Причем как современные, так и древние — в этом смысле в «космическом городе» обязательно в том или ином виде стихийно появятся такие элементы городского пространства, как рынок, церковь и тюрьма. Будут и маргинальные элементы — как неизбежная и в чем-то даже необходимая часть общества. В космических городах, как и в земных, неизбежно появятся форматы социального неравенства. Они могут выражаться в доступе к привилегиям, условно запрещенным товарам и услугам, в различиях в качестве жизни, но обойтись без них не удастся. Не следует думать, что наличие «социального дна», неравенства и тому подобных рудиментов «Старой Земли» является недостатком. Как современные мегаполисы старательно развивают у себя фермерские рынки и иные явно не обязательные, но такие милые социальные практики, сохраняют старую застройку и историческую память, так и космические города наверняка будут стараться сохранить похожесть на своих земных предков. Можно представить себе ситуацию, когда девиантные элементы общества станут двигателями развития. Например, техническая задача гнать самогон в условиях отсутствия или слабой силы тяжести (а с ростом космического города такая задача неизбежно возникнет в скупающих умах космических горожан) когда-нибудь может стать основой прорыва к искусственной гравитации.

Может быть, космические города станут для человечества новым плацдармом создания утопий. Для мегаполисов космос может стать «зеркалом», заставляющим всерьез задуматься о долгосрочном развитии. В конце концов, масштабы современных мегагородов таковы, что охватить взглядом их можно только с орбиты. Космос может стать для мегаполисов новым элементом городского ландшафта, источником создания уникальностей и новых смыслов, таким же развивающим элементом городского ландшафта, как бескрайнее море и высокие горы. Возможно, высокая культурная миссия нового освоения космоса состоит именно в том, чтобы заново вернуть в города и в сознание человечества представление о бесконечности и желание узнать, какие неизведанные земли лежат там, за горизонтом.

ГОРОДА ЗА ГОРИЗОНТОМ 2025 ГОДА

Артем ЖЕЛТОВ

/экспертное мнение /сценарии

/цифровой город

Города каждой фазы социально-экономического развития человечества имели свои характерные черты и особенности. Собственно говоря, и своего расцвета фаза развития достигала именно в городах. С закатом фазы ее города-лидеры стремительно теряли свой вес, из них уходили люди и деятельности. Сами города никуда не девались, но в новой истории им места уже не было. Вспомнить Афины, Дамаск, Александрию, Фергану... Новыми точками притяжения становились города, где развивались деятельности новой фазы, и успех сопутствовал тем странам, которые успевали перенести туда столицы. Современные мегаполисы — это лидеры завершающейся на наших глазах индустриальной фазы развития. Оснований считать, что они останутся лидерами развития и впредь, поверьте, не так уж и много. Мы пока не знаем, каким в точности будет облик будущего «когнитивного города», прецедентов в истории не было. Но определенные черты городов — будущих лидеров развития можно указать уже сейчас.

Превращение города индустриального в когнитивный будет закономерно сопровождаться формированием нового социального слоя, опоры новой экономики. В ближайшие 10–15 лет динамичные города мира ожидает «революция фрилансеров». Новый класс,

Форсайт «Город 3.0» был реализован исследовательской группой «Конструирование будущего» совместно с Агентством стратегических инициатив, Агентством городского развития г. Томска и другими организациями. Целью работ был поиск ответов на вопрос, что будет с городами России и мира за горизонтом 2025 года.

наверное, будут называть «мятые воротнички» (фрилансеры предпочитают свободную одежду). Представление о том, что трудовая деятельность эквивалентна рутинной, каждодневной, регулярной работе, за последние полтора десятка лет практически разрушилось. Наиболее продвинутые горожане обнаруживают: то, что раньше было простым хобби (например, ведение дневника, фотография, спорт, компьютерные игры), внезапно перерастает в активную деятельность и начинает приносить доход, соизмеримый с доходами от «обычной работы». Этот тренд представляет собой формирование «игр-работы» — осмысленного, деятельного времяпрепровождения, выходящего за рамки привычной оппозиции работа–отдых. Воздействие «игр-работы» на городскую среду в перспективе будет огромным; по сути, речь идет о новой реструктуризации городского пространства. Последняя подобная макроскопическая трансформация

города и городских образов жизни привела к формированию спальных и центральных деловых районов, ритма жизни «с 9 до 5, 5/2», традиционного расписания работы магазинов и т.д.

Новые типы деятельности потребуют для себя новой недвижимости. «Индустриальная» недвижимость, то есть та, которая обслуживала базовую деятельность прошлой фазы развития, будет декапитализироваться, выноситься из наиболее активной части города. Сейчас подобным образом из городов выдавливаются заводы, а через 5–10 лет начнется процесс выноса бизнес-центров. По сути, бизнес-центры обслуживают индустриальную рутинную массовую работу с бумагами и информацией. С развитием альтернативных форм занятости и деятельности их роль будет предсказуемо падать. Схожая судьба ждет и огромные торгово-развлекательные центры.

На место «индустриальной» недвижимости придет недвижимость «когнитивная». Города к 2020 году ожидает новая волна формирования многофункциональных общественных пространств, где люди смогут собираться, общаться, работать, а главное — вместе думать и творить. Поскольку в городах свободного места для этого нет (разве что девелоперы перестанут превращать старые заводы в безликие бизнес-центры), а пробивать городские кварталы а ля барон Осман вряд ли хватит решимости, новые центры творчества придется проращивать «изнутри», через существующие объекты. И если для того, чтобы людям было интересно и приятно эффективно работать и производить уникальные продукты, их нужно будет бесплатно обеспечивать всем для этого необходимым по модели «all included», это будет сделано.

Индустриальный период развития городов дал нам общедоступные канализацию и водоснабжение, тепло и электричество, проводную связь. На бытовом уровне за последние полвека появились и распространились холодильники, телевизоры, прочая бытовая техника. Первой ласточкой нового пакета инфраструктур когнитивного города стало массовое распространение мобильной связи и беспроводного Интернета. Через десяток лет беспроводное высокоскоростное подключение к Интернету и связи станет

Жорж Эжён Осман, более известный как барон Осман, — автор проекта реконструкции центра Парижа в XIX веке. В старом историческом центре были пробиты новые проспекты и бульвары, что полностью изменило облик города.

таким же неотъемлемым и условно бесплатным правом каждого горожанина, как сейчас кран с водой на кухне. Аналогичным образом когнитивный город решит и проблему гарантированного обеспечения человека продовольствием и одеждой. Культуру потребления в городах будущего зададут индивидуализация и кастомизация предметов материального и нематериального мира. Первые ласточки — распространение потребительской 3D-печати и культуры «мейкинга» — создания вещей своими руками. Платить в будущем придется не за массовые вещи, ширпотреб, а за уникальность, неповторимость, оригинальность, свежесть — словом за все то, что составляет новое понятие «ценности».

В городах очевидным образом будет расти энергопотребление. Причем как за счет новых (и энергоемких) видов производств и услуг, так и за счет роста энергопотребления жилищ. С точки зрения конечного потребителя, инфраструктурный облик городов будущего задаст распределенная сеть инженерных коммуникаций. Ее содержание — котельные для каждого дома, локальная тригенерация (тепло, электричество, холод), локальная переработка отходов, а также утилизация любого типа энергии внутри здания. Правда, не обойдется без сложностей: поддержка функционирования распределенных систем требует не только разнообразных «умных сетей», но и нового класса централизованных систем. Т.е. для распределенных энергосистем нужна страховка, например в виде мощных АЭС нового поколения.

Появление новых строительных материалов и связанных с ними новых технологий строительства повлечет за собой появление новых архитектурных решений, новых форм для города. «Умные пластики» и «умные стекла», быстрое строительство высотных зданий, новые типы бетона, композитная арматура, пористая керамика, модифицированные природные материалы могут создать новый облик городского ландшафта. Самое время подумать об опережающей постановке задач для городов, которые не решить старыми материалами и архитектурными формами.

Один из таких «вызовов будущего» — создание нового типа городских ландшафтов. Уже сейчас в городах существует явно выраженный запрос на новый тип парков и общественных зеленых зон, выдерживающих большую антропогенную нагрузку и позволяющих в них эффективно работать. Во многих городах мира параллельно ведется обсуждение проектов создания круглогодичных крытых общественно-торговых зеленых зон, строятся «зеленые» небоскребы, на заброшенных эстакадах и в старых доках разбиваются парки. В будущем нас ждет конструирование живых ландшафтов и экосистем внутри города, украшающих городское пространство и попутно решающих ряд современных экологических проблем.

В течение следующих 10–20 лет в крупных городах сформируется новый системный стандарт чистоты. Доступ к питьевой воде, системы очистки и кондиционирования воздуха, радиологическая обработка продуктов питания, методы борьбы с пылью и грязью на улицах, наконец, более экологичные двигатели автомобилей — все это создаст новое понимание того, что такое «чисто». Правда, за новый стандарт чистоты придется платить аллергиями, сложностями с иммунитетом и новым классом экологических проблем, но это уже дело послезавтрашнего дня.

В новых городах нас ждет скачкообразное увеличение продолжительности жизни горожан примерно до 120 лет. Технологическая основа скачка лежит в области развития современной высокотехнологичной медицины: выращивание и 3D-печать органов и суставов, сверхвысокотехнологичное протезирование и киборгизация,

индивидуальные настройки человеческого организма, новый класс диагностических инструментов и так далее. Возникающее противоречие между «новыми» и «старыми» людьми, между «долго-» и «короткоживущими», поломка социальных лифтов, конфликты между высокотехнологичными и низкотехнологичными городами детально раскрыты в научной фантастике. Кажется, научно-фантастические прогнозы имеют все шансы стать реальностью.

Также в фантастике неплохо описана явно ожидающаяся геймификация — превращение многих рабочих процессов в игровую деятельность. На глазах становятся реальностью обмен игровых денег на реальные, убийства из-за конфликтов в онлайн играх, использование игровых симуляторов в образовании и управлении. Совсем скоро горожанам понадобятся психотехники для одновременной жизни в игре и в реальности, в городе и в сети.

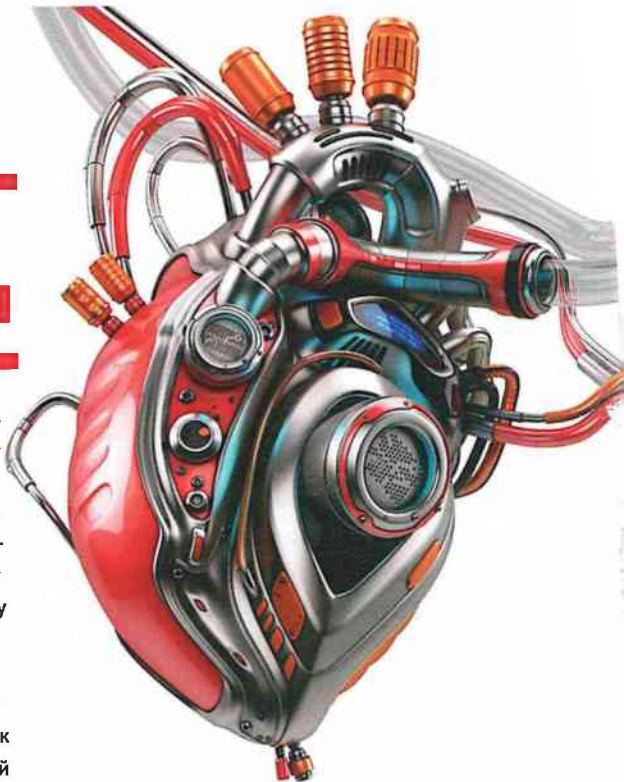
«Протезы» для принятия решений и интеллектуальной активности, делегирование умным информационным системам принятие повседневных решений, экспертократия в потребительском поведении, а также система сервисов в области городского управления снизят требования к навыкам мышления, необходимым для жизни в городе. Технологии дают больше возможностей вовлечения горожан в процессы управления, но при этом обеспечивают комфортное отстранение тех же горожан от принятия решений. Бал правят иллюзорные процессы работы горожанина с информацией (подсчет лайков). Как следствие, в управлении развитием вместо событий и решений появляются симулякры. Процедуры управления в городе будущего удастся загнать в шаблонные методики и программные продукты, что, несомненно, приведет к оптимизации, но может привести к кризису в ситуации, когда нужны нестандартные и непопулярные решения.

Современные процессы развития городов далеки от стабильности, а будущее городов — от определенности. Но сценарий развития городов до 2025 года уже задан, и избежать его не удастся. И лишь с его завершением, после 2025 года, можно будет всерьез говорить о новых типах городов и новых горожанах. И о реальных городах наступившего будущего.

ЕСЛИ № 3

ЛЮДИ И РОБОТЫ

Будущее наступает незаметно. За последние годы робототехника совершила гигантский скачок в развитии. Домашние, промышленные и военные роботы стремительно переходят из области фантастики в сферу маркетинга. Через несколько десятков лет может стать реальностью мир фантастического будущего, который Айзек Азимов называл цивилизацией C-Fe (углерод-железо).

Глобальные рынки, революция в промышленности, исчезновение рутинного труда, новые деятельности... Самое время задать себе вопрос: чего мы ждем от надвигающейся «роботизации» человечества на самом деле? Хотим ли мы, чтобы робот понимал человека, дополнял человека или просто выполнял упомянутые рутинные задачи? Какие гуманитарные технологии потребуются, чтобы включить роботов в человеческое общество? И как роботы изменят человечество?

В новом номере журнала фантастики и футурологии «Если»:

- Вместо человека: как роботы заменят человеческий труд?
- Вместе с человеком: как роботы изменят природу человеческой деятельности?
- От фантастики к маркетингу: сколько будет стоить домашний андроид?
- Трудно быть ботом: проблемы безопасности в мире людей и роботов
- Искусственный интеллект, «Интернет вещей», домашние и промышленные роботы — как остаться человеком?
- Фантастические рассказы Святослава Логинова, Билла Джонсона, Сергея Слюсаренко, Джея О'Коннела и других замечательных авторов